

АНАТОЛИЙ ЯКОВЛЕВ

ЗАВЕЩАНИЕ
ДЖОНА ЛОККА,
приверженца мира,
философа и англичанина

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Анатолий Яковлев
Завещание Джона Локка, приверженца
мира, философа и англичанина

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5001160

Завещание Джона Локка, приверженца мира, философа и англичанина.: Изд. Института Гайдара;
Москва; 2013

ISBN 978-5-93255-357-2

Аннотация

Книга посвящена анализу контекстов произведений английского мыслителя Джона Локка (1632–1704), публиковавшихся при его жизни анонимно и названных им «своими» только в завещании: «Два трактата о правлении», «Послание о толерантности» и «Разумность христианства». Высказывается гипотеза о том, что утерянная «средняя» часть «Двух трактатов» была посвящена вопросу о толерантности. Вместо этой пропавшей части друзья Локка опубликовали памфлет «Epistola de Tolerantia», а затем его перевод на английский язык. Тезис об отделении церкви от государства как важнейшем требовании христианства – в центре политической мысли Локка. В «Разумности христианства» Локк рассуждает о преодолении раздора среди христиан, предлагая свободные от слепого следования «системам» и необходимые для личного спасения принципы искреннего чтения и понимания Священного Писания.

Для широкого круга читателей, интересующихся интеллектуальной и политической историей Европы второй половины XVII в.

Содержание

Предисловие	4
Часть I «Два трактата о правлении»	8
Завещание, кодицилл и поправка Де Мезо – Коллинза	8
Шефтсбери и «кризис исключения»	20
Локк, Бойль, Сиденхем и Шефтсбери	37
Дискуссия о датировке	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Анатолий Яковлев

Завещание Джона Локка, приверженца мира, философа и англичанина

Предисловие

ВЕСНОЙ 1973 г. мне довелось побывать в Йоркском университете в Торонто (Канада) и встретиться с профессором Джоном Уильямом Иолтоном. Ректор университета представил его как крупнейшего специалиста по Джону Локку, хотя сам Иолтон отреагировал на эту рекомендацию легкой улыбкой. Нам удалось поговорить. Мне тогда было двадцать лет, и я был студентом философского факультета Московского университета. Иолтон спросил меня, слышал ли я что-нибудь о Локке, и когда я ответил, что Локк – один из моих любимых философов, был очень этим удивлен. «Что же Вам так нравится в Локке? – спросил он. – Наверное, его политические идеи?» И еще больше он удивился, когда я ответил, что меня интересует его теория познания.

По окончании встречи Иолтон подарил мне две недавно вышедшие книги о Локке: одна из них была написана им самим, а вторая представляла собой сборник статей разных авторов. Эти книги пролежали на полке почти 34 года, пока наконец не «выстрелили», как рано или поздно выстреливает известное ружье. Ранее я несколько раз пытался читать эти тексты, но всякий раз спотыкался о собственное полное непонимание подходов и идей крупнейших – как я теперь понимаю – локковедов конца 1960-х гг., т. е. первого послевоенного поколения исследователей Локка и их неформального лидера Джона Иолтона.

В 2007 г. в моей жизни наступил момент, когда книги, подписанные Иолтоном, послужили делу, для которого они были предназначены. Мое «непонимание» локковедов оказалось эвристически важным элементом всей проделанной с тех пор работы. Во-первых, это непонимание заставило составить подробную библиографию. Сегодня в ней более двух тысяч названий, и она, разумеется, остается неполной, однако сам этот этап исследования позволил увидеть и объем первичной и вторичной литературы, и ее разброс во времени с конца XVII до начала XXI в., и наличие различных локковедческих школ и, соответственно, различных интерпретаций Локка. Составление библиографии и попутное чтение литературы, созданной первым послевоенным поколением локковедов, заняло не менее двух с половиной лет, т. е. примерно половину срока, ушедшего на весь, как теперь говорят, «проект».

По ходу этих штудий выяснилось, что в библиотеках Москвы практически нет ничего из той богатой локковедческой литературы, которая накопилась на Западе за последние 50–60 лет. Сам этот факт глубоко меня поразил, и я до сих пор размышляю над тем, почему это произошло. Объяснение странному пробелу может быть только одно: все время, пока существовала советская власть, Локк был самым главным ее врагом, поскольку считался основным теоретиком классического либерализма – теории, по лекалам которой построен современный мир. Маркс и Ленин были знаменем одной половины планеты, революционной и видевшей в частной собственности источник всего социального зла; Локк был знаменем обратной стороны земли, «мира насилия и эксплуатации», которому предстояло быть разрушенным, а затем... И т. д. и т. п.

Исторически сложилось так, что на роль главного либерала и демократа в сознании тех, кто был склонен к свободомыслию, постепенно выдвинулся Иммануил Кант, вокруг имени которого в нашей стране собралась целая когорта историков философии.

Итак, литературу о Локке пришлось собирать самостоятельно, не надеясь на помощь старшего поколения. И на это ушло много времени, о чем я совершенно не жалею, потому что время для дополнительных размышлений – лучший друг историка-энтузиаста, зачастую, в силу своего энтузиазма, не способного посмотреть на проблему сразу с нескольких точек зрения, попробовать применить одновременно несколько интерпретаций, а вместо этого поддающегося самой яркой и «вкусной» трактовке.

Как предугадал в свое время Джон Иолтон, так и вышло. Начав с интереса к собственно философской стороне взглядов Локка, с его концепции опыта, я постепенно переключался к его политическим идеям. Первой книгой, прочитанной мной по этой теме, стала известная работа Ричарда Ашкрафта, о которой многое будет сказано в первой части. Впечатление от его идей было настолько сильным, что я и предположить не мог, что уже через год моя точка зрения радикально изменится. Изменение точки зрения происходило еще несколько раз за последующие четыре года интенсивного чтения локковедческой литературы, и в конце концов мне даже показалось, что написать что-либо правдоподобное о Локке вообще невозможно, поскольку каждая новая большая порция информации меняла мои прежние представления. И тогда мне пришло в голову, что можно было бы попытаться выйти за пределы собственно локковских «интерпретаций» в более широкое и свободное пространство исторического контекста, а лучше сказать – исторических контекстов в их переплетенности, взаимопроникновении, взаимодополнительности. Этот мыслительный и практический (в смысле освоения литературы) шаг оказался решающим. Суть его лучше всего пояснить на примере моей собственной истории и истории моих сверстников и однокашников.

В 1976 г. я окончил философский факультет МГУ по кафедре истории зарубежной философии. Профессора и преподаватели этой кафедры, которым я безмерно благодарен за их веру в «источники», т. е. в чтение текстов самих философов в противоположность изучению вторичной – зачастую очень слабой – советской философской литературы, представляли собой одно из лучших историко-философских сообществ нашей страны. В те годы изучение текстов было единственной отдушиной для историков философии. Однако парадоксальным образом и по той же самой причине историки философии оставались пленниками того, что можно условно назвать текстологическим подходом. Правильное, более правильное, еще более правильное и т. д. изложение текстов, их сравнение, дедукция одних текстов из других, нахождение совпадений и связей между текстами разных эпох – вся эта «игра в бисер» стала познавательным идеалом историко-философской работы. Причем историки философии представляли собой наиболее продвинутую и далекую от марксистского догматизма часть философского сообщества советских времен. Высшим его достижением стали переводы классиков мировой философии, впрочем, иногда скудно комментированные и потому недостаточно тщательно выполненные¹. Тем не менее и эти переводы были неизмеримо лучше любых «изложений».

После поступления в аспирантуру мне было предложено заняться сопоставлением концепций Дэвида Юма и Бертрانا Рассела, однако, хотя это предложение было очень щедрым, а сама тема необычайно интересной, мне хотелось, прежде чем заниматься такого рода исследованием, разобраться в том, что такое сама историко-философская работа.

Изучение историко-философской концепции и самой практики работы английского историка философии Фредерика Коплстона привело меня к пониманию того, что текстологический подход тесно связан с процессом преподавания и требованиями, диктуемыми форматами лекций и семинаров. Ярким выражением такого педагогического подхода стала

¹ В дальнейшем изложении везде будут приводиться переводы фрагментов текстов и даже названий работ, выполненные заново. В принципе, издания классиков в новых переводах должны выпускаться в свет каждые двадцать лет, вместе с развитием исторической науки, и я надеюсь, что и Локк, и другие мыслители XVII в. будут изданы вновь, а их произведения получат новую жизнь на русском языке в новой культурно-исторической ситуации, возникшей после 1991 г.

концепция Г.В.Ф. Гегеля, для которого история философии была всего лишь способом изложения самой философии. Самым простым приемом такого рода (например, в курсе диалектического материализма) было построение системы историко-философских категорий. Предполагалось, что всякий философ является воплощением некоего категориального «духа» или «идеи» (скажем, рационализма или эмпиризма, идеализма или материализма, экзистенциализма или прагматизма и т. д. и т. п.), о чем лектор и сообщал аудитории, иногда даже рисуя систему мировой философии мелом на доске.

Нечего и говорить, что «большая» история оставалась для историков философии чем-то далеким, малопонятным и ненужным. Для историка мировой философии, текстолога и педагога, «большая» история – чужая дисциплина, которой занимаются другие исследователи, работающие на других факультетах и в других институтах. История философии выпала из «большой» истории, став частью философии – или марксистской, но «категориальной», или «текстологической», но тоже вневременной, имеющей свою собственную внутритекстуальную логику.

История того, как это произошло, должна быть изучена отдельно. Выделение истории философии в отдельную дисциплину состоялось не в рамках марксизма, а в век Просвещения. Затем преподавание истории философии сделалось профессией и обязательным предметом. Преподаватели начали ее преподавать, а студенты начали ее изучать. И речь шла не просто о том или ином мыслителе – в конце концов, Аристотеля изучали и в Средние века. Дело было в образовании особого философского канона с присвоенными каждому отдельному философу «идеями»-ролями.

Неплохо было бы написать историю истории философии. Но на данный момент моя цель заключается в другом. Мне важно показать саму возможность существования истории мысли, не ограниченной рамками истории философии. Собственно говоря, программа такого рода существует давно и называется «историей идей», а иногда «контекстуальным подходом». Неважно, насколько эти термины передают суть дела, поскольку существуют образцы, живые примеры такого подхода, воплощенные в целом ряде опубликованных работ². Многие из них, на материале, связанном с фигурой Джона Локка, обсуждаются и в нашей книге, которая тоже представляет собой отличающуюся от историко-философской «текстологии» форму исторической работы.

Самое главное в этой форме то, что она позволяет ставить множество частных исторических задач. И чем дальше мы продвигаемся в понимании истории идей, пытаюсь решить эти задачи, тем больше возникает новых задач. Эта бесконечность, порой превращающая решение каждой новой задачи в новую частную исследовательскую программу, сначала пугает, однако затем заставляет понять, что смысл исторического или любого другого научного исследования не в достижении результата, а в самом процессе поиска.

Выход за рамки историко-философской «текстологии» и педагогики в более широкое пространство «большой» истории вызывает необходимость в привлечении дополнительных массивов информации. И речь идет не только об архивах, но и о дисциплинарных типах материала, соответственно о междисциплинарном характере исследования изучаемого события или персоны. Например, изучение Локка в контекстах предполагает привлечение историко-научных исследований, исследований по истории церквей и религий, истории политической мысли, истории культуры и биографических изысканий.

Включаемые в контекстуальное исследование дисциплины задают первые «контексты». Но дальше их наложение друг на друга порождает все новые и новые контексты. Количество контекстов растет по экспоненте и требует введения ограничений со стороны исто-

² Одним из таких образцов является работа самого Локка – «Парафраза и примечания к посланиям св. Павла», подготовленная им в последние годы жизни и изданная посмертно в 1706 г.

рика, которые позволяли бы оставаться в рамках меняющегося, но сохраняющего хотя бы номинальное постоянство предмета. В данном случае единство предмета задается личностью самого Локка. Сила такого подхода заключается в том, что он позволяет через контексты, в которых существуют и с которыми связаны личности или события, увидеть новые точки потенциального роста исторического знания.

Приходится предупредить читателя, что эта книга – не об идеях Локка, а о КОНТЕКСТАХ, в которых существовали эти идеи. В ней делается попытка нащупать «нерв» каждой из двух важнейших для понимания его политической мысли работ, попытка отсечь лишнее, чуждое, появившееся в результате поисков смысла, якобы имманентного тексту и только и ожидающего, что его из текста извлекут. Эта книга писалась в убеждении, что смысл не является чем-то внутренне присущим самому тексту, но задается значительно более широким пространственно-временным целым истории. Именно исторические контексты задают смысл как «Двух трактатов о правлении», так и «Послания о толерантности».

Иногда говорят, что контекст как бы убивает текст. Эта мысль обращает наше внимание на результат контекстуального анализа, порой изменяющего трактовку исторической фигуры или того или иного события. Но, с другой стороны, контекстуальный подход – и в этом может заключаться его оправдание – дает тексту новую жизнь.

А подчас сам контекст доходит до наших дней, «прорастает» в них. Именно это происходит сегодня с «Двумя трактатами о правлении» и «Посланием о толерантности» Джона Локка. Эти произведения живы сегодня потому, что живы их контексты.

И теперь настало время, когда необходимо очень внимательное изучение и текстов, и контекстов Локка. Надеюсь, что мне удалось, хотя бы в какой-то мере, это показать.

* * *

Более всего появлению этой книги я обязан моей жене Татьяне Алексеевне Уманской, которая терпеливо читала каждый новый вариант рукописи и делала замечания, серьезно повлиявшие на конечный результат. Не менее важной была ее вера в то, что книга должна получиться. Несколько бесед с Натальей Ивановной Кузнецовой оказали стимулирующее воздействие на написание частей книги, затрагивающих историю естествознания. Критические замечания Алексея Борисовича Григорьева позволили прийти к более точным формулировкам в тех главах, которые посвящены истории религий и церквей.

Лето 2007—осень 2012 г.,

Ново-Дарьино

Часть I «Два трактата о правлении»

Завещание, кодицилл и поправка Де Мезо – Коллинза

«ОСТАНОВИСЬ, путник! Здесь лежит ДЖОН ЛОКК.

На вопрос, каким он был, он ответил бы, что жил, довольствуясь своим скромным уделом. Познав науки, он достиг того, что надобно одной лишь истине. Ты узнаешь это из его сочинений, которые вернее сомнительных похвал эпитафии поведают, что еще, помимо этого, можно сказать о нем. Любые добродетели его были слишком малы, чтобы вдохновить тебя славным примером; а грехи пусть вместе с ним будут преданы земле. Если ищешь пример для подражания, то он в Евангелиях; если пороков, не ищи его нигде; а пример смертности (какая бы ни была в том польза) ты найдешь, будь уверен, и здесь, и повсюду. На сей плите, век коей тоже недолог, начертано, что он родился в год Господа нашего 1632, августа 29-го, а умер в год Господа нашего 1704, октября 28-го».

Эпитафия, высеченная на надгробной плите Джона Локка, была составлена им самим. Смерть его не была внезапной, Локк ясно сознавал приближение конца и успел отдать все необходимые распоряжения, в частности написать завещание, первый вариант которого был составлен еще в 1695 г., а окончательный вариант датирован и апреля 1704 г. Согласно завещанию, 3 тысячи фунтов под опеку (до достижения 25-летнего возраста) получил сын леди Машем (в девичестве Дамарис Кедворт³) Френсис (Франк) Машем, около 1500 фунтов были распределены по длинному списку в суммах от 1 до 200 фунтов. Оставшиеся деньги и личные вещи получил двоюродный племянник Локка Питер Кинг (Питер был сыном Анны Кинг, дочери Питера Локка – дяди Джона Локка) – позднее барон Кинг Оккамский и лорд-канцлер Англии (1725–1733), член Лондонского королевского общества с 1728 г., предок графов Лавлейсов (титул был пожалован в 1838 г.)⁴. Локк умер состоятельным человеком, его накопления на момент смерти достигали 12 тысяч фунтов⁵, включая стоимость земли, которая досталась по закону (поскольку эта часть наследства не была оговорена в завещании) в равных долях Питеру Кингу и еще одному кузену – Питеру Страттону.

Половина библиотеки была завещана Франку Машему, другая половина и все письма, дневники, записные книжки и разного рода рукописи – Кингу. В кодицилле (дополнении к завещанию), датированном 15 сентября 1704 г., Локк распорядился передать в Бодлеанскую библиотеку свои труды, ранее опубликованные анонимно (первое, второе и третье «Послания о толерантности», «Два трактата о правлении», «Разумность христианства» и

³ Дамарис Кедворт, дочь «кембриджского платоника» Ралфа Кедворта, высокообразованная и обладавшая широкими связями женщина, была близким другом Локка, с которым она познакомилась в конце 1681 г. в Лондоне. Начиная с 1691 г. Локк жил в Хай-Лавере, родовом поместье ее мужа сэра Френсиса Машема в Оутсе (графство Эссекс). Леди Машем была предана Локку и относилась к нему как к «отцу и брату». Письма к Локку она подписывала «Филоклея». В свою очередь Локк отзывался о леди Машем как о «в высшей степени одаренной женщине». Машем была автором двух трактатов: «Рассуждение о Божьей любви» («A Discourse concerning the Love of God», 1696) и «Некоторые мысли относительно добродетельной или христианской жизни» («Occasional Thoughts in Reference to a Virtuous or Christian Life», 1705).

⁴ Кроме всего прочего, Кинг был автором трактата под названием «Исследование уклада, учения, единства и богослужения в первоначальной церкви, процветавшей в первые триста лет после Христа...» («An Enquiry into the Constitution, Discipline, Unity & Worship of the Primitive Church that flourished within the first Three Hundred Years after Christ...», London, 1691), выход которого в свет сблизил Кинга с Локком. В 1680-х гг. доверенным лицом Локка был тоже его родственник, в 1690-х гг. видный член парламента и один из лидеров вигов Эдвард Кларк.

⁵ Последуем совету Марка Голди и умножим на 100, чтобы получить сумму, примерно равную сегодняшней стоимости этих денег {Goldie M. The Life of John Locke // The Continuum Companion to Locke / Ed. by S.-J. Savonius-Wroth, P. Schuurman, J. Walmsley. – London; N. Y.: Continuum International Publishing Group, 2010. P. 34}. По мнению Голди, эти деньги Локк сумел накопить в 1690-х гг. благодаря вложениям в Ост-Индскую компанию и Банк Англии.

две его «Виндикации», т. е. два «Оправдания»). Предыстория составления кодицилла такова. 6 февраля 1703 г. университетский библиотекарь д-р Джон Хадсон отправил Локку письмо с просьбой передать свои работы в Оксфорд. 4 марта 1703 г. Локк, еще раз проконсультировавшись с Джеймсом Тиррелом, поручил издателям Черчиллям отослать в библиотеку «Опыт о человеческом понимании», «Письмо» архиепископу Стиллингфлиту и последующие «Ответы», а также экономические памфлеты и «Некоторые мысли об образовании». Выразив свою признательность, Хадсон 20 апреля 1703 г. написал: «Не смею спрашивать, все ли это книги, которые вы намеревались нам передать»⁶. Более чем через год Локк дал ответ на этот вопрос в кодицилле: публичной библиотеке Оксфордского университета завещались экземпляры «всех книг, автором которых я являюсь и которые были опубликованы без указания моего имени»⁷.

Вскоре после смерти Локка и завещание, и кодицилл были опубликованы. На сегодняшний день мы имеем два варианта их публикации. Первый относится к 1714 г. и был включен Жаном Ле Клерком в состав третьего расширенного издания его работы «Рассказ о жизни и сочинениях Джона Локка, эсквайра»⁸. Ле Клерк использовал неустановленный источник (хотя, как можно предположить, текст завещания скопировал Пьер Кост – судя по очень близкому к оригиналу пересказу отрывка из кодицилла в письме к Жаку Бернару, редактору «Nouvelles de la Republique des Lettres», от 10 декабря 1704 г.; письмо вышло в «Nouvelles...» в феврале следующего года). Данная публикация была единственным полным воспроизведением завещания и кодицилла вплоть до их публикации Э. де Биром в 1989 г.⁹ Вариант де Бира основывается на копии, хранящейся в Бодлеанской библиотеке (V.L., MS. Locke b.5, item no 14). Оригиналы завещания и кодицилла не найдены.

Важной частью последних распоряжений стали письмо Питеру Кингу от 4 октября 1704 г. и постскриптум к нему от 25 октября, где Локк перечислил ряд своих еще не опубликованных трудов, издание которых оставлял на усмотрение друзей.

В последних просьбах, обращенных к леди Дамарис Машем, содержались распоряжения насчет похорон, которые Локк просил провести как можно скромнее. Вечером 27 октября 1704 г. семья Машем помолилась вместе с ним в его комнате. На следующий день, в три часа пополудни 28 октября 1704 г., Локк закрыл себе глаза руками и умер. Похоронили его рядом с оградой в южной части кладбища при церкви Всех Святых в Хай-Лавере, отпевание у гроба произвел викарий прихода. Позднее на могилу положили мраморную плиту. Много лет спустя плиту перенесли в церковь, где она сегодня и находится.

В вышеупомянутом письме Кингу Локк перечислил свои неопубликованные работы, некоторые из них не имели названия или же названия носили условный характер: 1) рассуждение о видении всех вещей в Боге; 2) рассуждение о чудесах; 3) рассуждение о практике¹⁰ (conduct) понимания; 4) заметки под общим названием «Physica»; 5) парафраза и примечания к посланиям св. Павла. Упоминались также мемуарные заметки, посвященные первому графу Шефтсбери. В вышедшей в свет в 1706 г. книге «Посмертные труды г-на Джона Локка» были опубликованы в следующем порядке работы: (i) «О практике понимания», (ii) «Исследование мнения отца Мальбранша о видении всех вещей в Боге», (iii) «Рассуждение о чудесах», (iv) часть «Четвертого письма о толерантности», (v) «Воспоминания, касающиеся

⁶ The Correspondence of John Locke. Vol. VII / Ed. by E.S. de Beer. – Oxford: Clarendon Press, 1982. P. 743–744, 764.

⁷ The Correspondence of John Locke. Vol. VIII / Ed. by E.S. de Beer. – Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 425.

⁸ [Le Clerc J.] An Account of the Life and Writings of John Locke Esq.; The Third Edition Enlarged, 1714. P. 29–34.

⁹ The Correspondence of John Locke. Vol. VIII / Ed. by E.S. de Beer. – Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 419–427.

¹⁰ Перевод термина «conduct» как «управление» не соответствует смыслу этой работы Локка и всего строя его мысли. Речь идет о «процессе», о «практике», «деятельности», о «правилах», способствующих пониманию, об ошибках, которых следует избегать, и т. д. И поэтому, пока не появился более удачный перевод, будем пользоваться термином «практика».

жизни Антони, первого графа Шефтсбери», а также (vi) «Новый метод ведения записей» (в переводе с французского языка)¹¹.

Работа «Парафраза и примечания к посланиям св. Павла» увидела свет в пяти отдельных выпусках в 1705–1707 гг. – в порядке, особо оговоренном Локком, а позднее была опубликована под одной обложкой. Издатели Черчилли исполнили желание автора «Парафразы», и этот труд оставался анонимным вплоть до 1742 г., когда вышло его четвертое издание с именем автора на титульном листе. Таким образом, из работ, перечисленных в письме Кингу, в первые годы после смерти Локка было издано все, кроме медицинских заметок «Physica», до сих пор не обнаруженных историками.

Половина библиотеки, завещанной Франку Машему, была распродана по частям и, за малым исключением, не сохранилась. Что касается другой половины и рукописей, завещанных Питеру Кингу, то значительная их часть ныне входит в лавлейсовскую коллекцию Бодлеанской библиотеки в Оксфорде, немало рукописей находится в Библиотеке Амстердамского университета (в рукописном фонде ремонстрантов), отдельные документы хранятся в коллекциях Государственного архива Великобритании (как часть архива Шефтсбери), Британского музея, Оксфордского университета, Библиотеки Пирпойнта Моргана в Нью-Йорке, в Библиотеке Ньюберри в Чикаго, Хантингтонской библиотеке в калифорнийском Сан-Марино и других фондах, в том числе и в частных.

Интеллектуальное наследство, полученное Питером Кингом, оставалось на попечении потомков лорда Кинга вплоть до 1942 г., когда большая часть рукописей и несколько книг были переданы в Бодлеанскую библиотеку. И хотя первый осмотр лавлейсовской коллекции был произведен Королевской комиссией по историческим документам еще в 1919 г., детальное ее изучение выпало на долю Вольфганга фон Лейдена, осуществившего эту работу после 1942 г. по поручению оксфордского издательства «Кларендон-пресс». В 1946 г. университет получил от фон Лейдена соответствующий отчет¹², а в 1947 г. коллекция была приобретена у четвертого графа Лавлейса Бодлеанской библиотекой при финансовой поддержке фонда «Пилгрим-траст».

Передаче коллекции в Бодлеанскую библиотеку предшествовала история с рукописью первого наброска «Опыта о человеческом понимании»¹³. В 1935 г. Ричард Аарон обратил внимание на цитаты, приведенные во втором издании (1830) книги потомка Питера Кинга, тоже Питера Кинга, седьмого барона и будущего графа Лавлейса, «Жизнь и письма Джона Локка»¹⁴, которые указывали на существование раннего варианта «Опыта» и ясно свидетельствовали о том, что вариант, опубликованный Бенджамином Рандом в 1931 г.¹⁵ (впоследствии получивший обозначение «наброска В»), не был самой первой версией главного локковского труда. Аарон обратился к Лавлейсу с просьбой разрешить ему ознакомиться с рукописями Локка в том случае, если таковые сохранились.

¹¹ Posthumous Works of Mr. John Locke: viz. I. Of the Conduct of the Understanding. II. An Examination of P. Malebranche's opinion of Seeing all things in God. III. A Discourse of Miracles. IV. Part of a Fourth Letter for Toleration. V. Memoirs relating to the Life of Anthony, first Earl of Shaftesbury. To which is added VI. His New Method of a Common-Place-Book, written originally in French and now translated into English. – London, 1706.

¹² Главные моменты отчета см.: *Locke J. Essays on the Law of Nature* /Ed. by W. von Leyden. – Oxford: Clarendon Press, 1954.

¹³ «Understanding» должно переводиться как «понимание», а не какими-либо другими терминами, вроде «разума» или «разумения». Весь мир переводит этот локковский термин как «понимание», и речь в «Опыте о человеческом понимании» идет именно о понимании в той мере или в тех границах, которые определены человеку. Совершенно непостижимо, каким образом вообще появился перевод «understanding» как «разум». Любой словарь дает в качестве основного значения «понимание».

¹⁴ *King P. The Life of John Locke, with Extracts from his Correspondence, Journals, and Common-place Books.* – London: Colburn and Bentley, 1830.

¹⁵ *Locke J. An Essay concerning the Understanding, Knowledge, Opinion, and As sent* /Ed. by B.Rand. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1931.

Ответ пришел не от Лавлейса, находившегося в тот момент в Африке, а от его поверенного Джослина Гибба. Гибб пригласил Аарона в Гемпшир, отметив, что как раз начал приводить в порядок архив. Однако настоящей причиной приглашения было нежелание Гибба распродавать библиотеку и личные вещи Лавлейсов по частям, как планировалось, через аукцион «Сотбис». Распродажа через аукцион означала рассеяние коллекции, что, например, произошло с архивом Исаака Ньютона, когда огромное количество документов ушло в 1936 г. через аукцион «Сотбис» в частные собрания. Только благодаря личным усилиям А. С. Яхуды, который вывез значительную их часть в США, удалось спасти эти документы. Несмотря на настоятельные рекомендации А. Эйнштейна, ни один из крупнейших американских университетов – ни Гарвард, ни Принстон, ни Йель – не хотел брать ньютоновскую коллекцию на хранение, поскольку содержащиеся там документы касались алхимии, астрологии и теологии и, с точки зрения тогдашнего университетского руководства, свидетельствовали лишь о том, что в какой-то момент великий ученый просто сошел с ума, отравившись ртутью во время сомнительных опытов.

Прибыв в Гемпшир, спустя всего несколько дней Аарон обнаружил рукопись первого наброска «Опыта», которую за сто лет до этого цитировал Питер Кинг, и немедленно сообщил об этом в издательство Оксфордского университета. Как выяснилось, предварительные переговоры уже велись Гиббам с Бодлеанской библиотекой в лице Эдмунда Крастера после того, как в 1932 г. коллекция была частично экспонирована в Лондоне и возникла реальная угроза ее рассеяния. Однако находка Аарона и последующая совместная публикация им и Гиббам первого наброска «Опыта» в 1936 г. ускорили события и в какой-то мере предотвратили реальную угрозу распродажи коллекции по частям, возникшую после смерти третьего графа Лавлейса. В 1942 г., в разгар войны и разрушительных ночных бомбежек Лондона, Гибб добился передачи большей части коллекции на хранение в Бодлеанскую библиотеку. По иронии судьбы найденная Аароном рукопись «наброска А» была продана наследниками и отправилась за океан, доставшись в 1962 г. Библиотеке Пирпойнта Моргана в Нью-Йорке.

Коллекция рукописей Локка в Бодлеанской библиотеке сегодня состоит из переписки, количество писем в которой превышает 3000 единиц, и разного рода документов, включая дневники и записные книжки (38), всего около 1000 единиц. По оценке Эсмонда де Бира, приглашенного оксфордским издательством «Кларендон-пресс» в 1956 г. в качестве редактора многотомного издания переписки Локка, коллекция включает около 2600 писем различных корреспондентов Локку и около 140 писем или их черновиков самого Локка. Вся же в целом переписка Локка составляет около 3650 единиц, примерно 1000 писем от него, остальное – к нему. В переписке, по подсчетам, участвовало более 350 корреспондентов¹⁶. По своему содержанию это весьма разнообразная коллекция, дающая представление о широком спектре интересов Локка, среди них – теология, медицина, экономика, политика, наука, педагогика, философия. Полная ее опись была опубликована в 1959 г. сотрудником западного департамента Бодлеанской библиотеки П. Лонгом¹⁷.

Следующим этапом «возвращения» архива и библиотеки Локка стали усилия, принятые в 50-х гг. XX в. Питером Ласлетом, который попытался проследить судьбу завещанных книг¹⁸. Движущим мотивом его изысканий была надежда найти утерянную

¹⁶ См.: *De Beer E. S. The Correspondence of John Locke // A Locke Miscellany: Locke Biography and Criticism for All / Ed. by Jean S. Yolton. – Bristol: Thoemmes Antiquarian Books, 1990. P. 217.* Статья де Бира первоначально появилась в «The Times Literary Supplement», 16 July 1971. P. 837–838.

¹⁷ *Long P. A Summary Catalogue of the Lovelace Collection of the Papers of John Locke in the Bodleian Library. – Oxford: Oxford University Press, 1958.*

¹⁸ Подробно история этих усилий рассказана самим Ласлетом: *Laslett P. The Recovery of Locke's Library // The Philosophical Canon in the 17th and 18th Centuries: Essays in Honour of John W. Yolton / Ed. by G.A.J. Rogers and S. Tomaselli. – Rochester: Rochester University Press, 1996.*

«среднюю» часть «Двух трактатов о правлении». Гибб передал в Бодлеанскую библиотеку рукописи, а книги из библиотеки Локка остались у Лавлейсов, поскольку на тот момент никто в Оксфорде не был заинтересован в их приобретении. Более того, в качестве само собой разумеющегося распространялось мнение, что книги переданы в Оксфорд вместе с рукописями.

Однако это было не так. В 1948 г. Крастер, оксфордский библиотекарь, объявив публично в газете «Таймс» о приобретении рукописей Локка, отметил, что книги из его библиотеки были рассеяны, а также что на момент его смерти библиотека насчитывала около 2000 книг, которые были разделены поровну между двумя наследниками согласно завещанию¹⁹.

Спустя некоторое время Ласлет обнаружил в той же «Таймс» опровержение, написанное леди Дианой – сестрой четвертого графа Лавлейса, которая утверждала, что книги не рассеяны, а находятся в целостности и сохранности в поместье ее брата. Заручившись поддержкой Гибба, брат которого был мужем Дианы, Ласлет добился встречи с Лавлейсом в декабре 1951 г., и ему показали библиотеку в графском доме Бен-Дамф-Форест на берегу северошотландского озера Лох-Торридон. В ходе изучения библиотеки выяснилось, что часть ее, которую принимали за книги, на самом деле составляли переплетенные рукописи, а некоторые книги содержали пометки, сделанные Локком.

В последующие несколько лет Ласлет не только изучал библиотеку из 660 книг и рукописей и вместе с Дж. Харрисоном, сотрудником Кембриджской университетской библиотеки, составлял ее каталог, но и пытался убедить супругов Лавлейсов, что книги не стоит продавать по отдельности, поскольку это снизит стоимость всей коллекции. В конечном счете Лавлейсы, хотя все же продали часть рукописей и книг (в том числе «набросок А»), в какой-то мере вознаградили усилия Ласлета, сделав его своим главным экспертом по оценке библиотеки.

Вопрос о ее продаже встал в конце 1950-х гг. Покупатель нашелся быстро. Это был не Оксфордский университет, а американский библиофил и меценат Пол Меллон. Ласлету удалось убедить Меллона подарить книги и рукописи (среди них двухтомный гербарий и несколько записных книжек по медицине) Бодлеанской библиотеке, что и произошло в 1960 и 1963 гг. Было условлено, что книги-рукописи должны быть переданы немедленно, а другую часть Меллон мог забрать на какое-то время себе, чтобы, насладившись их видом и проведя реставрацию, затем вернуть в Оксфорд. Когда время пришло, Меллон не только вернул в Оксфорд приобретенные книги, но и принял участие в устройстве «Комнаты Локка» в Оксфорде, где теперь и располагается вся коллекция – и книжная, и рукописная. Помимо книг, завещанных Кингу, Ласлету удалось найти несколько книг, завещанных Франку Машему. И все же, несмотря на усилия Ласлета, какая-то часть – возможно, значительная – архива и библиотеки Локка была продана наследниками в 1930-х и 1950-х гг. и до сих пор находится в неизвестных и недоступных для историков коллекциях.

Общий каталог книг из библиотеки Локка, находящихся на хранении в Оксфорде и других местах, был вскоре опубликован²⁰. По оценке Харрисона и Ласлета, библиотека Локка включала 3641 название, а, учитывая потерю некоторых книг во время периодических отъездов Локка из Англии – сначала во Францию, а потом в Нидерланды, должна была насчитывать около 4000 названий.

Структура библиотеки Локка в сопоставлении с другими частными библиотеками того времени описана в статье Р. Ашкрафта, который отмечает, что большую часть книг составляют трактаты по теологии; затем идут книги по медицине и натурфилософии, вслед за ними

¹⁹ См.: *Craster E. John Locke's Papers // A Locke Miscellany: Locke Biography and Criticism for All / Ed. by Jean S. Yolton. – Bristol: Thoemmes Antiquarian Books, 1990. P. 148. См. также: The Times. 1948. January 12. P. 5, 10.*

²⁰ *Harrison J.R., Laslett P. The Library of John Locke. – Oxford: Oxford University Press, 1965 (2nd ed. – Oxford: Clarendon Press, 1971).*

– книги, посвященные путешествиям, и политические памфлеты. По оценке Джона Милтона, если в 1658–1667 гг. книги по медицине составляли 46,6 %, а затем шли естествознание (16,4 %) и география (15,4 %), то в конце жизни Локка первенство отошло к теологии (23,8 %), а медицина, политика, классическая литература, география, философия и наука занимали от 6,5 до и,1 %²¹.

Несмотря на то что отдельные письма и не публиковавшиеся ранее работы время от времени появлялись в печати вплоть до 1950-х гг., они почти не вызывали широкого отклика у историков. Причина понятна – в локковский «канон» входило всего несколько трудов: «Опыт о человеческом понимании», «Два трактата о правлении», «Послание о толерантности» и «Некоторые мысли об образовании». Все остальное воспринималось как приложение к основным трудам, в которых, как считалось, Локк выразил все свои главные идеи.

Революция в изучении наследия Локка началась в 1950-х гг., когда историки получили доступ к лавлейсовской коллекции. Главными событиями этого нового этапа стали выход в свет ранее не публиковавшихся работ Локка и новые исследования, поставившие вопрос о необходимости существенного расширения «канона». Важными вехами послужили публикация В. фон Лейденом «Опытов о законе природы» (1954)⁵ исследование Джона Йолтона «Джон Локк и путь идей» (1956) и книга Мориса Кранстона «Джон Локк: биография» (1957)^{22*}

Обширное предисловие фон Лейдена к публикации «Опытов о законе природы» и вызвавшая широкий резонанс книга Йолтона стали выражением относительно нового «контекстуального» подхода, а новая биография Локка привлекла внимание к его роли в истории Англии и Европы второй половины XVII в. Важным событием стало критическое издание в 1960 г. «Двух трактатов о правлении» под редакцией Питера Ласлета, перевернувшее прежние представления об этом произведении Локка²³.

Революция, произошедшая в 1950-е гг., заключалась даже не столько в новом «контекстуальном» подходе, расширившем дисциплинарные рамки «истории философии», сколько в том, что Джоном Локком наконец занялся цех профессиональных историков. Локк стал интересен «большой» истории, которая, хотя и не сразу, ассимилировала почти всю область изучения его идей и во многом подчинила исследования своим собственным нормам и стандартам. Итоги 1960-х гг. были подведены в сборнике под редакцией Дж. Йолтона «Джон Локк: проблемы и перспективы» (1969)²⁴, среди участников которого – крупнейшие исследователи Локка первого послевоенного поколения, такие как Эсмонд де Бир, Питер Ласлет, Вольфганг фон Лейден, Ричард Ашкрафт.

Начиная с 1975 г. в рамках «локковского проекта», развернутого оксфордским издательством «Кларендон-пресс», вышел ряд критических изданий произведений Джона Локка: «Опыт о человеческом понимании» под редакцией Питера Ниддича (1975; в мягкой обложке 1979 г.); переписка Локка в восьми томах под редакцией Э. де Бира (1976–1989; девятый, итоговый и аналитический, том до сих пор не вышел в свет); «Парафраза и примечания к посланиям св. Павла» под редакцией Артура Уэйнрайта (1987); «Некоторые мысли об образовании» под редакцией Джона Йолтона и Джин Йолтон (1989); экономиче-

²¹ См.: *Ashcraft R. John Locke's Library: Portrait of an Intellectual // A Locke Miscellany: Locke Biography and Criticism for All / Ed. by Jean S. Yolton. – Bristol: Thoemmes Antiquarian Books, 1990. P. 226–245. См. также: Ashcraft R. John Locke's Library: Portrait of an Intellectual // Transactions of the Cambridge Bibliographical Society. 1969. Vol. 5. No. 1. P. 47–60; Millton J.R. Locke at Oxford // Locke's Philosophy: Content and Context / Ed. by G.A.J. Rogers. – Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 36.*

²² *Yolton J. W. John Locke and the Way of Ideas. – Oxford: Clarendon Press, 1956; Cranston M. John Locke: A Biography. – London: Longmans, Green and Co, 1957.*

²³ *Locke J. Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. – Cambridge: Cambridge University Press, 1960.*

²⁴ *John Locke: Problems & Perspectives. A Collection of New Essays / Ed. by J.W. Yolton. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969.*

ские работы Локка под редакцией Патрика Хайда Келли («Локк о деньгах», 1991); «Разумность христианства» под редакцией Джона Хиггинса-Бидла (iggg); «Религиозные сочинения» под редакцией Виктора Нуово (2002); «Опыт о толерантности и другие сочинения по праву и политике, 1667–1683» под редакцией Джона Милтона и Филипа Милтона (2006); «Виндикации „Разумности христианства“» под редакцией Виктора Нуово (2012)²⁵.

Важную роль сыграли также библиографические описи произведений самого Локка и исследований о нем, составленные Роландом Холлом и Роджером Вулхаусом (1д8з)²⁶, Джоном Аттигом (1985 г. и вплоть до сего дня)²⁷ и Джин Иолтон (1998)²⁸. С 1970 г. под редакцией Роланда Холла выходит ежегодный журнал, посвященный Локку, «Locke Newsletter» (1970–1999), с 2000 г. – под названием «Locke Studies».

Среди исследователей, внесших значительный вклад в изучение Локка, следует назвать, кроме вышеупомянутых, Кеннета Дьюхерста, Грэма А. Дж. Роджерса, Марио Монтуори, Джеймса Тулли, Ханса Аарслефа, Филипа Абрамса, Марка Голди, Питера Анстея, Ричарда Вернона, Иана Харриса, Джона Маршалла, Уильяма Спелмана, Барбару Арнейл, Джереми Уолдрона, Пола Шурмана, Джонатана Уолмсли, Николаса Джолли, Дэвида Вуттона, Луизу Симонутти, Сами-Юхани Савониус-Рот. Разумеется, этот список далеко не исчерпывает всех занимающихся Локком исследователей, число которых растет из года в год.

Таким образом, можно утверждать, что начиная с 1950-х гг. сложилась особая область исторических изысканий, базой которых стали источники из лавлейсовской коллекции и других собраний, и сформировалось сообщество историков-локковедов с продолжающей развиваться общей исследовательской программой.

Публикация произведений, оставшихся в рукописях, вышла за рамки завещания Локка уже в начале XVIII в., несмотря на ясную инструкцию, которая была дана душеприказчику Кингу относительно архива. «Уверен, – писал Локк, – там нет ничего достойного печати». Сам Кинг в «Посмертных работах Джона Локка» опубликовал немного больше, чем было завещано Локком, а именно добавил незавершенное «Четвертое послание о толерантности», заметку о Шефтсбери и английский перевод «Нового метода ведения записей». В том же 1706 г. стараниями Кинга была опубликована «Личная переписка между г-ном Локком и некоторыми его друзьями»²⁹. Все эти новые материалы вошли в локковский «канон» почти сразу же после смерти мыслителя.

Несмотря на большой массив рукописей, находившихся в его распоряжении, Кинг все же не решился на их публикацию. И лишь в 1829 г. правнук Питера Кинга, седьмой барон Кинг, опубликовав «Жизнь Джона Локка, с извлечениями из его корреспонденции, дневников и тетрадей» (третье издание 1858 г.), впервые дал ссылки на источники. Этот труд Кинга был использован в первой более или менее полной биографии Локка, написанной Генри

²⁵ *Locke J. An Essay concerning Human Understanding / Ed. by P. H. Nidditch.*—Oxford: Clarendon Press, 1975; 1979; *The Correspondence of John Locke. Vols. I–VIII / Ed. by E.S. de Beer.* – Oxford: Clarendon Press, 1976–1989; *Locke J. A Paraphrase and Notes on the Epistles of St Paul / Ed. by A. W. Wainwright. Vols. 1–2.* —Oxford: Clarendon Press, 1987; *Locke J. Some Thoughts concerning Education /Ed. by J.W. Yolton, and J. S. Yolton.* – Oxford: Clarendon Press, 1989; *Locke on Money. Vols. I – 11 / Ed. by P. H. Kelly.* – Oxford: Clarendon Press, 1991; *Locke J. The Reasonableness of Christianity, As delivered in the Scriptures / Ed. by J. Higgins-Biddle.* – Oxford: Clarendon Press, 1999; *Locke J. Writings on Religion / Ed. by V. Nuovo.* – Oxford: Clarendon Press, 2002; *Locke J. An Essay concerning Toleration and Other Writings on Law and Politics, 1667–1683 / Ed. by J. R. Milton and Ph. Milton.* – Oxford: Clarendon Press, 2006; *Locke J. Vindications of the Reasonableness of Christianity /Ed. by V. Nuovo.* – Oxford: Clarendon Press, 2012.

²⁶ *Hall R. and Woolhouse R. 80 Years of Locke Scholarship: A Bibliographical Guide.* – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1983.

²⁷ *Attig J. C. The Works of John Locke: A Comprehensive Bibliography from the Seventeenth Century to the Present.* – Westport: Greenwood Press, 1985. URL: <http://www.libraries.psu.edu/tas/locke>.

²⁸ *Yolton Jean S. John Locke: A Descriptive Bibliography.* – Bristol: Thoemmes Press, 1998.

²⁹ *Some Familiar Letters between Mr. Locke, and several of his Friends.* – London, 1706.

Ричардом Фоксом (Фокс-Борном) (1876)³⁰, к сожалению не имевшим доступа к лавлейсовской коллекции. Среди более поздних публикаций можно отметить следующие. В 1927 г. Бенджамин Ранд опубликовал «Переписку Джона Локка и Эдварда Кларка»³¹, а в 1931 г. уже упоминавшийся «набросок В» «Опыта о человеческом понимании». Вместе с «наброском А» Ричард Аарон и Джослин Гибб опубликовали в 1936 г. и отрывки из локковских дневников³². Новый материал был использован Ароном в его не потерявшей актуальности книге о Локке (первое издание 1937 г.)³³ а также в ряде последующих изданий, из них необходимо выделить публикацию Дж. Лафом (1953) дневников Локка, которые тот вел во Франции в 1675–1679³⁴.

* * *

Все перечисленные выше и последующие публикации отрывков, отдельных писем и рукописей, которые осуществлялись с начала XVIII в. и продолжаются вплоть до сегодняшнего дня, можно считать нормальной процедурой исторического исследования. Однако из этого «нормального» ряда выбивается публикация, на которой стоит остановиться подробнее, поскольку именно она стала *первой попыткой существенного изменения и серьезного расширения не только состава, но и содержания локковского «канона», принципы которого были заложены в упомянутом завещании самим Локком.*

Собственно говоря, именно эта публикация послужила основанием для целого ряда современных локковедческих интерпретаций. Речь идет о «Коллекции нескольких работ г-на Локка, никогда ранее не печатавшихся и не входящих в его „Труды“», вышедшей в 1720 г. под редакцией журналиста, переводчика и редактора, члена Лондонского королевского общества с 1720 г. Пьера Де Мезо – человека, близкого к Жану Ле Клерку и Антони Коллинзу³⁵. Во втором издании «Коллекции» в 1739 г. Коллинз даже назывался «руководителем» этой книги. Имя Коллинза появилось не случайно – в последние годы жизни Локк поддерживал с ним близкие отношения.

Де Мезо и Коллинз были уверены, что именно Локк – настоящий автор публикуемых работ. Питер Кинг не стал вмешиваться и не заявил протест, однако отказался помогать Де Мезо и Коллинзу, которые просили его предоставить им дополнительные материалы. Черчилли отказались включить приписанные Локку работы в выходявшие под эгидой их издательства «Труды» Локка³⁶. Тем не менее сочинения из «Коллекции» уже к середине XVIII в. вошли в локковский «канон», хотя тогда значение этого факта не было осознано должным образом. А в 1751 г. они все же были включены в пятое издание «Трудов» Локка и присутствовали во всех последующих изданиях вплоть до девятитомного двенадцатого (1824), ставшего основой для дальнейших многочисленных перепечаток и изданий.

³⁰ Fox Bourne H. R. The Life of John Locke. Vols. I–II. – London: Henry S. King & Co, 1876.

³¹ Rand B. The Correspondence of John Locke and Edward Clarke. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1927.

³² An Early Draft of Locke's Essay together with Excerpts from his Journals / Ed. by R. Aaron and J. Gibb. – Oxford: Oxford University Press, 1936.

³³ Aaron R. / John Locke. – Oxford: Clarendon Press, 1937.

³⁴ Locke's Travels in France, 1675–1679, As related in his Journals, Correspondence & other papers / Ed. by J. Lough. – Cambridge: Cambridge University Press, 1953.

³⁵ A Collection of Several Pieces of Mr. John Locke, Never before Printed, or not Extant in his Works. Ed. Pierre Desmaizeaux. London, 1720. Иногда имена Ле Клерка и Де Мезо передаются, в том числе и западными исследователями, в слитной форме (Демезо и Леклерк), что, по-видимому, является следствием именно такого их написания в списках членов Лондонского королевского общества.

³⁶ The Works of John Locke. In Three Volumes. – London, 1714; 2nd ed. 1722, 3d 1727, 4th 1740, 10th 1801.

В «Коллекцию» были включены два замечательных документа: «Основные законы Каролины» («The Fundamental Constitutions of Carolina», 1669/1670) и «Письмо знатного лица своему другу в деревне» («A Letter from a Person of Quality, to His Friend in the Country», 1675)³⁷.

Джин Иолтон в своем труде квалифицирует эти две работы как принадлежащие Антони Ашли Куперу, первому графу Шефтсбери, и ложно приписанные Локку, ссылаясь, в частности, на статью Дж. Милтона³⁸, а также на мнение Э. де Бира по поводу «Письма знатного лица»: «Де Мезо не приводит никаких доказательств для своего утверждения; нет никаких стилистических или внешних признаков для его обоснования»³⁹. Примерно того же мнения придерживается Джон Атиг, говоря лишь о *возможном* участии Локка наряду с другими политическими советниками Шефтсбери⁴⁰. Джон Милтон и Филип Милтон однозначно отрицают авторство Локка и склоняются к тому, что автором был сам Шефтсбери. По их мнению, хотя Локк вполне мог принимать участие и, вероятнее всего, действительно участвовал в сочинении «Письма знатному лицу», «его роль была, по сути, второстепенной. „Письмо“ было написано по указаниям Шефтсбери и для его целей, и содержание письма отражает его взгляды, а не взгляды Локка»⁴¹.

Как пишет Ф. Милтон, «следует признать, что не существует неопровержимых свидетельств, связывающих его [Локка] с „Письмом“, – нет ни личных признаний, ни черновигов, написанных его рукой, ни неоспоримых современных ему подтверждений и никаких строк, которые были бы написаны только им. Свидетельства, которые у нас имеются, фрагментарны и исключительно косвенны: ни одно из них не имеет решающего характера, и не все указывают в одном и том же направлении»⁴².

К концу жизни Локка публике было хорошо известно, что именно он является автором целого ряда анонимных работ. Тем не менее вплоть до 15 сентября 1704 г. (дата составления кодицилла) Локк этого не признавал. Собственно говоря, сегодня мы приписываем авторство «Двух трактатов о правлении» Локку только на основании признания, которое было им сделано в дополнении к завещанию. Ласлет подчеркивает: «Без этого последнего... мы не имели бы ни одного прямого доказательства того, что он вообще написал эту книгу»⁴³. В кодицилле указаны и другие произведения, опубликованные Локком анонимно. Заметим, что все они, кроме «Двух трактатов» и латинской «Epistola de Tolerantia», так или иначе *оставили* следы в его архиве и позволяют произвести их однозначную атрибуцию и датировку.

Возьмем английский перевод «Epistola» – «Послание о толерантности» и «Разумность христианства». Критики называли их анонимного автора социнианином, унитарием и атеистом (т. е. еретиком, заслуживающим сурового наказания), и при этом все прекрасно знали, что их автор и автор последовавших за ними полемических «посланий» и «виндикаций» – Джон Локк. Кроме того, хотя «Разумность христианства» оказалась опасной работой, которую ставили в один ряд с подрывным трактатом Джона Толанда, Локк не прятал и не уничто-

³⁷ The Fundamental Constitutions of Carolina // The Works of John Locke. Vol. IX. – London, 1824; Locke J. A Letter from a Person of Quality to his Friend in the Country; giving an Account of the Debates and Resolutions of the House of Lords, in April and May, 1675, concerning a Bill, intituled, an Act to prevent the Dangers which may arise from Persons disaffected to the Government // The Works of John Locke. Vol. IX. – London, 1824.

³⁸ Milton J. R. John Locke and the Fundamental Constitutions of Carolina // Locke Newsletter. 1990. No. 21.

³⁹ The Correspondence of John Locke. Vol. II / Ed. by E.S. de Beer. – Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 664П.

⁴⁰ Attig J. C. The Works of John Locke: A Comprehensive Bibliography from the Seventeenth Century to the Present. – Westport, Conn.: Greenwood Press, 1985. p. 7.

⁴¹ Milton J. R. and Milton Ph. General Introduction // Locke, J. An Essay concerning Toleration, and Other Writings on Law and Politics, 1667–1683 / Ed. by J. R. Milton and Ph. Milton. – Oxford: Clarendon Press, 2006. P. 114.

⁴² Ibid. P. 97.

⁴³ Laslett P. Introduction // Locke, J. Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 4.

жал следов, которые свидетельствовали бы о его авторстве. И в кодицилле он прямо назвал это произведение своим.

Посмертно изданный труд «Парафраза и примечания к посланиям св. Павла» прямо назывался Локком «своим» в письме Кингу. Больше того, о его публикации имелась договоренность с издателями Джоном и Оншемом Черчиллями, которым *поручалось опубликовать его, не раскрывая имени автора (!)*.

Что касается «Основных законов Каролины» и «Письма знатного лица», то они не назывались ни в завещании, ни в кодицилле. В архиве Локка тоже нет ничего, что свидетельствовало бы о его авторстве. При жизни Локка и после его смерти никто, кроме Де Мезо и Коллинза, не считал его автором этих документов.

Тем не менее обе эти работы включены в современные сборники политических сочинений Локка, вышедшие под редакцией Д. Вуттона и М. Голди⁴⁴. При этом Вуттон склоняется к тому, что «Основные законы Каролины» – в основном работа Локка, в то время как «Письмо знатного лица» – в основном работа Шефтсбери, а Голди считает обе работы принадлежащими Локку. «Письмо знатного лица своему другу в деревне» включено и в одно из последних научно-критических изданий Локка. Таким образом, и «Основные законы Каролины», и «Письмо знатного лица» продолжают фигурировать как работы, принадлежащие локковскому «канону». Почему?

Причиной является то, что и Голди, и Вуттон придерживаются приблизительно одной концепции, берущей свое начало в уже упомянутом научно-критическом издании «Двух трактатов о правлении» под редакцией Питера Ласлета. Поразительно, как общая концепция может влиять на интерпретацию даже опровергающих ее документов, заставляя маркировать и их в качестве подтверждающих.

Суть концепции заключается в том, что политическая мысль Локка привязывается к конкретному историческому периоду, а именно «кризису исключения». Помимо этого, утверждается, что для понимания Локковых идей необходимо помнить о его близких отношениях с первым графом Шефтсбери, деятельность которого, особенно в последний период его жизни, якобы сыграла определяющую роль в формировании политических взглядов Локка и задает главный контекст создания «Двух трактатов о правлении». Вехами в этом «формировании» и служат, для последователей Ласлета, «Основные законы Каролины» и «Письмо знатного лица». Именно они позволяют «привязать» Локка к контексту Шефтсбери.

Но был ли Локк их автором? Доказать, что был, невозможно. Доказать, что не был, трудно. Но шанс все же имеется.

В 1871 г. вышла биография первого графа Шефтсбери, написанная У. Д. Кристи, в которой цитировался отрывок из письма Локка графу Пемброку от 28 ноября / 8 декабря 1684 г.⁴⁵ Кристи счел это письмо достаточным основанием для того, чтобы сделать вывод о том, что автором «Письма знатного лица» является Шефтсбери. Фокс-Борн счел его основанием для вывода о «политической невинности» Локка. Приведем несколько отрывков из этого письма:

«Меня часто удивляло, при том образе жизни, который я вел, и при том складе характера, который меня отличал... что меня сделали автором столь многих памфлетов, разве только по той причине, что из всей семьи милорда я более других имел дело с книгами. Я думал, что такое мнение обо мне излечат время и содержащиеся в нем противоречия и что наиболее подозревающие меня лица в конце концов перестанут приписывать мне сочинения, содержание и стиль которых, верю я (ибо никогда не видел памфлетов, которые мне

⁴⁴ *Locke J. Political Writings* / Ed. by D. Wootton. – Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2003; *Locke J. Political Essays* / Ed. by M. Goldie. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

⁴⁵ См.: *The Correspondence of John Locke. Vol. II* / Ed. by E.S. de Beer. – Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 661–666.

приписывают), настолько сильно различаются, что вряд ли могли быть написаны одним и тем же автором, к тому же гораздо более способным человеком, чем я. <...> И что же это за странная судьба, наградившая меня репутацией далеко не самого последнего сочинителя, хотя я ничем ее не заслужил. Думаю, что два или три стихотворения, напечатанные под моим именем⁴⁶, не могли создать мне такой репутации. За этим исключением я решительно протестую и заявляю в присутствии Бога, что не являюсь автором не только клеветы, но и какого бы то ни было печатного памфлета или трактата, доброго, злого или нейтрального. Мои всегдашние опасливость и робость в отношении публикаций, даже в вопросах весьма далеких от каких-то клевет и бунтарства, настолько хорошо известны моим друзьям, что многие из них могли бы, уверен, выступить моими компургаторами⁴⁷».

Аналогичное заявление Локк сделал в письме Э. Кларку от 22 декабря 1684/1 января 1685 г.⁴⁸

Разумеется, эти два письма Локка вызывают у современных историков разные оценки. Биограф Шефтсбери– К. Хейли считает, что Локк «темнил»⁴⁹. Р.Ашкрафт, для которого письма Пемброку и Кларку подрывали всю его концепцию Локка как радикала, дал еще более резкую оценку. Письмо Пемброку, пишет он в своей книге, «содержит так много виланий и прямой лжи, что... занимает уникальное место как самый недостоверный и один из самых загадочных текстов, когда-либо написанных Локком»⁵⁰. «Радикальная» позиция Р.Ашкрафта, во всяком случае, отличается последовательностью и отсутствием недоговорок. Если «Два трактата» были написаны в начале 1680-х гг. и если мы считаем полноценным автором этого труда Локка, то мы должны считать письма графу Пемброку и Эдварду Кларку спасительной ложью, а самого Локка – радикальным мыслителем, который был вынужден скрываться от властей в ссылке, а на гребне «славной» революции триумфально вернулся в Англию, достал спрятанное перед ссылкой сочинение и наконец опубликовал свой главный политический труд.

И Хейли, и Ашкрафт, приводя свои доводы, не обращают внимания на слова «*в присутствии Бога*». Локк не мог написать эти слова, не отвечая за них в полной мере.

Вернемся к письму: «Я никогда не делал ничего неподобающего против Его Величества или против правительства: в моей жизни не было ничего меня позорящего, и я не припоминаю ничего, что следовало бы расценить как правонарушение. Я никогда не состоял ни в каких подозрительных клубах или заговорщических кликах, был мало знаком и почти ни с кем не знался в доме, где происходило столь многое, а из тех немногих, с кем я водил дружбу, делал выбор в пользу людей книжных»⁵¹.

По словам Локка, его собственное состояние за время «столь долгого» пребывания в доме Шефтсбери почти не увеличилось, и теперь, пишет он, «получив столь мало пользы от службы ему при его жизни, я должен испытывать столь великие страдания теперь, когда он умер».

⁴⁶ Стихи-поздравления в адрес Кромвеля (1654), Карла II (1660), королевы Екатерины (1662). См.: Locke J. Political Essays / Ed. by M. Goldie. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 201–04, 209–11. Действительно, на конец 1684 г. Локк не опубликовал ничего, кроме этих раболопных стихотворений.

⁴⁷ Компургатор – по законам того времени, свидетель, очищающий обвиняемого от выдвигаемых против него обвинений клятвой в том, что считает его невиновным.

⁴⁸ The Correspondence of John Locke. Vol. II / Ed. by E.S. de Beer. – Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 671–675.

⁴⁹ Haley K.H.D. The First Earl of Shaftesbury. – Oxford: Clarendon Press, 1968. P. 392–393. Приводится по: Milton, J.R., and Milton, Ph. General Introduction // Locke J. An Essay concerning Toleration and Other Writings on Law and Politics, 1667–1683 / Ed. by J.R. Milton and Ph. Milton. – Oxford: Clarendon Press, 2006. P. 112.

⁵⁰ Ashcraft R. Revolutionary Politics & Locke's "Two Treatises of Government". – Princeton: Princeton University Press, 1986. P. 121.

⁵¹ The Correspondence of John Locke. Vol. II / Ed. by E.S. de Beer. – Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 663.

Вообще говоря, тезис о какой-то особенной дружбе Локка и Шефтсбери не получает подтверждения и основывается лишь на свидетельствах первых биографов – Жана Ле Клерка и Пьера Коста. Локк выполнял работу секретаря нескольких комиссий в период, когда Шефтсбери занимал пост лорда-канцлера, т. е. в начале 1670-х гг. Но был ли он его личным секретарем? Во многих работах, затрагивающих тему отношений Локка и Шефтсбери, отмечается также, что они даже обедали за разными столами: Локк был «приписан» к столу графского стюарда – Томаса Стрингера⁵², при этом за собственным столом Шефтсбери делил компанию со своим капелланом и школьным другом Локка Натанаелем Ходжесом⁵³. Известно также, что во время выездов в Уайтхолл Локк находился не в карете с патроном, а всю дорогу шел рядом с экипажем. В письме Локка Пемброку сквозит неприязнь к Шефтсбери, которая находит свое выражение и в меморандуме, который он составил перед смертью по просьбе третьего графа Шефтсбери.

Письма Локка Пемброку и Кларку многое говорят об отношении их автора к Шефтсбери. Но если признать, что *Локк не лгал* (а стоит ли предполагать иное?), то из этого следует, что он не имел прямого или вообще какого-либо отношения к составлению «Основных законов Каролины» и «Письма знатного лица». Раз и в кодицилле не оказалось этих работ, это означает, что он был далек от процесса их создания, в лучшем случае выступал как переписчик или стенографист. Вспомним: Локку стоило немалых сил признать «своими» «Два трактата о правлении», но он все же это сделал.

Из письма Пемброку следует также, что «Два трактата о правлении» были написаны уже после смерти Шефтсбери. Но в таком случае на момент своего исключения из колледжа Крайст-Чёрч в конце 1684 г. Локк оказывается автором: 1) консервативных трактатов 1660–1662 гг., вероятно написанных по просьбе декана колледжа Крайст-Чёрч Джона Фелла; 2) плана лекций, которые фон Лейден назвал «Опытами о законе природы»; 3) «Опыта о толерантности» 1667 г. – переписанного набело рукой Локка некоего текста, вероятно служившего домашней заготовкой для продвигавшегося тогда лордом Ашли Купером (т. е. Шефтсбери) очередного «билля о снисхождении»; 4) совместных с Джеймсом Тиррелом заметок о только что вышедших публикациях Эдварда Стиллингфлита 1681 г. (до сих пор по какой-то причине опубликованных в крошечных фрагментах).

Необходимо помнить, что ни одна из этих работ не была опубликована при жизни Локка и даже их названия являются условными и придуманы позднейшими публикаторами. Локк никогда не собирался публиковать эти свои сочинения. Да и чего только не бывает в архивах! Если же «убрать» из «канона» приписанные Локку работы «Основные законы Каролины» и «Письмо знатного лица» и предположить, что «Два трактата» написаны уже после смерти графа Шефтсбери, то становится весьма сомнительным, что Локк когда-либо был теоретиком колониализма, идеологом вигов и радикалов, соратником Шефтсбери и активным участником политических баталий и заговоров 1670-х – начала 1680-х гг.

Сомнительной оказывается и вся детально разработанная историографическая конструкция, толчком к созданию которой послужила поправка Де Мезо – Коллинза, фундаментом стала гипотеза Ласлета, а само здание с многочисленными и порой альтернативными выводами возвели многочисленные последователи Питера Ласлета в 1970-2000-х гг.

Все дальнейшее изложение, с одной стороны, представляет собой критический анализ современных историографических концепций (в том числе и выводов Ласлета), а с другой стороны, является попыткой иного взгляда на фигуру Локка и на контексты его политической мысли.

⁵² См.: *Milton J. R. Shaftesbury, First Earl, 1621–1683 // The Continuum Companion to Locke*. Ed. by S.J. Savonius-Wrothwroth, P. Schuurman, J. Walmsley. – London – N.Y.: Continuum International Publishing Group, 2010.

⁵³ *Milton J. The Unscholastic Statesman: Locke and the Earl of Shaftesbury // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury, 1621–1683 / Ed. by Spurr. – Farnham: Ashgate Publishing, 2011. P. 177–178.*

Шефтсбери и «кризис исключения»

Ни одно исследование наследия Локка не может пройти мимо издания «Двух трактатов о правлении» под редакцией, с предисловием и примечаниями Питера Ласлета, впервые опубликованного в 1960 г.⁵⁴ Читая предисловие Ласлета, ловишь себя на мысли, что оно написано человеком, не слишком симпатизирующим своему герою – например, в оценке записи Локка, посвященной Шефтсбери, в которой рассказывается о роли последнего в реставрации монархии и возвращении на трон Стюартов в лице Карла II.

«Последним литературным творением Локка, – пишет Ласлет, – стало жизнеописание, или оправдание, или Eloge, как говорили французы, его великого хозяина. Это был последний долг, который отдают образованные люди тем, кто сделал для них возможными литературную жизнь и жизнь мысли»⁵⁵. В этом «мемуаре» Локк не говорит ни слова о годах совместной работы с Шефтсбери, а выбирает известный эпизод, который он мог знать в деталях лишь по рассказам других людей или от самого Шефтсбери. Речь шла о парламентской делегации к Карлу Стюарту с просьбой взойти на английский трон. Локк познакомился с Шефтсбери в 1666 г., а описываемые в заметке, составленной по просьбе его внука, третьего графа Шефтсбери, события относились к 1660 г., когда Антони Ашли Купер, в свое время предавший Карла I, ставший сторонником парламента, республики, а затем Кромвеля, не просто перешел на сторону монархии, но принял активное участие в ее восстановлении, за что незамедлительно получил титул барона и пост лорда казначейства.

В словах Ласлета чувствуется и ирония, и моральная оценка. Говоря далее о «Двух трактатах о правлении», Ласлет отмечает, что значение этого сочинения Локка производно от его «Опыта о человеческом понимании», опубликованного в 1690 г.: «Со времени его [Локка] смерти связь с „Опытом“ была главной характеристикой „Двух трактатов“». Рассуждали так: крупный философ обращается к политике, поэтому написанное им должно представлять собой серьезную политическую философию»⁵⁶. Затрагивая тему анонимности и объясняя решение Локка не раскрывать себя в качестве автора «Двух трактатов», Ласлет говорит, что Локк боялся критики. «Критика всегда глубоко его задевала, что послужило одной из причин нежелания признавать авторство собственных книг, которые, как он полагал, могли стать предметом нападок»⁵⁷.

Ласлет начинает свое введение к изданию «Двух трактатов о правлении» с цитаты из письма Локка преподобному Ричарду Кингу, кузену Питера Кинга, от 25 августа 1703 г. Отвечая на вопрос о «кратчайшем и надежнейшем способе для юного джентльмена достичь истинного знания христианской религии в ее полном и точном виде», Локк, в частности, пишет: «Нигде я не нашел более ясного объяснения собственности, чем в книге, озаглавленной „Два трактата о правлении“»⁵⁸. Ласлет замечает: «Редко когда автор рекомендует одну из своих собственных работ в качестве руководства для юного джентльмена, стремящегося приобрести „понимание устройства правления и реальных интересов его страны“. Но еще реже человек, готовый сделать это, ставит свою собственную книгу в один ряд с „Политикой“ Аристотеля и „Церковной политикой“ Гукера, как если бы эта работа была написана

⁵⁴ *Locke J. Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988.* Издание 1988 г. содержит ряд исправлений, которых нет во 2-м издании 1967 г., в том числе в предисловии и примечаниях, учитывающих исследовательскую работу сообщества локковедов в 1970-1980-х гг. и изменение некоторых оценок самого Ласлета.

⁵⁵ *Laslett P. Introduction // Locke, J. Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 37.*

⁵⁶ *Ibid. P. 38.*

⁵⁷ *Ibid. P. 38–39.*

⁵⁸ *The Correspondence of John Locke. Vol. VIII / Ed. by E.S. de Beer. – Oxford: Clarendon Press. 1981. P. 56, 58.*

кем-то другим, кого он не знает. И, наверное, уникально, когда это делается в письме к родственнику. Зачем вообще было скрывать это от человека, который, по всей вероятности, об этом знал?»⁵⁹ Ласлет отмечает, что аналогичная ссылка на собственную работу содержится в работе Локка «Некоторые мысли о том, что читать и изучать джентльмену» («Some Thoughts concerning Reading and Study for a Gentleman», впервые напечатана в «Коллекции» Де Мезо и Коллинза)⁶⁰.

По словам Ласлета, Локк «ненормальным, маниакальным образом» заметал следы, уничтожив все подготовительные материалы к книге, все ссылки на нее в своих бумагах, касающиеся ее композиции, издания и переиздания, а переговоры с издателем вел через третью сторону (Эдварда Кларка). Даже в каталоге своей библиотеки он обозначил эту книгу как анонимную.

В историографии Локка, помимо отмечаемого практически всеми историками вклада Ласлета в подготовку научно-критического издания «Двух трактатов о правлении», принято считать (можно даже сказать – стало общим местом), что это произведение было написано не в преддверии и не во время «славной революции» 1688–1689 гг., а раньше – в период политического кризиса, получившего название кризиса «исключения». Эта «поправка», на возможность которой впервые указали Де Мезо и Коллинз, означала для Ласлета, что обстоятельства возникновения Локковых концепций и их смысл требуют полного пересмотра. Главным было то, что, как считал Ласлет и затем его последователи, идеи «Двух трактатов о правлении» в этом случае связаны с политикой зарождавшейся в середине 1670-1680-х гг. партии вигов и ее лидера – первого графа Шефтсбери.

Одно упоминание имени Шефтсбери долгое время вызывало, да и сегодня нередко вызывает негативные ассоциации. Хитрый, ловкий политик, меняющий свои позиции и взгляды в зависимости от ситуации, не гнушающийся любыми средствами ради достижения своих политических целей и удовлетворения непомерного тщеславия, – все это всплывало в памяти, когда речь заходила о событиях трех периодов английской истории – гражданских войн и Республики, протектората и Реставрации. Что касается Локка, то его имя до сих пор ассоциируется с именем Шефтсбери. Локк был, по мнению многих исследователей, его «домашним философом»⁶¹, «проживавшим по месту службы идеологом»⁶², «личным мозговым центром»⁶³, «частью мозгового треста»⁶⁴, «находящимся на содержании интеллектуалом», «наемным интеллектом дома Шефтсбери»⁶⁵, наконец, его «человеком идей»⁶⁶.

Историки привычно отмечают также, что Локк якобы был не только мыслителем, но и человеком действия: курьером, передававшим тайные сообщения, заговорщиком и даже хирургом-любителем, осуществившим сложнейшую операцию по спасению своего патрона от смертельного недуга. Так или иначе, и особенно после издания Де Мезо и Коллинзом «неизвестных» произведений Локка, имя последнего оказалось неразрывно связано с именем и деяниями Шефтсбери.

⁵⁹ *Laslett P.* Introduction // *Locke J.* Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 3.

⁶⁰ См.: *Locke J.* Some Thoughts Concerning Reading and Study for a Gentleman // *Locke J.* Political Essays / Ed. by M. Goldie. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

⁶¹ *Cranston M.* John Locke and the Case for Toleration // *John Locke: A Letter concerning Toleration in Focus* / Ed. by J. Horton and S. Mendus. – London and N.Y.: Routledge, 1991. P. 79.

⁶² *Parry G.* John Locke. – N.Y.: Routledge, 1978. P. 5.

⁶³ *Lloyd Thomas D. A.* Locke on Government. – London and N.Y.: Routledge, 1995. P. 3.

⁶⁴ *Haley K.H.D.* The First Earl of Shaftesbury. – Oxford: Clarendon Press, 1968. P. 215.

⁶⁵ *Dunn J.* The Political Thought of John Locke: An Historical Account of the Argument of the “Two Treatises of Government”. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969. P. 29, 212.

⁶⁶ *Kenyon J. P.* Stuart England. – London: Penguin Books, 1978. P. 8.

И все же, как отмечает Джон Милтон, хотя судьбы этих двух людей и переплелись, их отношения не отличались близостью. «В любом случае есть что-то фундаментально неподходящее в предположении, что Локк или любой другой человек мог быть политическим советником Шефтсбери. Ко времени, когда Локк вошел в его окружение, Шефтсбери был политиком, имевшим огромный и необычайно разнообразный опыт, и нуждался в политическом советнике не больше, чем Моцарт в советнике музыкальном. Некоторые советы ему действительно были нужны: медицинские, особенно касавшиеся перенесенной им в 1668 г. операции, юридические – и когда он занимал пост лорда-канцлера, и когда был арестован в 1681 г. Однако вокруг него было множество экспертов, гораздо лучше Локка разбирающихся в этих вопросах, и разумно предположить, что и Локк, и Шефтсбери это понимали»⁶⁷.

Об отношениях, которые в принципе могли или не могли сложиться между Локком и Шефтсбери, лучше всего, пожалуй, говорят биографии этих двух очень разных людей и история их деяний. Начнем с Шефтсбери.

* * *

Антони Ашли Купер родился 22 июля 1621 г. в Дорсете, в богатой аристократической семье. Рано остался без родителей, воспитывался опекунами, недолго учился в Оксфорде, затем в юридической школе Линкольнз-Инн. В 1639 г. женился на дочери лорда-хранителя печати Томаса Ковентри Маргарет, а поскольку сестра его жены вышла замуж за Уильяма Савиля, отца Джорджа Савиля, первого маркиза Галифакса, то благодаря этим двум обстоятельствам Купер с самого начала своей карьеры оказался в центре политической жизни.

В первый период гражданской войны он не спешил встать на чью-либо сторону, затем ненадолго принял сторону короля, тут же наградившего его рядом незначительных должностей, но затем, в феврале 1644 г., перешел на сторону парламента, объяснив это тем, что, по его мнению, роялисты не намерены защищать протестантскую религию и английские свободы. Сделав это, он рисковал своими владениями в Дорсете, Сомерсете и Уилтшире, оставшимися за линией, разделявшей две армии.

После смерти Маргарет в 1650 г. Купер женился на леди Франсес Сесил. В этом браке родился его сын Антони Ашли, будущий второй граф Шефтсбери. Вскоре после казни Карла I Купер стал мировым судьей Уилтшира и Дорсета, а затем уполномоченным (комиссионером – commissioner) по сбору налогов в этих графствах. В феврале 1650 г. он принял «торжественное обязательство» и поклялся в лояльности республике. В 1652 г. вошел в так называемую комиссию Хейла, занимавшуюся разработкой новой конституции, возможно, в качестве представителя самого Кромвеля. В 1653 г., после военного переворота и разгона «Охвостья», был назначен представителем Уилтшира в «Бербонском» (другие названия – «назначенный», «малый») парламенте, в июле стал членом госсвета и в августе его председателем. В декабре 1653 г., после падения Бербонского парламента, был назначен одним из пятнадцати членов госсвета, сформированного согласно конституции протектората – «Орудия управления».

Новая конституция «Орудие управления» рассматривала государственный совет в качестве ключевого элемента правительства, по сути дела – как противовес единоличной власти лорда-протектора и своего рода рычаг «управляемой монархии». С точки зрения Купера, режим нуждался в совершенствовании, по сути дела – в доведении до состояния, в котором он находился до начала гражданских войн, в частности, через воссоздание палаты лордов из представителей наследственной аристократии. Что касается Кромвеля, то он, ско-

⁶⁷ Milton J. The Unscholastic Statesman: Locke and the Earl of Shaftesbury // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury, 1621–1683 /Ed. byj. Spurr. – Farnham: Ashgate Publishing, 2011. P. 180.

рее, использовал госсовет тогда, когда в нем возникала потребность, а в остальных случаях игнорировал. Идейным вдохновителем режима был генерал Уильям Ламберт.

В сентябре 1654 г. Купер был избран членом первого парламента протектората от Уилтшира. Согласно «Орудию управления», однопалатный парламент должен был собираться раз в три года; госсовет должен был контролировать его состав, отсеивая тех, кого считал нежелательным, имея в виду прежде всего «республиканцев», таких как Артур Хеселридж и Томас Скот, бывших членов «Охвостья» и других депутатов оппозиционных взглядов. Купер считался претендентом на пост канцлера, поскольку дружил с одним из сыновей Кромвеля – Генри Кромвелем и был близок к самому лорду-протектору.

Вопрос об избрании/наследовании следующего лорда-протектора обсуждался в парламенте в течение 1654 г. Высказывалось мнение, что протектора не обязательно называть королем, однако сам пост необходимо сделать наследственным. Это предложение высказывал и автор «Орудия управления» Ламберт, реальный претендент на пост следующего лорда-протектора. В декабре 1654 г. Купер поддержал предложение сделать Кромвеля королем (королем Оливером I, первым из династии Кромвелей), в попытке – как он позднее, уже при Карле II, объяснял свою позицию – сохранить парламент и погубить лорда-протектора. Однако на самом деле им двигало разделявшееся многими ощущение, что протекторат, не имевший (в отличие от системы «смешанной монархии») механизма сдержек и противовесов, может привести к тирании. После отказа Кромвеля возложить на себя корону Купер, не желая проигрывать соперничество с Ламбертом, присоединился в январе 1655 г. к парламентской оппозиции, а после роспуска парламента тихо, без скандала удалился в свое родовое поместье, сложив с себя также и полномочия члена государственного совета.

В 1655 г. Купер женился, в третий и последний раз, на Маргарет Спенсер, сестре первого графа Сандерленда и племяннице четвертого графа Саутгемптона. Благодаря этой женитьбе он стал родственником второго графа Сандерленда (члена Лондонского королевского общества с 1662 г.). В сентябре 1656 г. был избран от Уилтшира во второй парламент протектората, однако госсовет запретил ему и еще сотне депутатов участвовать в его работе. В 1657 г. парламент принял новую конституцию – «Покорнейшую петицию и совет», согласно которой исключенные депутаты могли занять свои места в парламенте. 28 января 1658 г. Купер присягнул на верность новому протектору, однако выступил против создания второй парламентской палаты, вступив тем самым в ряды «республиканской» оппозиции, которая вынудила Кромвеля спустя несколько дней распустить парламент.

Годом позже Купер вновь стал депутатом от Уилтшира в парламенте, созванном уже Ричардом Кромвелем, выступив в дебатах по биллю о признании сына Кромвеля новым протектором, – биллю, который ограничивал власть протектора над армией и процессом формирования «верхней палаты». Купер выступил против «новых пэров» Кромвеля и поддержал включение в палату аристократов, потерявших депутатские места еще в феврале 1649 г.* После падения протектората и восстановления «Охвостья» был назначен членом госсовета в числе десяти недепутатов.

В конце октября госсовет был заменен на армейский Комитет безопасности. «Республиканцы» выступили против роспуска «Охвостья» генералом Ламбертом и за восстановление регулярных созывов парламента. Купер был арестован, но отпущен под честное слово, дав заверения, что не планировал поднять мятеж на юго-западе Англии. (На самом деле мятеж планировался в Лондоне.) План заговора, включавший захват Тауэра от имени госсовета, не был реализован, однако 16 декабря Купер вместе с другими бывшими членами госсовета опубликовал открытое письмо командиру армией в Шотландии генералу Монку, призвав его вторгнуться в Англию и восстановить мир и «Охвостье» как единственную законную власть.

Несмотря на то что «Охвостье» было к концу года восстановлено, Купер продолжал поддерживать отношения с Монком. В начале 1660 г. он занял свои места в новом госсовете и в парламенте. В середине февраля 1660 г. сумел убедить Монка⁶⁸ помочь возвращению членов Долгого парламента. После того как это было сделано, Купер был назначен в новый госсовет, образование которого привело к роспуску Долгого парламента, переговорам с Карлом Стюартом и созыву конвента. В мае палата общин поручила Куперу отправиться в Гаагу и ждать там Карла, а когда тот прибудет, предложить ему вернуться в Англию.

27 мая 1660 г. Купер вошел в Тайный совет, заседал в различных комитетах (включая совет по торговле), выступал от имени правительства в конвенте, участвовал в работе комиссии по царевбийцам. В апреле 1661 г. он был возведен в бароны Ашли, а в мае стал канцлером казначейства. В 1660–1667 гг., при лорде-канцлере графе Кларендоне, Купер продолжил карьерный рост, используя связи с государственным казначеем лордом Саутгемптоном и интригуя при дворе вместе с Бекингом, Лодердейлом и Беннетом (позднее Арлингтоном) против Кларендона.

В 1662 г. лорд Ашли убедил Карла выступить с Декларацией о снисхождении, в 1664 г. лоббировал смягчение Акта о тайных собраниях, а в 1665 г. присоединился к Саутгемптону, возражавшему против Акта о пяти милях. Все эти действия были направлены против политики правительства Кларендона.

После целого ряда поражений в войне 1664–1667 гг. с Нидерландами, а также, начиная с 1666 г., с Францией и потери колониальных владений в результате унижительного мирного договора, Карл II сформировал новое правительство, названное «кабальным» (Cabal) по первым буквам главных министров – Клиффорда (в скором времени главного координатора партии «двора» в палате общин), Арлингтона, Бекингема, Ашли и Лодердейла.

В 1670 г. Карл II заключил в Дувре тайный пакт (своего рода секретные протоколы к официальному Дуврскому договору) с Людовиком XIV, в котором обязался в обмен на французские субсидии в 2 миллиона ливров и военную помощь в 6 тысяч французских штыков не только присоединиться к Франции в войне с Нидерландами, но и объявить о своем переходе в католицизм и начать «рекатолизацию» Англии. В случае успеха военной кампании Карл получал несколько голландских городов, а Вильгельму Оранскому отводилась роль марионеточного правителя.

По мнению современных историков, о секретной части договора были осведомлены только католик Клиффорд и сочувствовавший католикам Арлингтон. Считается, что Шефтсбери, хотя и занимал пост лорда-канцлера, ничего не знал о французских субсидиях. И все же именно Шефтсбери 2 января 1672 г. приостановил операции казначейства, чтобы, избавившись от необходимости выплаты процентов по долгам, государство могло начать вместе с Францией войну против Нидерландов в нарушение ранее заключенного Тройственного альянса (Англии, Нидерландов и Швеции, 1668 г.).

При Шефтсбери 15 марта 1672 г. с помощью королевской прерогативы де-факто была введена в действие Декларация о снисхождении, необходимая накануне начавшейся уже через два дня войны с Нидерландами. Это был способ избежать протестантских заговоров и мятежей внутри страны, чтобы, по словам Карла II, «сохранить мир дома». Нонконформистам была разрешена свобода отправления богослужений при условии получения лицензий на религиозную деятельность и на молельные дома. Католикам, которые освобождались от действия карательных законов, разрешалось проводить богослужения в частных домах. Всего за период действия Декларации было выдано более 1500 лицензий (939 пресвитерианам, 458 индепендентам и 210 баптистам), началось строительство молельных домов.

⁶⁸ В период Реставрации Джордж Монк стал первым герцогом Албемарлем и членом Лондонского королевского общества (в 1665 г.).

Король помиловал около 500 диссентеров, которые были выпущены из тюрем. Однако срок действия Декларации 1672 г. оказался недолгим.

По мнению Пола Сиварда, смысл Декларации о снисхождении 1672 г. заключался не только и даже не столько в том, чтобы решить сиюминутные проблемы, связанные с войной. Речь шла о том, чтобы попытаться изменить принципы того политического урегулирования, которое было достигнуто после 1660 г. Несмотря на неоднократные попытки короля и его советников (возможно, главной движущей силой здесь был Шефтсбери) смягчить принимавшиеся в рамках «кодекса Кларендона» репрессивные акты, сделать это не удавалось из-за противодействия парламента. Решающую роль в парламенте играл союз «кавалеров» и епископов, заключенный после всеобщих выборов весной 1661 г., на которых одержали победу «кавалеры и сыновья кавалеров» (т. е. бывшие роялисты и их потомки). Всякий раз, начиная с этого времени, король и его советники (первым из которых в этом качестве выступил Кларендон) наталкивались на сопротивление церкви и парламента.

За неделю до принятия Декларации о снисхождении 1672 г. состоялось известное заседание Комитета по иностранным делам, на котором присутствовали король, герцог Йоркский, принц Руперт, графы Лодердейл и Арлингтон, лорд Ашли и лорд Томас Клиффорд. На вопрос короля, имеет ли он законное право изменять церковный закон, все единодушно заявили, что да, имеет. После принятия Декларации в течение нескольких дней Лодердейл получил титул герцога, Арлингтон – графа, Ашли – графа Шефтсбери, а Клиффорд стал бароном. После того как в ноябре Шефтсбери получил пост лорда-канцлера, Клиффорд стал лордом-казначеем. В заседаниях парламента был объявлен перерыв до сентября 1672 г., а затем перерыв был продлен до февраля 1673 г.

На заседании Комитета по иностранным делам Клиффорд при поддержке Шефтсбери напомнил о возможности создания поста генерального викария. Пост генерального викария, или генеральный викариат, существовал в Англии при Генрихе VIII. В январе 1535 г. Генрих назначил на этот пост, пользуясь принятым в 1534 г. Актом о супрематии, Томаса Кромвеля, чтобы тот мог начать инспекцию церковного имущества. Ревизия, делегированная далее комиссионерам, заложила основы для ликвидации монастырей, начавшейся в 1536 г. В сентябре 1535 г. король лишил архиепископов права осуществлять свою власть в церкви, и к 1536 г. викариат стал инструментом, который позволял короне вмешиваться в большинство церковных вопросов.

После смерти Томаса Кромвеля пост генерального викария потерял свое значение, однако сохранился сам пример того, каким образом можно было толковать и применять Акт о супрематии. В принципе Акт о супрематии давал королю почти неограниченный контроль над делами церкви. Прецедент делегирования власти Кромвелю в обход парламента говорил также о возможности полного и единоличного контроля над церковью. Елизаветинский Акт о супрематии 1559 г. предоставлял короне все права, аналогичные правам викариата, в том числе касавшиеся сбора средств в случае начала войны, и, хотя после его принятия права были делегированы церкви, ими мог быть наделен и мирянин (т. е. генеральный викарий).

В Декларации 1672 г. не было ни слова о генеральном викариате, однако почти через два года после отмены Декларации эта идея вновь всплыла на поверхность, о чем пойдет речь ниже.

В феврале 1673 г., несмотря на заявление выступившего в парламенте короля о том, что он будет «очень, очень разочарован, если встретит противодействие тому, что он сделал...», и несмотря на его слова: «...и скажу вам прямо, я полон решимости отстаивать мою Декларацию», – палата общин 10 февраля приняла решение, что «законы о наказаниях в делах церковных не могут приостанавливаться иначе, как посредством парламентских актов»⁶⁹.

⁶⁹ См.: *Seaward P. Shaftesbury and the Royal Supremacy // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury: 1621–1683 /* 25

В марте 1673 г. по настоянию парламента Карл II отменил действие Декларации. В том же 1673 г. парламент вынудил короля принять Акт о проверке на лояльность, требовавший от всех занимающих светские и военные должности лиц принести клятвы в верности, в признании супрематии короля и принять англиканское причастие. Этот акт был направлен на исключение католиков из государственной службы: его первой жертвой стал брат короля герцог Йоркский, за ним последовал Клиффорд.

Что касается принца Оранского Вильгельма, то в результате начавшейся войны он действительно встал во главе государства, но не в качестве марионетки, а как независимый военный и политический деятель, поднявшийся к власти на волне сопротивления вторжению и падения неэффективного правительства Яна де Витта. Успешные военные действия Вильгельма на море и на суше привели к тому, что пункты секретного Дуврского пакта оказались невыполненными и на какое-то время повисли в воздухе, а Карл II в феврале 1674 г. был вынужден подписать мирный договор с Вильгельмом, в котором Англия заявляла о своем выходе из военного альянса с Францией. Более того, в 1678 г. Вильгельму удалось заключить Нимвегенский мирный договор, упрочивший его позиции в Европе и сделавший Нидерланды главным соперником Франции.

Шефтсбери потерял пост лорда-канцлера в ноябре 1673 г., однако его отставка не сопровождалась охлаждением к нему короля, который, в условиях нараставшей оппозиции со стороны парламента, видел две возможные стратегии своего дальнейшего правления.

Первую стратегию «воплощал» Томас Осборн, ставший в июне 1673 г. лордом-казначеем вместо Клиффорда, а еще через год получивший титул графа Данби. В конце 1674 – начале 1675 г. эта стратегия виделась королю как союз с епископами и проведение политики «единообразия» в обмен на лояльность парламента и регулярное пополнение казны.

Возможность *второй стратегии* воплощал Шефтсбери с его и Клиффорда идеей викариата и восстановления полной королевской супрематии. Власть над церковью мирянина могла принести немало средств в казну через ревизию церковного имущества, а также поборы с диссентеров, которые должны были платить за толерантность. Ходили слухи, что в январе 1675 г. к Шефтсбери, удалившемуся в Дорсет, приезжал лорд Мордонт (второй граф Петерборо), представлявший не то короля, не то герцога Йоркского, не то группу политиков «пресвитерианской и индипендентской фракций», с неким предложением. Говорили также, что Шефтсбери займет пост лорда-наместника Ирландии или генерального викария.

В реальность уже в феврале 1675 г. воплотилась первая стратегия. В принципе, первая стратегия не запрещала создание поста генерального викария, правда с урезанными полномочиями, однако Шефтсбери в ходившем по рукам письме к графу Карлайлу написал, что «не такой дурак», чтобы занять пост со странным названием прежде, чем будет избран новый парламент. Действительно, стратегия «викариата», которую предлагал Шефтсбери, могла осуществиться лишь при условии роспуска парламента «кавалеров», выборов и созыва нового парламента, способного принять новый или подтвердить старый Акт о супрематии в обмен на закон о толерантности.

Шефтсбери не был диссентером и считал епископат наилучшим и наиболее подходящим для Англии способом управления церковью. К тому же он был прилежным прихожанином, в его собственном доме проводились традиционные ежедневные молебны, по воскресеньям богослужения, а «домашние» причащались трижды в год. Впрочем, противники или даже не очень симпатизировавшие ему люди (такие, как Гилберт Вернет) впоследствии писали, что вера его была поверхностной, скорее деистического толка, а интересы склонялись к астрологии⁷⁰. Но при этом Шефтсбери был политиком, и пост генерального викария

обеспечивал ему, в случае избрания нового, лояльного парламента, власть и над правительством, и над церковью. Однако король посчитал более подходящим союз со старым парламентом «кавалеров» и епископов.

В связи со всей этой историей представляет интерес судьба главного министра графа Данби, врага Шефтсбери, который начиная с 1674 г. предпринимал активные шаги, направленные на выход Англии из орбиты Франции. Можно сказать, что тори и церковь хорошо понимали ситуацию, связанную с престолонаследием, и пытались найти выход. В 1677 г. Данби устроил заключение брака между старшей дочерью Йорка пятнадцатилетней принцессой Марией и ее кузеном статхаудером Вильгельмом Оранским, а в 1678 г., заключив союз с Нидерландами, чуть было не довел дело до войны с Францией. Еще одним шагом Данби стало предложение законодательно ограничить власть «папистского» преемника (т. е. Йорка), наделив епископов правом назначения кандидатов на все церковные должности, что, по сути дела, означало прекращение королевской супрематии в церкви в той мере, в какой она существовала по Акту 1559 г.

Предложение Данби не было принято, поскольку натолкнулось на оппозицию со стороны парламентской партии вигов во главе с Шефтсбери. Парламент отверг предложение Данби и церковной партии на том основании, что оно подрывает монаршую власть. Примечательно, что в стремлении церковной партии получить независимость от короны виги усмотрели «папизм». В декабре 1678 г. палата общин предприняла попытку импичмента Данби, обвинив его в нарушении «старого порядка», создании постоянной армии, секретных переговорах с Францией, получении взяток от французского короля (о чем на заседании парламента рассказал английский посол во Франции Ралф Монтегю) и воспрепятствовании расследованию дела о «папском заговоре». В 1679 г. политическая карьера главного министра завершилась арестом и заключением в Тауэр, а карьера Шефтсбери, казалось, могла вновь начаться после ее заката в 1673 г.

Что же происходило с Шефтсбери после его отставки с поста лорда-канцлера? Звезда Шефтсбери закатилась в ноябре 1673 г. Причины этого не вполне ясны, но дело было не в отстранении от власти, поскольку еще несколько месяцев после этого он оставался членом Тайного совета и лордом-наместником Дорсетшира.

Проводившаяся им политика шла в русле общего курса Карла II на сближение с Францией и конфронтацию с Нидерландами. В декабре 1670 г. Шефтсбери подписал договор с Францией против Нидерландов. В марте 1672 г. горячо поддержал Декларацию о снисхождении. В апреле 1672 г., после того как началась третья англо-голландская война, получил титул графа Шефтсбери и барона Купера Полетского. В сентябре 1672 г. занял пост председателя объединенного Совета по торговле и плантациям. В феврале 1673 г. выступал в парламенте уже в качестве лорда-канцлера, сделав громкое заявление о том, что «Карфаген должен быть разрушен», имея в виду под Карфагеном протестантские Нидерланды, и что одна лишь Англия стоит на пути голландской «универсальной империи», по своей силе сравнимой с империей Римской.

По мнению его внука, третьего графа Шефтсбери, за спиной первого графа в это время стоял Локк, подсказывавший, что и как говорить (это, конечно, была попытка обелить своего деда, а поскольку доступ в парламент для лиц, не состоявших его членами, был запрещен, слова третьего графа не следует понимать буквально). Однако в любом случае в течение всего периода с 1660 по 1674 г. Нидерланды изображались в правительственной пропаганде как аморальное государство, голландцы – как жадный, неблагодарный, жестокий и ненадежный народ, а сама страна – как далекая от истинной веры и представляющая угрозу для христианского мира.

И все же именно после отставки позиция Шефтсбери изменилась кардинальным образом. В 1674 г. Шефтсбери проявил себя как борец с «папством» и католическим престолонаследием, произносил речи в палате лордов об опасности папистских мятежей. Вместе с Бекингемом, Галифаксом, Карлайлом, Холлисом и Солсбери он предложил билль, согласно которому будущие дети герцога и герцогини Йорк должны были воспитываться как протестанты, а любой монарх или принц/принцесса не могли вступать в брак с католиком/католичкой без согласия парламента – под страхом исключения из порядка престолонаследия. Нападки на Йорка привели к тому, что король объявил перерыв в работе парламента и приказал Шефтсбери покинуть Лондон. В мае 1674 г. Шефтсбери потерял место в Тайном совете.

Предложения об «ограничениях» в порядке и правилах престолонаследия выдвигались в это время и Данби. Таким образом, речь шла о личном соперничестве с новым главным министром. В ноябре 1675 г. появилось «Письмо знатного лица», приписанное в общественном мнении бывшему лорду-канцлеру. В нем выражалось крайнее разочарование результатами реставрации, вылившимися в образование группы лиц (прежде всего высших епископов и их представителя графа Данби), «которые собираются подавить все надежды», «объявить правительству абсолютным и деспотическим и сделать монархию и епископат, подлежащими власти *jure divino*, не связанными и не ограниченными людскими законами», превратить их «лишь в инструменты обогащения», что при поддержке постоянной армии приведет к потере власти парламентом и нарушит традиционный конституционный баланс, сделает невозможным общее благо, поставит под угрозу свободу граждан и вызовет к жизни «старые ссоры». Кроме того, говорилось в «Письме», преследуя диссентеров-протестантов, это правительство не трогает «папистов», которых по каким-то причинам считает лояльными. В «Письме знатного лица» далее выражается удивление, что король позволяет «новой партии» склонять себя к ложным законодательным актам и прислушивается к советам сомнительных «советников»⁷¹.

«Письмо», в частности, стало реакцией на попытку графа Данби провести через парламент новый билль о проверке, по которому все государственные чины и члены обеих палат должны были выступить со специальной декларацией и дать обязательство не оказывать сопротивление королю или назначенным им лицам и никогда не стремиться изменить систему правления в церкви и государстве. Шефтсбери, Галифакс и другие пэры подвергли это предложение критике, заявив, что могут возникнуть ситуации, когда законной мерой будет как раз *сопротивление лицам, назначенным королем*, а клятва, касающаяся неизменения, направлена против самой природы парламента, который просто обязан заниматься «изменениями».

«Письмо» обращено, разумеется, к королю, который, возможно, прислушается к советам знатных и лояльных подданных и сделает правильные выводы относительно правительства, советников-епископов и парламента; в противном случае «народ» может взбунтоваться и повторятся события недавнего прошлого. «Письмо знатного лица» стало также своего рода образцом, лекалом, по которому были скроены многочисленные, хлынувшие как волна памфлеты вигов, следовавших одной и той же тактике переубеждения короля и давления на правительство.

Уже в 1676 г. в свет вышла масса памфлетов, предупреждавших англичан о возможности «папства и рабства» и необходимости смены попавшего под влияние папства парламента. Правительство расценивало их как попытку ввергнуть страну в новую гражданскую войну. По мнению правительства, развернувшего собственную пропагандистскую кампанию, тактика Шефтсбери и вигов, прибегавших к петициям, шествиям и антикатолической пропаганде, была поразительно похожа на тактику Джона Пима и парламентской оппозиции

⁷¹ См.: Locke J. Political Essays /Ed. by M. Goldie. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 360–365.

в 1641 г. Истинной целью вигов, как и пуритан в парламенте 1640-х гг., являлось, по мнению правительства, уничтожение национальной церкви.

Кроме того, правительственные пропагандисты проводили прямую аналогию не только между вигами и республиканцами, но и между теми и другими вместе взятыми и... опять же папистами. Подобно тому как политика пуритан, доказывали они, привела к разрушению епископальной церкви и казни короля (а именно в этом состояли цели, которые ставило перед собой папство), так политика вигов вела к подрыву англиканской церкви и насильственной ликвидации протестантской монархии. Попытки провести толерантное законодательство, по мнению тори, на самом деле имели целью восстановление в Англии папской власти, а оправдание сопротивления было не чем иным, как проведением папистского принципа смещения королей в случае их неповиновения.

15 февраля 1677 г., когда парламент наконец собрался после пятнадцатимесячного перерыва, Шефтсбери, Бекингем, Уортон и Солсбери с разной степенью прямоты заявили, что парламент, не заседавший столько времени, не может считаться законным и подлежит роспуску. В результате все они были осуждены особым судом палаты и заключены в Тауэр. Летом трое из них были отпущены на свободу, а Шефтсбери пришлось просидеть до 25 февраля 1678 г., пока он не обратился к королю и парламенту с прошением о помиловании, после чего был немедленно освобожден.

После откровений Титуса Оутса в августе 1678 г. о существовании «папского заговора» с целью убийства Карла II Шефтсбери прибыл в Лондон и вернулся в публичную политику на волне разразившегося скандала, ставшего началом целого исторического периода и получившего название «кризис исключения».

По показаниям Оутса, иезуиты собирались отправить своих агентов в Шотландию под видом пресвитерианских пасторов, поднять католический мятеж в Ирландии, убить короля и других членов королевской семьи, сжечь дотла Лондон и другие крупные города, устроить массовую резню протестантов и, наконец, обратить вспять английскую реформацию и восстановить господство римско-католической церкви. Поставив во главе государства герцога Йоркского, они, по словам Оутса, собирались организовать вторжение войск Людовика XIV.

В январе 1679 г. парламент «кавалеров» был распущен, главный министр Данби обвинен в секретных переговорах с Францией. В стране началась инициированная вигами открытая дискуссия о том, кто должен стать наследником престола. В середине мая 1679 г. в новоизбранной палате общин лорд Уильям Рассел огласил билль об исключении герцога Йоркского из числа наследников престола. Не желая даже обсуждать этот вопрос, Карл II объявил сначала о перерыве в работе парламента, а затем о его роспуске и новых выборах, которые прошли осенью 1679 г. В ответ на раздувавшееся вигами дело о «папском заговоре» католики попытались представить свидетельства о «пресвитерианском заговоре», что, однако, в тот момент не было принято всерьез.

Наконец, после почти десяти лет, в течение которых удавалось хранить тайну, в январе 1679 г. пошли слухи, что Карл получает деньги от Людовика. В 1678–1679 гг. король начал увеличивать численность постоянной армии якобы для войны с Францией, однако, тоже по слухам, это делалось для оказания помощи Людовику в планируемой им и Карлом оккупации Англии. Распространялся также слух, что «папский заговор» и репрессии против католиков Карл II использовал для того, чтобы обмануть общественное мнение и парламент и отвлечь их от своих истинных планов.

Оппозиционная группа вигов заявила о своих целях – борьбе с угрозой папства и авторитарного правления. Борьба эта велась в парламенте (билли об «исключении» вносились также на парламентских сессиях в октябре 1680 г. и в марте 1681 г.), в прессе, с помощью митингов и шествий, подачи петиций. Оппозиция требовала реформ в церкви и государственном устройстве, а также облегчения положения нонконформистов, в частности отмены

Акта 1593 г. о «подрывном сектантстве». Епископов называли церковными папистами за то, что они выступали против «исключения» герцога Йоркского из числа наследников, расширения прав парламента, а также за то, что они поддерживали гонения на диссентеров. Противники вигов, защищавшие принцип наследственного права, были названы партией тори.

Эти названия – «виги» и «тори» – были даны противниками друг другу, носили оскорбительный характер и означали соответственно шотландских пресвитериан-бунтовщиков (*whiggamores*) и ирландских католиков – угонщиков скота (*toraighe*). Но в целом тори защищали святость и неприкосновенность короны и англиканскую церковь, в то время как виги говорили о необходимости ограничения монархии и критиковали церковный истеблишмент. При этом тори считали вигов большей опасностью, чем прокатолический дом Стюартов, поскольку, с их точки зрения, виги представляли собой агентов папской подрывной политики, направленной на раскол нации, и были своего рода «пятой колонной», состоявшей из предателей родины и веры и находившихся на службе у Людовика или султана Сулеймана. По убеждению тори, лишь сплочение вокруг короля могло придать ему достаточно сил, чтобы оказать сопротивление врагам Англии.

История двух партий началась с середины 1675 г., но лишь в 1690-х гг. борьба между ними стала политическим фактором, а сами они обросли соответствующей партией политической амуницией – клубами, лоббирующими группами, памфлетами, петициями, трактатами, предвыборными активистами, сочинителями писем, проповедниками и подстрекателями, бойкотами и слухами.

«Письмо знатного лица» Шефтсбери стало манифестом вигов, хотя само название «виги» появилось не раньше 1679 г., а современники называли политиков, выступавших за «смешанную монархию» – по принципу «король-в-парламенте», т. е. за передачу ряда властных функций парламенту, за регулярные сессии парламента, против подкупа правительством его членов и против постоянной армии, а также заявлявших об опасности «папского заговора», не иначе как «пресвитерианской партией», выражавшей интересы пресвитерианской части недолго просуществовавшего англикано-пресвитерианского консенсуса 1660–1662 гг.

Виги во главе с Шефтсбери не были демократами или эгалитаристами и в 1679 г. даже предлагали ужесточить избирательное право, предоставив право голоса тем, кто имел собственность минимум в 200 фунтов. Английская «смешанная монархия» (*mixed monarchy*), именовавшаяся Томасом Гоббсом «миксархией», понималась ими как соединение всех трех существовавших в истории форм правления – монархии (король), аристократии (палата лордов) и демократии (палата общин). Концепция «смешанной монархии» подвергалась постоянной критике со стороны самых разных авторов на всем протяжении XVII в., начиная по меньшей мере с 1642 г., когда, каким бы парадоксальным фактом это ни показалось, она была сформулирована королем Карлом I в его «Ответе на девятнадцать предложений» («*Answer to the Nineteen Propositions*»), где вдобавок говорится о необходимости соблюдения баланса между «тремя родами правления», или «тремя сословиями»⁷².

С точки же зрения тори, Карл I ошибся с «тремя сословиями», которые на самом деле представляют собой сословия «лордов духовных», «лордов светских» и «общин». Король – не одно из сословий, король – *над* сословиями со всеми вытекающими отсюда следствиями. При этом, по утверждению тори, виги своей концепцией «смешанной монархии» не только поставили короля на одну доску с другими сословиями, но и как бы ликвидировали сословие «лордов духовных», т. е. церковь, заменив ее королем.

⁷² См.: Goldie M. Restoration Political Thought // The Reigns of Charles II and James VII & II / Ed. by L. Glassey. – London: Macmillan Press, 1997. P. 22–23.

К 1679 г. политическая борьба в стране сместилась к одному главному вопросу – об «исключении» герцога Йоркского. Стратегия вигов была направлена на то, чтобы Карл II согласился с требованиями изменить порядок престолонаследия. И здесь единственным методом могло быть постепенное убеждение и переубеждение короля в необходимости учета интересов «народа», а не льстецов, лизоблюдов, фаворитов и особенно «злонамеренных советников», для сохранения в королевстве мира и спокойствия.

Чтобы сделать эту стратегию жизнеспособной, виги в своих памфлетах указывали на существование губительного «папского заговора», т. е. заговора католиков – зарубежных и английских – с целью возвращения папской власти и уничтожения протестантского суверенитета короны. Католики-заговорщики, предупреждали виги, замышляют убийство Карла II и массовое истребление английских протестантов. Вторым веским доводом, который использовался вигами, были деньги, собиравшиеся «народом» для содержания короля и его двора: если король хочет денег, то должен взамен одаривать «народ» чувством любви, а не отдаляться от него. Наконец, третьим доводом в стратегии вигов были сменявшие друг друга угрозы и предупреждения о возможном открытом сопротивлении королю – бунте – нежелательном, но вероятном следствии репрессивной «тирании».

По выражению Дж. Данна, это был «шантаж»⁷³; Ч.Тарлтон называет это «манипуляцией призраком бунта», не имевшей ничего общего с какими-либо принципами – республиканскими, демократическими или собственно революционными, но всячески подчеркивавшей лояльность «Его Величеству» и приверженность делу реставрации древней английской конституции – системы «король-в-парламенте», этой единственной, по мнению виговских пропагандистов, панацеи от «революции сверху»⁷⁴.

Реакцией правительства и, что важнее, короля было неприятие всех, в том числе самых мягких, попыток давления. «Письмо знатного лица» было сожжено по распоряжению палаты лордов, постановившей, кроме того, создать комиссию по расследованию этого «преступления». Ни автор, ни типограф так никогда и не были найдены, однако никто из современников не сомневался, что за разоблачительным «Письмом» стоит Шефтсбери.

Поставив в центр пропагандистской кампании вопрос об «исключении», виги, однако, не были едины и составляли несколько фракций: фракцию Шефтсбери – Рассела (Уильям, лорд Рассел, был правой рукой Шефтсбери в палате общин), считавших необходимыми «исключение» и умеренную конституционную реформу; фракцию Алджернона Сиднея – Кейпела (Артура Кейпела, графа Эссекса), выступавших за восстановление республики; и, наконец, фракцию, образовавшуюся вокруг герцога Монмута и его ближайших последователей, включавшую лорда Колчестера и сэра Томаса Армстронга, которые ставили своей целью перевести линию наследования с Йорка на старшего из незаконных сыновей короля – Джеймса Скотта, герцога Монмута.

В рядах оппозиции звучали и другие предложения, такие как ограничение власти «папистского» преемника Йорка, установление пожизненного регентства в случае его прихода к власти, убеждение короля в необходимости заключения нового брака с тем, чтобы его новая (протестантская) супруга родила ему законного протестантского наследника, наконец, убеждение короля в необходимости признания герцога Монмута своим законным сыном. Между вигами не только не было единства, но и существовали противоречия, касавшиеся выбора претендентов на трон. В случае успеха стратегии «исключения» Йорка следующей в линии наследования становилась его старшая дочь принцесса Мария, за нею следовал племянник – статхаудер принц Вильгельм Оранский, а не герцог Монмут. И поэтому некото-

⁷³ *Dunn J.* The Political Thought of John Locke: An Historical Account of the Argument of the “Two Treatises of Government”. —Cambridge: Cambridge University Press, 1969. P. 46.

⁷⁴ *Tarlton C.D.* The Exclusion Controversy, Pamphleteering, and Locke’s “Two Treatises”//The Historical Journal. 1981. Vol. 24. No. 1. P. 59–60.

рые виги считали, что следующей в линии наследования должна стать Мария, а ей должен наследовать Вильгельм. Однако, в отличие от Марии и Вильгельма, герцог Монмут в 1670-х – начале 1680-х гг. пользовался широкой популярностью в английском обществе и больше подходил для целей пропаганды.

В начале «кризиса исключения» или, лучше сказать, пропагандистской кампании, связанной в 1678 г., несмотря на глубокую личную вражду между Йорком и Монмутом, последний занимал сторону двора, искал расположения короля. Шефтсбери даже считал его своим политическим оппонентом. Однако со временем, когда популярность Монмута начала расти, виги изменили отношение к «протестантскому герцогу» и даже запустили легенду о тайном *законном* браке Карла II с матерью Монмута, Люси Уолтер, свидетельство о котором, по слухам, хранилось в некоем «черном ларце». Рост популярности Монмута привел к тому, что в сентябре 1679 г. король временно отослал его в Утрехт. Однако уже в ноябре Монмут самовольно вернулся в Англию, после чего король лишил его за непослушание большинства постов в правительстве. В результате Монмут невольно оказался если и не в рядах оппозиции, то по одну сторону с оппозиционерами, которые начали проявлять к его фигуре растущий интерес, видя в нем возможного лидера. В ноябре 1679 г. толпы лондонцев приветствовали возвращение герцога Монмута из Нидерландов.

Одним из элементов пропагандистской стратегии вигов, наряду с устройством шествий и сжиганием чучел римского папы⁷⁵, собраниями в кофейнях и клубах и массивной пропагандой в памфлетах, газетах и на настенных плакатах, распространением литературы в рукописях и даже рассчитанным на неграмотных зачитыванием вслух разного рода листовок на рынках, – наряду со всем этим важным элементом политического давления стала подача королю петиции с просьбой не откладывая провести сессию парламента 26 января 1680 г. Это было встречено королем враждебно, что нашло выражение в выпущенной им прокламации от 1 декабря 1679 г. против «бунтовщических петиций».

Несмотря на то что главным тезисом еще одной, так называемой гигантской петиции (Monster Petition), которую подписали около 16 тысяч граждан и которая была подана королю в середине января 1680 г., стала просьба дать возможность парламента участвовать в процессе над Данби и пятью католическими священниками, посаженными в Тауэр в 1679 г., а также уладить «все остальные проблемы», король расценил петицию не как предложение о сотрудничестве и помощи, а как нарушение его прерогатив и возвращение к практике подачи «подрывных петиций», которая была распространена в канун первой гражданской войны. Среди подписавших петицию был, по-видимому, и Шефтсбери. На документе стоит подпись Локка. Одним из «подписантов» был Алджернон Сидней.

После осенних выборов 1679 г. Шефтсбери предложил не дожидаться созыва парламента, отложенного королем до 26 января 1680 г., а собраться немедленно, но не в виде парламента, а в качестве временного «верховного совета». Предложение, озвученное лордом Расселом, вызвало негодование короля и лорда-канцлера, и 26 января 1680 г. сессия парламента была отложена еще раз – до октября 1680 г. Собравшись в октябре 1680 г., палата общин приняла решение о том, что «подача петиций королю, касающихся созыва и работы парламента и решения проблем», является несомненным правом подданных Англии, а выставлять такие петиции бунтовщическими – значит совершать предательство в отношении свободы граждан. В январе 1681 г. был распущен и второй оппозиционный парламента.

Наконец, в марте 1681 г. в лояльном королю Оксфорде был созван третий, так называемый Оксфордский парламента, поскольку, как считал Карл II, созывать парламента в Лон-

⁷⁵ Т.Харрис отмечает, что, по некоторым данным, шествие 17 ноября 1679 г., завершившееся сожжением чучела римского папы, собрало до 200 тысяч человек, т. е. 20 % жителей Лондона. См.: *Harris T. Restoration: Charles II and his Kingdoms, 1660–1685.*—London: Penguin Books, 2005. P. 186.

доне было небезопасно. Парламент заседал всего неделю, а затем тоже был распущен. После этого парламенты не созывались, пока трон после смерти Карла II в начале 1685 г. не занял герцог Йоркский – новый король Яков II.

Решение Карла II отказаться от созыва парламентов имело свои финансовые предпосылки. За три дня до начала работы Оксфордского парламента Карл заключил еще один секретный пакт с Людовиком XIV: французский король соглашался выплатить Карлу в ближайшие три года

5 миллионов ливров, если он не станет созывать парламент и собирать деньги на поддержку Испании в войне с Францией. Всего с марта 1681 до февраля 1685 г. Карл получил примерно 4,3 миллиона ливров, остаток Людовик выплатил Якову II.

Как пишет Т. Харрис, Карл все же не стал полной марионеткой, поскольку в конце 1681 г. пригрозил созвать парламент, если Людовик осуществит вторжение во Фландрию и Голландию; кроме того, «французская субсидия несомненно давала ему пространство для маневра во внутренних делах»⁷⁶.

Падение графа Данби, расследование «папского заговора», серия показательных судов и казней, роспуск в январе 1679 г. парламента «кавалеров», заседавшего с перерывами с 1661 г. и казавшегося вечным, созыв трех новых и оппозиционных парламентов, крайнее возбуждение всей политической жизни Англии – все это происходило при активном участии Шефтсбери.

В апреле 1679 г. он был назначен лордом-председателем Тайного совета и пробыл на этом посту до октября 1679 г. Несомненно, что политика «исключения» была в центре его внимания. Вплоть до ноября 1680 г. Шефтсбери надеялся убедить короля в необходимости повторной женитьбы, т. е. фактически добиться «исключения» другим, более прямым способом. В декабре 1680 г. он заявил в палате лордов: «Мы не можем верить королю», а он, Шефтсбери, боится, что король «сделает нас рабами и папистами»⁷⁷. В ответ раздраженный Карл II назвал его «охотником за заговорами».

В марте 1681 г. на заседании Оксфордского парламента Шефтсбери выступил уже с другим предложением, а именно сделать наследником незаконного сына Карла II Джеймса Скотта, герцога Монмута, а на вопрос короля, нет ли какого-то другого варианта, кроме «исключения», ответил, что такого варианта нет и что вся английская нация придерживается того же мнения.

После роспуска Оксфордского парламента на политическую поверхность всплыл некий Эдвард Фицхаррис, рассказавший, что виги планировали пленить короля прямо на заседании Оксфордского парламента с тем, чтобы заставить его дать согласие на билль об исключении. В то же время обнаружилось, что несколько лиц, связанных с Титусом Оутсом, лжесвидетельствовали. Это поставило под подозрение всех, кто симпатизировал вигам. Показания Фицхарриса привели к аресту и казни через повешение сторонника Шефтсбери Стивена Колледжа, а затем к аресту 2 июля 1681 г. по подозрению в государственной измене самого Шефтсбери. Шефтсбери вновь попал в Тауэр, а в его доме (в том числе и в комнате Локка) был произведен тщательный обыск.

В сентябре 1681 г. прошение Шефтсбери о помиловании в обмен на отъезд в Каролину было отвергнуто королем⁷⁸. В обвинительном заключении, подготовленном к ноябрю 1681 г., говорилось, что он хотел принудить короля принять билль об исключении, держал наго-

⁷⁶ Harris T. Restoration: Charles II and his Kingdoms, 1660–1685. – London: Penguin Books, 2005. P. 253.

⁷⁷ Spurr J. Shaftesbury and the Seventeenth Century // Anthony Ashley Copper, First Earl of Shaftesbury: 1621–1683 / Ed. by J. Spurr. – Farnham: Ashgate Publishing, 2011. P. 21.

⁷⁸ Leng T. Shaftesbury's Aristocratic Empire // Anthony Ashley Copper, First Earl of Shaftesbury: 1621–1683 / Ed. by J. Spurr. – Farnham: Ashgate Publishing, 2011. P. 123.

тове вооруженный отряд, заявлял, что король заслуживает свержения с трона и что Англия должна быть превращена из монархии в республику.

Дело, однако, было прекращено за отсутствием состава преступления, и Шефтсбери вышел на свободу под залог. По одной из версий дальнейших событий, в мае 1682 г. Монмут, Рассел, Грей, Армстронг и другие «заговорщики» встретились, чтобы обсудить план дальнейших «практических» действий. Тогда же Шефтсбери встретился со скрывавшимся от властей мятежным шотландцем графом Аргайлом. Впрочем, возможно, речь на этих встречах шла не о мятеже, а о создании Шотландской Каролинской компании, которая должна была заняться вопросами переселения в Каролину шотландских пресвитериан.

Кампания преследований Шефтсбери на этом не закончилась: найденный в июле 1681 г. в его доме документ под названием «Ассоциация» был расценен как план мятежа. В сентябре 1682 г. два лондонских шерифа-вига были заменены на шерифов-тори, и открылась перспектива нового тюремного заключения и нового суда. В конце ноября, заплатив долги и переписав поместья и другое имущество на жену и внука, Шефтсбери вместе со своими сторонниками (такими, как Роберт Фергюсон) покинул Англию и, после остановки в Роттердаме, 2 декабря прибыл в Амстердам. Здесь он заболел и умер 21 января 1683 г. Согласно завещанию, тело Шефтсбери было забальзамировано, перевезено в Англию и захоронено 26 февраля 1683 г. в родовом поместье Уимборн Сент-Жильс⁷⁹.

* * *

В современной историографии продолжают споры о релевантности самого понятия «кризис исключения». С точки зрения Джонатана Скотта, сам термин «кризис исключения» неточен, поскольку в действительности речь шла не о порядке наследования и не о герцоге Йоркском, а о сохранении в Англии протестантизма: общество было обеспокоено не порядком наследования, а опасностью контрреформации и возможностью насаждения в Англии абсолютизма в духе Людовика XIV⁸⁰. Не считает верным этот термин и Марк Найте, с точки зрения которого дискуссии этого времени касались более широких тем, чем «исключение»⁸¹.

Карл II, которому едва перевалило за пятьдесят, находился в добром здравии, хотя и перенес в августе 1679 г. приступ лихорадки. Ничто не указывало на то, что его дни сочтены. После того как «папский заговор» был раскрыт, опасаться, казалось, было нечего. Карл, правительство, общество были предупреждены, и ситуация находилась под контролем. В любом случае главной темой политической жизни было не «исключение», а угроза «папства» и «автократического правления».

С учетом этого само по себе «исключение» не могло считаться эффективным решением проблемы. Слухи о возможной женитьбе короля на Люси Уолтер, матери Монмута, были опровергнуты после того, как Карл публично поклялся, что никогда не был женат на матери своего незаконного сына. Что касается герцога Йоркского, то он не собирался соглашаться с решением парламента об исключении его из порядка престолонаследия, даже если бы оно было принято. Последнее, однако, представлялось маловероятным, поскольку, даже пройдя палату общин, билли об исключении были бы отвергнуты палатой лордов, где большинство стояло за сохранение существующего порядка. Так и произошло: в ноябре 1680 г. палата

⁷⁹ Несмотря на то что Локк не входил в свиту бежавшего Шефтсбери, после смерти последнего именно он занимался в течение нескольких недель разбором оставшихся после него бумаг и даже скопировал некоторые рукописи в свои записные книжки. См.: Woolhouse R. Locke: A Biography. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 180–181.

⁸⁰ Scott J. England's Troubles: Seventeenth-Century English Political Instability in European Context. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. p. 27–38.

⁸¹ См.: *Knights M. Politics and Opinion in Crisis, 1678–1681.*—Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 4–5.

лордов отклонила билль об исключении 63 голосами против 30. Ничто не могло убедить и самого короля дать согласие на вступление в силу этого билля.

Шефтсбери, разумеется, должен был понимать все это и, скорее всего, более реальную альтернативу видел (вплоть до определенного момента) в разводе Карла с Екатериной Браганца и новой женитьбе, которая дала бы «новую королеву из Германии». Он даже открыто предлагал это еще в ноябре 1680 г., выступая в палате лордов, однако к концу года отказался и от этой идеи. А его предложение «исключить» Йорка и поставить в линию престолонаследия Монмута, по свидетельству современников, скорее, носило характер «пробного шара» или даже шутки, которая и королем была воспринята в качестве фривольной дерзости⁸².

Еще одним способом решить проблему было обращение Йорка назад в англиканство. Впервые такое решение было предложено в феврале 1679 г. несколькими епископами и затем регулярно повторялось вместе со слухами, что Йорк наконец вернулся в родную церковь. Существовало и другое предложение, появившееся в ноябре 1678 г., после разоблачений, связанных с «папским заговором»: в случае если Йорк получит корону, его королевская власть должна быть ограничена, и ему будет разрешено царствовать, но не править. Автором концепции «ограничений» был граф Галифакс, которого поддерживали тори и епископы, а возможно, и сам король. Будущему Якову II, согласно этим идеям, не позволялось делать назначения в церкви, назначать тайных советников и лордов-наместников в графствах. Парламент не распускался со смертью короля, но продолжал работу при его преемнике.

Что касается Шефтсбери, то как раз в этот момент, в 1678 г., он считал такую концепцию «республиканской» и выступил против ограничения власти монарха (!). Впоследствии, уже при Якове II, тори припомнили вигам, что те в свое время не позволили им принять законодательство об ограничении власти будущего короля-католика.

В конце ноября 1680 г., после провала билля об исключении, был предложен билль «о защите протестантской религии», содержащий пункт о том, что попытки герцога Йорка или его друзей сформировать вооруженный отряд или пригласить иностранную армию должны пресекаться по закону. В ходе продолжавшейся неделю сессии Оксфордского парламента прозвучали следующие предложения: герцог Йоркский должен быть отправлен в ссылку до конца жизни короля Карла; в случае восшествия на престол Якова править от его имени должна его дочь Мария, которая будет представлять членов Тайного совета на одобрение парламента; если Мария умрет раньше Якова, полномочия должны перейти ко второй дочери Якова – Анне; если у Якова родится сын, он должен воспитываться в протестантской вере; в случае смерти Якова режим регентства должен продолжаться до достижения принцем Уэльским возраста, подходящего для возложения короны.

Все эти предложения были далеки от реальности, поскольку предполагали согласие на них короля и его брата, а также, что немаловажно, дочерей Йорка – Марии и Анны.

По мнению Лайонела Гласси, оставался еще один способ сохранения протестантизма, и это был проект «Ассоциации», т. е. клятвы, которая обязывала тех, кто ее приносил, сопротивляться потенциально катастрофическим последствиям определенных событий, таких как иностранное вторжение, убийство монарха или гипотетическое наследование английского трона католиком. Прецедент «Ассоциации» имел место при Елизавете в 1585 г. и был воплощен в принятом парламентом Акте о мерах личной безопасности королевы. Впервые о таком билле было упомянуто в ноябре 1678 г., а в более развернутом виде его предложил принять, при поддержке нескольких министров, лорд Кавендиш 15 декабря 1680 г., после провала билля об исключении. «Ассоциация» позволяла с легкостью идентифицировать тех, кто отказывался ее признать. Такие лица лишались должностей, прав и привилегий.

⁸² См.: *Glassey L. Shaftesbury and the Exclusion Crisis // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury, 1621–1683 /Ed. byj. Spurr. – Farnham: Ashgate Publishing, 2011. P. 226.*

Найденный при аресте Шефтсбери в июле 1681 г. черновик еще одной «Ассоциации» (хотя сам Шефтсбери настаивал, что это та же самая «Ассоциация», которая обсуждалась в парламенте), помимо пунктов о защите протестантской религии, власти и привилегий парламента, прав и свобод подданных, содержал призыв не признавать наследование трона герцогом Йоркским, противодействовать этому «всеми законными средствами и силой оружия», искоренять его сторонников, не реагировать на любые попытки переноса или роспуска парламента в том случае, если это препятствует целям «Ассоциации». «Ассоциация» была публично сожжена в Лондоне и других городах как предательская, дьявольская и республиканская⁸³. Шефтсбери был причислен к радикалам.

Таким образом, по мнению целого ряда современных историков, начавшись как пропагандистская кампания в борьбе за власть между Шефтсбери и Данби, «кризис исключения» перерос в более серьезный конфликт, вылившийся в противодействие ползучей контрреформации. Речь уже шла не о том, кто будет главным министром, а о том, сохранится ли в стране протестантская религия и не будет ли Англия завоевана католической Францией. Развязав войну памфлетов с целью возвращения собственной власти, Шефтсбери в конце концов оказался в эпицентре событий, которые всего через пять лет привели к изменениям в расстановке политических сил в Европе в целом.

Была ли в том его заслуга, неясно и сегодня. Не вполне ясно, получали ли виги субсидии от Людовика и был ли в этом замешан Шефтсбери. Однако достаточно очевидно, что «кризис исключения» перерос рамки политических махинаций. Кроме того, он не может не рассматриваться в более широком европейском контексте продолжавшейся борьбы сил реформации и контрреформации.

⁸³ См.: *Glasse L. Shaftesbury and the Exclusion Crisis // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury, 1621–1683 /Ed. byj. Spurr. – Farnham: Ashgate Publishing, 2011. P. 228–230.*

Локк, Бойль, Сиденхем и Шефтсбери

Таковы главные вехи биографии Шефтсбери, и к некоторым из них мы еще вернемся. Каким же образом судьба свела Шефтсбери с Локком? Кем был для него Локк? И кем был для Локка Шефтсбери? Все это весьма непростые вопросы, требующие подробного, насколько позволяют исторические свидетельства, анализа. И все же даже краткое сопоставление биографий этих личностей позволяет сделать некоторые важные выводы.

Джон Локк родился 29 августа 1632 г. в Рингтоне (графство Сомерсет), в семье, условно говоря, «приходского джентри», т. е. мелкопоместного и нетитулованного дворянина. Дедушка Локка по отцу был продавцом одежды и тканей, мать дочерью кожевника, один из дядьев пивоваром, а двоюродный брат оловянных дел мастером. Отец был клерком при мировых судьях графства, а затем служил в парламентской армии, воевавшей против армии короля. Локку исполнилось десять лет, когда начались гражданские войны, ему было семнадцать, когда буквально напротив Вестминстерской школы в Лондоне, в которой он учился, был казнен Карл I.

Вестминстерская школа была лучшей в Англии, и без сильного покровителя мальчику из бедной и простой семьи поступить туда было бы нелегко. Таким покровителем для Локка стал полковник Александр Попем, крупный землевладелец, член парламента от Бата, Майнхеда и Уилтшира в 1640–1669 гг., член госсвета в 1649–1652 гг., а затем в 1660 г. Отец Локка, капитан кавалерии Джон Локк, служил в парламентской армии под началом Попема – командира кавалерийского подразделения и был сборщиком «ссуд на военные нужды» в тех местах, где квартировались войска.

Попем пристроил сына своего верного помощника сначала в престижную Вестминстерскую школу (на это он имел право как член парламента), а затем, используя в качестве основания то, что Локк оказался одним из шести стипендиатов школы, – в колледж Крайст-Чёрч в составе Оксфордского университета⁸⁴.

Это и определило дальнейшую судьбу Джона Локка. Выпускниками Вестминстерской школы и его товарищами по учебе были Роберт Гук, Кристофер Рен, Джон Драйден, Уильям Годольфин (член парламента и брат будущего главы казначейства графа Годольфина) – все впоследствии члены Лондонского королевского общества, а колледж Крайст-Чёрч, студентом которого он стал в 1652 г., готовил прежде всего духовных лиц для рядовых приходов, а также государственных служащих.

Сходное положение в рамках Оксфордского университета занимал только Магдален-колледж, а в кромвелевский период это были Уодем-колледж, Эксетер-колледж и Куинз-колледж, на долю выпускников которых приходилось до трех пятых членов парламента конца XVII в.⁸⁵ Собственно говоря, подготовка духовных лиц и чиновников была главной целью не только колледжа Крайст-Чёрч, но и всего Оксфордского университета в целом (как, впрочем, и Кембриджского университета, и судебных иннов, третьего образовательного института того времени). В этом смысле оба университета и инновы не были, как говорят сегодня, «элитарными», в число студентов принимались не только сыновья аристократов, но и отличившиеся в учебе выходцы из более простых семей. Среди последних назначение даже в маленький и небогатый приход означало продвижение в социальной иерархии и про-

⁸⁴ См.: *Harris I. The Mind of John Locke: A Study of Political Theory in Its Intellectual Setting.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 52. Попем и Локк пострадали в материальном плане от гражданских войн: дом Попема был сожжен роялистами, а Локк потерял значительную часть своего состояния. См.: *Woolhouse R. Locke: A Biography.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

⁸⁵ *Blair W. Cromwellian Oxford //The History of the University of Oxford. Vol. IV /Ed. by N.Tyacke.* – Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 767.

сто получение средств к существованию. Помимо этого, университет, и особенно колледж Крайст-Чёрч, принимал в студенты сыновей диссентеров и католиков, имея в виду их воспитание в духе лояльности к англиканской церкви. Несмотря на это, попасть в число студентов было непросто. Локку повезло.

Колледж Крайст-Чёрч, созданный по указанию Генриха VIII как протестантский кафедральный собор, в период Реставрации занимал особое место не только в жизни Оксфордского университета, но и во всей Церкви Англии, выполняя миссию возвращения страны к прежним порядкам. Все посты в руководстве колледжем-собором находились в прямой юрисдикции короля. После принятия Акта о единообразии и ряда других аналогичных законов Церковь Англии превратилась в стеновой хребет реставрации и нового «церковного государства», а Оксфордский университет сделался «проводником религиозного, общественного и политического консерватизма в жизни нации»⁸⁶.

По словам декана Джона Фелла, Крайст-Чёрч был «не колледжем в собственном смысле слова, но собором»⁸⁷. И действительно, капелла колледжа являлась кафедральным собором, в котором служил епископ Оксфорда. В колледже Крайст-Чёрч не было, как в других колледжах, членов советов (*fellows*), поскольку он находился под управлением декана (т. е. настоятеля собора), его заместителя и восьми каноников (капитула). Весь остальной преподавательский состав колледжа именовался студентами и делился на группы: 40 *scholares*, или *discipuli*, 40 *philosophi* (делившихся пополам на две подгруппы, старшую и младшую) и 20 *theologi* (тоже делившихся на две подгруппы). Все эти разряды «студенты» последовательно проходили соответственно времени, проведенному в колледже, и выполняя при этом ряд обязанностей, включавших постоянное проживание на территории университета, получение степеней, посвящение в духовный сан и отказ от женитьбы. Согласно заведенному порядку, старшие преподаватели в должное время получали приходы, женились и покидали колледж. Преподаватели колледжа Крайст-Чёрч не задерживались в его стенах более 15 лет. Кроме стандартных «студенческих» должностей, были еще четыре (с 1665 г. – пять) факультативных, две должности по праву и две по медицине. Занимавшие их лица не могли, не имели права переходить в разряд *theologi* и получать духовный сан.

* * *

В 1660 г. колледж Крайст-Чёрч получил нового декана, Джона Фелла, впоследствии вице-канцлера университета (август 1666–1669 г.) и епископа Оксфордского (декабрь 1675–1686 г.). Фелл был исключительной личностью и одним из самых влиятельных государственных деятелей вплоть до своей смерти в 1686 г. Его назначение в 1675 г. епископом при одновременном выполнении обязанностей декана колледжа Крайст-Чёрч было беспрецедентным решением в истории церкви и университета. Оно свидетельствовало о высоком доверии короля и правительства. В своем выступлении в декабре 1680 г. перед палатой лордов Фелл осудил схизму, мятежи, предостерег от махинаций со стороны Шефтсбери, призвал рядовых виггов отказаться от опасных идей и встать на сторону короля и епископов, заявил о невозможности объединения государственной церкви с диссентерами, предупредил о разрушительных последствиях толерантности.

Помимо вклада Фелла в политическую жизнь Англии, несомненной его заслугой стало расширение Бодлеанской библиотеки, насчитывавшей к 1670 г. около 40 тысяч томов, создание университетской типографии, а также Ашмолеанского музея. Фелл делал все, чтобы

⁸⁶ *Beddard R.A. Restoration Oxford and the Remaking of the Protestant Establishment // The History of the University of Oxford. Vol. IV / Ed. by N. Tyacke. – Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 804.*

⁸⁷ *Ibid.* P. 822m

достичь уровня такого признанного центра образования, как Парижский университет, причем как в гуманитарных дисциплинах, так и в области естествознания. В 1681 г. Фелл даже собирался превратить одну из башен колледжа Крайст-Чёрч в обсерваторию, но передумал, прислушавшись к совету Кристофера Рена, занимавшего тогда пост президента Лондонского королевского общества (1680–1682).

Вопреки распространенному мнению о засилье аристотелизма и схоластики, в Оксфорде того времени Рене Декарт и Пьер Гассенди пользовались популярностью не только у студентов, но и среди профессоров и в руководстве университета. Что касается Аристотеля, то, несмотря на оксфордский статут об обязанности всех студентов и преподавателей «защищать» Стагирита (и Порфирия) от нападок, в стенах университета регулярно проводились диспуты, на которых идеи Аристотеля опровергались и даже подвергались осмеянию. В целом же отношение к нему было такое же, как и ко всем древним философам, спокойное и уважительное⁸⁸. Гораздо более благожелательным было отношение к тому, что получило название «экспериментальной философии». Это произошло после освоения во второй четверти XVII в. трудов Френсиса Бэкона, Галилео Галилея, Уильяма Гарвея, Декарта и Гассенди.

Власть, светская и религиозная, периода Реставрации разделяла по сути своей бэконскую программу, с примесью обычного для того времени апокалиптизма и миллениаризма. Лондонское королевское общество, учрежденное в 1660 г., стало воплощением союза власти, церкви и натурфилософии. Попытки натурфилософов-бэконянцев сблизиться с властью предпринимались и раньше. Это нашло выражение во взглядах и деятельности «информатора» («intelligencer» – но не в смысле шпиона или осведомителя⁸⁹, а в смысле человека, занимающегося сбором и распространением информации) Самюэла Гартлиба, экумениста Джона Дьюри и моравского епископа и духовного лидера «Unitas Fratrum» («Единства братьев», собранного из остатков гуситов) и автора «Великой дидактики» Я. А. Коменского.

Программа «Великого восстановления» («Great Installation») включала в себя реформу науки, медицины, образования, промышленности, торговли, всех областей общественной жизни, да и самой природы в преддверии наступления конца света, скорого Страшного суда и тысячелетнего царства Христова. В 1642 г. Гартлиб, Дьюри и Коменский заключили «Пакт о христианском союзе» («Christianaе societatis pactum»), согласно которому задача Коменского заключалась в реформе образования, задача Дьюри – в реформе и примирении протестантских церквей, а задача Гартлиба – в реформе знания. Все эти задачи предполагалось решать с помощью и от имени государства. Все трое были представителями «протестантского интернационала», о котором будет рассказано ниже.

Пробыв в Англии около девяти месяцев и не дождавшись реализации принятых в июне 1641 г. Долгим парламентом решений об учреждении государственной системы всеобщего образования, Коменский вскоре покинул Англию, а Гартлиб и Дьюри продолжали поддерживать парламент в его противостоянии с королем. Впрочем, парламенту в тот момент было не до реформы образования: летом 1641 г. начался демонтаж режима «личного правления» Карла I.

Попытки провести законодательство о государственной поддержке образования и науки предпринимались окружением Гартлиба начиная с 1642 г. и вплоть до 1649 г. через Долгий парламент, затем в сентябре 1650 г. через республиканский государственный совет, в июле 1653 г. через Бербонский парламент, который создал специальный комитет из 18 чле-

⁸⁸ См.: *Feingold M. The Mathematical Sciences and New Philosophies // The History of the University of Oxford. Vol. IV / Ed. by N. Tyacke. – Oxford: Clarendon Press, 1997.*

⁸⁹ Обширная переписка всегда вызывала подозрения властей, и, например, гартлибианец и секретарь Лондонского королевского общества Генри Ольденбург был даже обвинен правительством в «опасных планах и занятиях», что привело в 1667 г. к его заключению в Тауэр.

нов, куда вошли такие известные впоследствии люди, как Антони Ашли Купер, глава Мертон-колледжа Джонатан Годдард и полковник Блаунт, изобретатель и один из первых, наряду с Купером и Годдардом, членов Лондонского королевского общества.

Ни одна из этих попыток ввести государственную поддержку системы образования не принесла успеха. Даже после образования Лондонского королевского общества, учрежденного по прямому повелению Карла II (который и сам был принят в него в 1665 г.), средства на его деятельность поступали не из казны, а в основном представляли собой частные пожертвования. Работа строилась на *энтузиазме* отдельных членов этого первого в истории научного института. К концу жизни Гартлиб, серьезно больной человек, оказался без средств к существованию и закончил жизнь в 1662 г. в страданиях и нищете, возможно умерев от одного из прописанных ему смертельно опасных «философских» лекарств. Это само по себе символично. В реальности «реформа», которая была проведена *государством* в период гражданских войн, республики и протектората, свелась к чистке университетов от сторонников монархии и епископата.

В период Реставрации эта политическая реформа университетов продолжилась, однако теперь чистке подлежали сторонники пуританского парламента, республики, Кромвеля и диссентеров.

Гартлиб и его соратники надеялись на новую реформацию, главным двигателем которой, по мысли Гартлиба, стал бы «Office of Address», Бюро обращений⁹⁰ (другое название – «Council for Learning», Совет по знаниям) – финансируемая государством институция по сбору и распространению информации ради «общего блага» и «согласно предопределению». С точки зрения Самюэла Гартлиба, сельское хозяйство, промышленность, торговля, наука и образование должны быть связаны воедино программой «улучшения» (improvement) природы, общества и человека в преддверии миллениума и во исполнение пророчества Книги Даниила об умножении знаний во времена, предшествующие Второму пришествию Христа. Создать Бюро так и не удалось, однако в течение почти 35 лет Гартлиб по переписке развил мощную информационную сеть, связывая различных людей друг с другом, и накопил огромное количество рукописей по самым разным областям знания и практической деятельности, которые в дальнейшем распространял методом «публикации переписыванием» (scribal publication), считая своим долгом «раскрытие научных секретов» и ликвидацию самой атмосферы секретности, царившей среди ученых и инженеров.

Гартлиб и его окружение последовательно использовали для этого две программы – пансофии Коменского, т. е. объединения знания и образования в некий единый предмет, в котором были бы преодолены дисциплинарная узость, специализация и закрытость образования и восстановлено исходное органическое единство; и алхимии, понятой прежде всего спиритуально, т. е. как попытки преодоления изъянов самого Творения, последовавших за грехопадением, и преобразования (transmutation) не только всего падшего материального мира, но и испорченной человеческой души. В этой части своей программы Гартлиб опирался на идеи Иоганна Рудольфа Глаубера (в котором, впрочем, как в мыслителе он в конце концов разочаровался).

Путь преодоления «проклятия Вавилона» гартлибианцы видели в создании «универсального языка», который позволил бы людям не только без помех понимать друг друга, но и совместно, в один голос восславить Бога в день пришествия Сына Человеческого. День Второго пришествия Христа, по расчетам этой группы реформаторов, был близок, это должно было произойти в течение 1650-х гг., а скорее всего, в 1655 или 1658 г.⁹¹

⁹⁰ Полное название – «Office of Publike Adresse in Spirituall and Temporall matters». См.: *Turnbull G.H. Samuel Hartlib: A Sketch of His Life and His Relations to J. A. Comenius.* – Oxford: Oxford University Press, 1920. P. 53.

⁹¹ См.: *Young J. T. Faith, Medical Alchemy and Natural Philosophy: Johann Moriaen, Reformed Intelligencer, and the Hartlib Circle.* – Farnham: Ashgate Publishing, 1998. P. XI–X111, 86–87.

Программа гартлибианцев постепенно реализовалась на практике, причем происходило это через университеты и при поддержке власти и церкви. Став вице-канцлером, Фелл, сам далекий от натурфилософии и новейших направлений в науке человек, внес значительный вклад в развитие естественно-научного направления университета. Стремясь сделать из Оксфорда лучший научный центр в Европе, он привлек для этой цели огромные по тем временам финансовые средства. Фелл верил, что высокая репутация привлечет к университету внимание состоятельных людей, прежде всего влиятельных и богатых аристократов, а это, в свою очередь, повысит статус и усилит влияние церкви.

При этом преподавание «экспериментальной философии» происходило как бы за пределами основных курсов. Предполагалось, что состоятельные студенты будут брать себе в наставники физиков, медиков, астрономов, химиков, которые занимались бы с ними отдельно, иногда ограничивая обучение освоением студентами тех или иных инструментов – например, микроскопа или телескопа, изобретенных в начале XVII в. (микроскоп – в 1608 г., телескоп – около 1610 г., термометр – в 1620 г., барометр – в 1643 г.-) – Нацеленность университетов исключительно на образование не позволяла в тот период создать в их рамках механизм систематического воспроизводства научных кадров, что затрудняло образование научно-дисциплинарных традиций. Тем не менее постепенно такой механизм все же складывался, и происходило это именно в университетах.

Изучение в английских университетах древних языков, истории, античной философии, Отцов Церкви и Библии прекрасно уживалось с «новым мышлением», согласно которому все должно подлежать проверке. «Механическая философия, корпускуляризм и новая биология требовали, чтобы теории и гипотезы проверялись и доказывались экспериментально, прежде чем предлагать их (какими бы предварительными они ни выставлялись) в качестве „неоспоримых фактов“»⁹². Если какие-то идеи Аристотеля и перипатетиков не выдерживали такого испытания на диспутах, а эксперименты показывали новые стороны Божьего мира, это означало, с точки зрения англиканских богословов, не крушение религии и морали, но лишь вполне объяснимую неадекватность древних, еще языческих, представлений об устройстве мироздания.

«Экспериментальная философия» охотно искала предшественников: например, кто-то утверждал, что первым атомистом был Моисей, а Гук считал Овидия наследником величайших греческих и египетских философов древности⁹³. В Англии, в отличие, допустим, от Франции, новой науке и экспериментальной философии не приходилось преодолевать институциональные барьеры: естествознание хотя прямо и не поддерживали, но не запрещали. В 1675 г., прибыв во Францию, Локк, к своему удивлению, обнаружил, что в этой стране «новая философия запрещена в университетах, школах и академиях»⁹⁴.

Несмотря на ревнивое отношение декана Джона Фелла к деятельности Лондонского королевского общества, в котором он видел конкурента, стоявшая за этой деятельностью философия не вызывала ни у Фелла, ни у других оксфордских богословов никакого отторжения, не представляя, по их мнению, угрозы для церкви и религии. Это отношение весьма ценилось и представителями самой «экспериментальной философии». Более того, такие видные члены Лондонского королевского общества, как Джон Уилкинс и Томас Спрат (оба были избраны в 1663 г.), вскоре стали епископами. В своей «Истории Лондонского королевского общества» Спрат писал, что экспериментальное изучение природы, творений и путей Создателя является формой религиозного поклонения, которая практиковалась, еще до гре-

⁹² Feingold M. The Mathematical Sciences and New Philosophies // The History of the University of Oxford. Vol. IV / Ed. by N. Tyacke. – Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 430.

⁹³ Hunter M. Science and Society in Restoration England. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 150.

⁹⁴ Locke's Travels in France, 1675–679: As related in his Journals, Correspondence & other papers / Ed. by J. Lough. – Cambridge: Cambridge University Press, 1953. P. 60.

хопадения, Адамом в раю в качестве единственной и изначальной религии, не предполагавшей искупления⁹⁵. Примерно тех же взглядов придерживался и Бойль, говоривший о «философском почитании Бога» и об экспериментальных философах и «натуральных историках» как принадлежащих к новому типу духовенства – «жрецам природы» («priests of nature»). В этом контексте стоит упомянуть и о книге Уилкинса «О принципах и обязанностях натуральной религии» (1675)⁹⁶.

Не пойдя на компромисс с диссентерами в известном Акте о единообразии 1662 г., англиканская церковь тем не менее согласилась не только на терпимые, толерантные отношения, но и на тесный союз с натурфилософами, такими, например, как Исаак Ньютон. Условием сотрудничества стал отказ естествоиспытателей от публичных споров с церковью по политически острым и раскалывающим общество вопросам, в частности касающимся теологии и экклезиологии, в обмен на молчаливую поддержку и невмешательство в научные и медицинские исследования. При этом состав Лондонского королевского общества был свидетельством не конформизма этого института, а, скорее, его плюралистичности. Членами общества являлись не только англикане, но и нонконформисты, например Уильям Пенн (с 1681 г.), и даже католики, например Кенелм Дигби (с 1663 г.). (В свое время Дигби был придворным Карла I, а затем дипломатом на службе у Кромвеля.)

«Научная деятельность в этот период... вдохновлялась не какой-то одной религиозной позицией, но рядом религиозных или светских стимулов, которые объединяли людей в достижении общих целей, главным образом определявшихся внутренней динамикой научной инициативы»⁹⁷. Несмотря на декларируемую аполитичную позицию, такой видный член научного сообщества, как Джон Уилкинс, принимал активное участие, вместе с Джоном Тиллотсоном (членом Лондонского королевского общества с 1672 г.), Эдвардом Стиллингфлитом и Томасом Барлоу, в попытке продвижения в 1667–1668 гг. билля о «включении», в то время как другой член Лондонского королевского общества (с 1663 г.) – епископ Солсберийский Сет Уорд выступил решительно против этого предложения. В 1670 г. Уилкинс выступил также против Акта о тайных собраниях, чем вызвал недовольство Карла II. Можно вспомнить и о деятельности члена Лондонского королевского общества первого графа Шефтсбери. Среди членов Лондонского королевского общества были равно и тори, и виги. И поэтому декларирование «аполитичности» было скорее попыткой «найти общее кредо, которое могло бы пользоваться как минимум молчаливой поддержкой людей, занимающих самые разные позиции, чтобы обезоружить критиков и привлечь сторонников»⁹⁸.

Политика «невмешательства» культивировалась и в период междуцарствия. Весьма влиятельной фигурой в Оксфорде того времени был глава Уодем-колледжа Уилкинс, в 1655 г. женившийся на сестре Кромвеля – Робине. Уилкинс стал политическим патроном всей линии «экспериментальной философии» в Оксфорде 1650-х гг., в его круг входили Роберт Бойль, Сет Уорд, Джон Уоллис, Кристофер Рен и Уильям Петти. При поддержке Уилкинса в Оксфорде периода междуцарствия царило позиционирование науки как занятия, которое «выше» любых политических баталий.

Но это касалось лишь внутриуниверситетской политики, что же до государственных дел, то Уилкинс и его друзья настаивали на преобразовании протектората в кромвелевскую монархию. В 1659–1660 гг., когда маятник качнулся в сторону, противоположную режиму

⁹⁵ *Sprat Thomas, Bishop of Rochester. The History of the Royal Society of London, For the Improving of Natural Knowledge.* – London, 1667. P. 349–350.

⁹⁶ *Wilkins J. Of the Principles and Duties of Natural Religion: Two Books / Ed. with preface by John Tillotson.* – London, 1675.

⁹⁷ *Hunter M. Latitudinarians and the “Ideology” of the Early Royal Society: Thom as Sprat’s “History of the Royal Society” (1667) Reconsidered // Philosophy, Science, and Religion in England 1640–1700 / Ed. by R. Kroll, R. Ashcraft, P. Zagorin.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 212.

⁹⁸ *Ibid.* P. 218.

Ричарда Кромвеля (до этого в качестве канцлера Оксфордского университета пользовавшегося безусловной поддержкой со стороны круга Уилкинса), группа «аполитичных» натур-философов немедленно перешла на сторону Карла Стюарта.

Не участвовать в политике было невозможно: приходилось помнить о более важных целях, связанных с реформой образования, науки и других сфер общественной жизни. В этом и состояла суть «аполитичности».

В конце 1660-х гг. Уилкинс стал епископом Честерским. Важно также отметить, что Уилкинс был одним из основателей Лондонского королевского общества, а также входил в научный клуб, известный как «группа 1645», в котором принимали участие также математик Джон Уоллис (член Лондонского королевского общества с 1663 г.) и переводчик и кромвелевский дипломат Теодор Хаак, один из ближайших соратников Самюэла Гартлиба и тоже член Лондонского королевского общества (с 1663 г.).

Политику «аполитичности» (т. е. балансирования на грани конформизма и неучастия) пытался проводить и Гартлиб, который «кочевал» на протяжении 1640–1650 гг. от Карла I к парламентариям – Джону Пиму, лорду Бруку и Натаниелю Ричу, затем к республиканцам и Оливеру Кромвелю. Как и Шефтсбери, Гартлиб возлагал большие надежды на Ричарда Кромвеля, а затем столкнулся с враждебным отношением к себе нового реставрационного режима, хотя готов был сотрудничать и с роялистами.

Характерна история изобретений Иоганна Куфлера, прежде всего его смертоносной торпеды, которую Гартлиб предлагал купить Оливеру Кромвелю. Сознвая не вполне христианский характер военных изобретений, агент Гартлиба в Нидерландах, бывший пастор и адепт Якоба Бёме Иоганн Мориаен оправдывал усилия по их продвижению соображениями, которые можно было бы сегодня назвать концепцией сдерживания: мощное оружие необходимо сторонам не для нападения, а для устрашения потенциального противника, который, зная о разрушительной мощи этого оружия, не смеет нарушить мир⁹⁹.

Можно также вспомнить о начале карьеры Бенджамина Уорсли: во время гражданской войны он выступил с предложением организовать для нужд парламентской армии производство селитры (нитрата калия), необходимого элемента в изготовлении пороха¹⁰⁰. Для этой цели Уорсли – следуя идеям Гартлиба – предлагал организовать рабочие дома (в том числе детские), в которых можно было бы соединить интересы частных инвесторов и «общественное благо».

Говоря об аполитичности, следует помнить, что в то же время Гартлиб в течение долгого времени (с середины 1640-х и по 1660 г.) фактически находился на содержании правительства, которое ежегодно выделяло значительные суммы, покрывавшие его расходы по обширной переписке и сбору полезной для государства информации, касающейся состояния науки, образования, промышленности и сельского хозяйства на континенте¹⁰¹. Не менее конформистской выглядит карьера Бенджамина Уорсли, который состоял на службе сначала у Страффорда, затем у Долгого парламента, потом у «Охвостья», Бербонского парламента, протектората, возрожденного «Охвостья», военного режима и, наконец, Карла II.

⁹⁹ *Young J. T. Faith, Medical Alchemy and Natural Philosophy: Johann Moriaen, Reformed Intelligencer, and the Hartlib Circle.* – Farnham: Ashgate Publishing, 1998. P. 52–57.

¹⁰⁰ *Leng T. Benjamin Worsley (1618–1677): Trade, Interest and the Spirit in Revolutionary England.* – Woodbridge: A Royal Historical Society, 2008. R 20–21. Помимо этого, «селитра» – ключевое понятие в теории «универсального азотистого духа»: «философская селитра», «философская соль», *sal nitrum* Рудольфа Глаубера и, по мнению Уорсли, источник всей энергии, в том числе и в органическом мире. Теорию Уорсли по этой причине часто называли «сельскохозяйственной химией»; сам Уорсли противопоставлял свою теорию энергии теории ван Гельмонта о «воде» как *materia prima*.

¹⁰¹ См.: *Turnbull G.H. Samuel Hartlib: A Sketch of His Life and His Relations to J. A. Comenius.* – Oxford: Oxford University Press, 1920. P. 48 и далее.

* * *

В конце 1650-х – начале 1660-х гг. Локк продвигался по ступеням академической карьеры, получив в 1658 г. звание магистра искусств, а далее назначения на более высокие посты – лектора-ассистента (*praelector*) по греческому языку и риторике, цензора по моральной философии. Знаком особого отношения стало назначение Локка в мае 1661 г. на должность наставника (*tutor*), означавшее пусть и небольшое, но повышение жалованья. В обязанности наставника входило не только чтение лекций, он должен был также осуществлять контроль над младшими студентами и общаться с их родителями. Некоторые воспитанники Локка (всего их насчитывают до 140) впоследствии стали известными людьми – членами парламента, учеными и представителями церкви, с которыми он поддерживал близкие отношения и благодаря которым довольно рано получил репутацию весьма влиятельного человека.

Итак, согласно правилам колледжа Крайст-Чёрч, по достижении определенного возраста «студент» должен был пройти посвящение в духовный сан и, если в университете не имелось подходящей должности, покинуть его стены, обычно получив приход либо мирскую должность. В середине 1660-х гг. Локк вплотную подошел к этому рубежу. В 1662 г. он был уже предпоследним в списке *philosophi* первой подгруппы, а к 1664 г. переместился на девятое место во второй, и это означало, что до перехода в *theologi* оставалось, не считая четырех факультативных, всего несколько позиций. Неизбежное близилось. Локк начал 1665 год уже в списках *theologi*, а потому обязан был либо пройти посвящение в духовный сан и спустя какое-то время покинуть стены колледжа, либо, защитив диссертацию на звание бакалавра медицины, попытаться занять место «факультативного студента».

Локку совсем не хотелось покидать Оксфорд, который стал его домом. Все его интересы были направлены на ученые занятия – и не только на теологию, главный предмет в колледже Крайст-Чёрч, но и на медицину и химию. В архиве Локка сохранился список из 350 книг, которые он прочитал за период с 1658 г. по март 1667 г. На первом месте в списке стояла медицина (46,6 %), на втором натурфилософия (16,4 %), на третьем теология (15,4 %). В Оксфорде Локк изучал Юстина Мученика, Тертуллиана, Иринейя, Климента Александрийского и Оригена. Среди англиканских теологов, которых он читал в это время, – Генри Хаммонд, Питер Хейлин, Джон Пирсон, Роберт Сандерсон и Ричард Гукер. Политика и право (2 %) и экономика (0,3 %) находились в это время на периферии его интересов¹⁰².

В середине 1660-х гг. его интерес к медицине привел к занятиям ятрохимией (т. е. медицинской химией). Начиная с 1652 г. в записных книжках Локка появляются рецепты разнообразных лекарств, например помогающих при образовании камней в почках, коликах, лихорадочном ознобе, кори, подагре, чахотке, свищах, раке, зубной боли, насморке, ангине и т. д. Эти рецепты он записывал со слов своих друзей-медиков или на лекциях известных врачей, таких как Ралф Батхерст (член Лондонского королевского общества с 1663 г.).

Познакомившись в мае 1660 г. с Робертом Бойлем, который переехал в Оксфорд в 1655 г., Локк, возможно, участвовал в работе его лаборатории, во всяком случае изготавливал химические соединения по рецептам Бойля и имел доступ к его библиотеке. Локк прочитал вышедший в 1660 г. труд Бойля «Новые медико-механические эксперименты касательно упругости воздуха и его следствии»¹⁰³, а затем и другие его работы: «Некоторые физиологи-

¹⁰² *Milton J.R.* Locke at Oxford // *Locke's Philosophy: Content and Context* / Ed. by G.A.J. Rogers. – Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 36.

¹⁰³ *Boyle R.* *New Experiments Physico-Mechanicall, touching the Spring of Air, and its Effects, Made in the Most Part in a New Pneumatical Engine.* – Oxford, 1660.

ческие опыты», «О стиле Священного Писания» и «О пользе экспериментальной натуральной философии», «Химик-скептик, или Химико-физические сомнения и парадоксы», «Происхождение форм и качеств согласно корпускулярной философии»¹⁰⁴. Особый интерес Локк проявлял к процессам дыхания и кровообращения.

Помимо этих произведений, он прочел труды Рене Декарта: «Первоначала философии» (1644), «Рассуждение о методе» (1637), «Диоптрику» (1637), «Метеоры» (1637), «Метафизические размышления» (1641), делая выписки, касавшиеся физических вопросов. Среди других прочитанных книг – «*Syntagma philosophicum*» (1658) Гассенди, изложение Спинозой «Первоначал философии» Декарта («*Principia philosophiae cartesianae*», 1663), «Тщета догматизирования» Джозефа Гланвила (1661)¹⁰⁵, «Экспериментальная философия» Генри Пауэра (1664)¹⁰⁶, «Микрография» Роберта Гука (1665)¹⁰⁷. Локк внимательно изучал также все выпуски «*Philosophical Transactions*» Лондонского королевского общества.

Локк посещал лекции и семинары известных химиков и медиков, таких как протеже Бойля и Гартлиба Петер Шталь (весной 1663 г.) и Томас Уиллис (в 1664 г.), участвовал в анатомировании трупов животных и людей, предположительно и в анатомических исследованиях мозга, проводившихся Уиллисом. К тому же времени относится его набросок на темы физиологии под названием «*Respirationis usus*» – вероятно, план диспутации на соискание степени бакалавра медицины.

Локк изучал труд Яна Баптиста ван Гельмонта «*Ortus medicinae*» (1648, 1652; английское издание под названием «*Oriatrike, or Physick Refined*», 1662)¹⁰⁸, который содержал виталистическую концепцию «ферментов» и первоначальной «воды», порождающей все существующее из «семян» с помощью спиритуального жизненного принципа «*archeus*», и критику гуморальной теории Галена с точки зрения «химической» школы Парацельса и неопарацельсианцев¹⁰⁹. Локк читал также труды учеников Я.Б. ван Гельмонта в Германии и Нидерландах¹¹⁰. По мнению многих историков науки, в 1650-х гг. Я.Б. ван Гельмонт оказал влияние и на Бойля (отмечается, например, что поначалу Бойль трактовал корпускулы как «семенные принципы»), хотя позднее их взгляды стали относить к диаметрально противоположным направлениям – «корпускуляризма» («механицизма») и «витализма» («органицизма»). Не может быть никаких сомнений, что именно Бойль приобщил Локка к ятрохимии.

В Оксфорде 1660-х гг. Бойль и Гук при помощи пневматического насоса, изобретенного в 1650 г. Отто фон Герике, демонстрировали связь физических свойств воздуха с дыха-

¹⁰⁴ Boyle R. *Certain Physiological Essays, Written at Distant Times, and on Several Occasions.* – London, 1661; 2nd edition 1669; Boyle R. *Some Considerations touching the Style of the Holy Scriptures.* – London, 1661; Boyle R. *Some Considerations touching the usefulness of Experimental Natural Philosophy.* – Oxford, 1663; Boyle R. *The Sceptical Chymist: or Chymico-Physical Doubts & Paradoxes, Touching the Experiments whereby vulgar spagirists Are wont to Endeavour to Evince their Salt, Sulphur and Mercury, to be The true Principles of Things.* – London, 1661; Boyle R. *The Origine of Formes and Qualities, According to the Corpuscular Philosophy.* – Oxford, 1666.

¹⁰⁵ Glanvill J. *The Vanity of Dogmatizing, Or Confidence in Opinions Manifested in a Discourse of the Shortness and Uncertainty of our Knowledge, And its Causes, With some Reflexions on Peripateticism; and an Apology for Philosophy.* – London, 1661.

¹⁰⁶ Power H. *Experimental Philosophy, in Three Books: Containing New Experiments, Microscopical, Mercurial, Magnetical, With Some Deductions, and Probable Hypotheses, Raised from Them, in Avouchment and Illustration of the Now Famous Atomical Hypothesis.* – London, 1664.

¹⁰⁷ Hooke R. *Micrographia: or Some Physiological Descriptions of Minute Bodies Made by Magnifying Glasses with Observation and Inquiries thereupon.* – London, 1665.

¹⁰⁸ Van Helmont, *Johannis Baptistae. Ortus medicinae; id est, initia physicae inaudita. Progressus medicinae novus, in morborum ultionem, ad vitam longam. Edente Francisco Mercurio van Helmont.* – Amsterodami, Elsevir, 1648; Van Helmont, *Jean Baptiste. Oriatrike, or Physick Refined: the Common Errors Therein Refuted, and the Whole Art Reformed Sc Rectified Being a New Rise and Progress of Philosophy and Medicine for the Destruction of Diseases and Prolongation of Life.* – London, 1662.

¹⁰⁹ См.: Walmsley J. «Morbus» – Locke's Early Essay on Disease // *Early Science and Medicine* 5, 4. – Leiden, 2000.

¹¹⁰ Schook M. *De fermento et fermentatione liber.* Groningen, 1662; Boë Sylvius, *Franciscus de la. Disputationum medicarum pars prima.* – Amsterdam, 1663; Kerger M. *De fermentatione liber physico-medicus.* – Wittenberg, 1663.

нием и кровообращением. В это время Бойль уже скептически оценивал теорию трансмутации воздуха и его частиц в «витальные духи», развитую как в традиции Галена, так и в традиции Парацельса. Процессы дыхания и кровообращения активно обсуждались в это время в Оксфорде, в том числе Томасом Уиллисом, труд которого (пример «корпускулярного гельмонтианства»¹¹¹) «Две медико-философские дискуссии»¹¹² о брожении крови и роли азотосернистых частиц воздуха Локк законспектировал вскоре после его выхода в свет, т. е. еще до чтения работ ван Гельмонта. С Ричардом Лоуэром¹¹³, ассистентом Уиллиса, таким же, как и Локк, преподавателем колледжа Крайст-Чёрч, Локк проводил в 1664 г. эксперименты на животных, демонстрировавшие роль воздуха в изменении цвета крови в ходе ее циркуляции.

Локк был знаком также и с идеями Уильяма Гарвея, прежде всего благодаря труду Джорджа Энта «Апология кровообращения»¹¹⁴, в котором доказывалась необходимость воздуха для питания «витального пламени» в работе сердца, однако главная задача его исследований того времени – примирение двух различных традиций объяснения болезней, поиск *via media* между Галеном и Парацельсом. Возможно, он находился в это время под влиянием трудов немецкого врача и химика Даниела Сеннерта. Это видно, в частности, из его работы «Morbus», датируемой сентябрем 1666 – апрелем 1667 г., где он делит весь мир на «семенную» и «несеменную» части по критерию применимости двух теорий, условно говоря, объясняющих две области мироздания – органической и неорганической природы. Делая это, он не ссылается ни на корпускулярную теорию Декарта – Бойля, ни даже на «пластический принцип», с помощью которого Бойль пытался объяснить происхождение жизни из «механически построенной машины» природы, но обращается прежде всего к витальному принципу Я. Б. ван Гельмонта¹¹⁵. В огромном массиве сохранившихся в записных книжках Локка и других неопубликованных материалах записей нет ни одной (!), посвященной законам движения или механического воздействия тел¹¹⁶.

В отличие от Декарта и Бойля, предлагавших объяснение болезни как проникновения в организм частиц неподходящей формы через «фильтр», или «сито», ван Гельмонт считал причиной болезней чуждые «археи», существа, вторгающиеся в тело и вступающие в конфликт с «*archei insitae*», т. е. с существами, внутренне присущими каждому данному организму и контролирующими его работу через ферменты («*fermenta*»). С помощью алкагеста и некоторых других лекарственных препаратов, например производных от винного камня, считал Я. Б. ван Гельмонт, врач может воздействовать на тело пациента и изолировать нездоровые агенты, обеспечивая гармоничное сотрудничество внедряемых агентов с присущим каждому человеку индивидуальным «*archeus*’ом». Выделение в организме особых болезнетворных агентов шло вразрез с нозологией Галена, объяснявшего болезни дисбалансом в организме аристотелевских первичных качеств тепла, холода, влажности и сухости. В «Morbus» Локк предлагает в качестве дополнительного объяснения болезней «смешение неподходящих ингредиентов», например различных солей, что можно считать неким подобием галенической теории. По этой причине историки медицины часто называют концепцию Локка эклектической.

¹¹¹ Milton J. R. Locke, Medicine and the Mechanical philosophy // British Journal for the History of Philosophy. 2001. Vol. 9. No. 2. P. 237.

¹¹² Willis T. Diatribae duae medico-philosophicae. – London, 1659.

¹¹³ Совместная работа с Лоуэром нашла частичное отражение в труде: Lower R. Tractatus de Corde. Item de Motu & Colore sanguinis, et Chyli in eum Transitu. – London, 1669.

¹¹⁴ Ent G. Apologia pro circulatione sanguinis: qua respondetur Aemilio Parisano medico veneto. – London, 1661.

¹¹⁵ Walmsley J. “Morbus” – Locke’s Early Essay on Disease // Early Science and Medicine. 2000. Vol. 5. No. 4. P. 389.

¹¹⁶ Milton J. R. Locke, Medicine and the Mechanical Philosophy // British Journal for the History of Philosophy. 2001. Vol. 9. No. 2. P. 221.

Сотрудничество с Бойлем началось в 1664 г. В 1666 г. Локк по предложению Бойля приступил к метеорологическим наблюдениям и экспериментам в Сомерсете, пытаясь определить с помощью барометра разницу в давлении воздуха на поверхности, в местных шахтах (в которых, как сообщал Локк Бойлю, встречались красные сурьмосодержащие руды, скорее всего свинцовый сурик) и на близлежащем холме, составлявшем часть Мендипской гряды. Рабочие не пустили Локка внутрь шахты, испугавшись вида оборудования и сочтя его опасным, к тому же в вакуумную камеру, как оказалось, проник воздух, так что эксперимент не удался, о чем сконфуженный Локк и сообщил Бойлю. К тому времени до Сомерсета дошла эпидемия чумы, так что Локк поспешил в Оксфорд, где продолжил эксперименты по химическому анализу крови, занимаясь ее выпариванием и перегонкой.

В записных книжках Локка того периода кратко описаны и другие эксперименты, посвященные изучению реакций крови с различными химическими веществами и помеченные «г-н Бойль». По мнению Г. Мейнела, которое он высказывает в полемике с К. Дьюхерстом, это не означает, что Локк был в то время ассистентом Бойля. Фрагменты с пометкой «г-н Бойль» представляют собой скорее записи, которые Локк делал в апреле 1663 г. на лекциях Питера Шталя, приглашенного Бойлем в Оксфорд в 1659 г. Как отмечает Мейнел, внимание привлекает прежде всего «экстраординарный калибр» некоторых учеников Шталя, включавших Джона Уоллиса, Кристофера Рена, Ралфа Батхерста, Ричарда Лоуэра и Томаса Миллингтона¹¹⁷. Шталь не только читал лекции, но и создал в Оксфорде собственную химическую лабораторию.

Разумеется, как и Бойль, Локк был убежден в существовании «философской ртути» – необходимого ингредиента философского камня, в возможности ее получения с помощью процессов очистки, а также верил в существование универсального растворителя, алкагеста, «адского огня» алхимии. Интерес к алхимии никогда не покидал Локка, на протяжении всей жизни он собирал информацию и различные формулы промежуточных веществ и растворителей. В 1691 г. Локк стал одним из трех распорядителей научного наследия Бойля, получив от него за несколько месяцев до смерти часть формулы «софического ртути». После смерти Бойля в самом конце 1691 г. Локк консультировался по поводу «философской ртути» со знатоком алхимии Исааком Ньютоном. Когда в 1689 г. Локк вернулся в Англию, Франциск Меркурий ван Гельмонт подарил ему плавильную печь новой конструкции, а в 1693–1694 гг. (с октября по февраль) жил в поместье Машемов, где вместе с Локком пытался разобраться в формуле получения золота из найденной Бойлем (благодаря корреспондентам Лондонского королевского общества) некоей «красной земли». В 1692 г. Роберт Полинг помог Локку и ван Гельмонту найти нужную «красную землю» через слугу Бойля, который знал, где тот хранил многочисленные образцы земли красного цвета.

По словам Питера Анстея, в отличие от Бойля, сам Локк не занимался алхимическими опытами с целью получения золота. Его интересовали лекарства¹¹⁸. При этом чем старше и опытнее он становился, тем все реже рекомендовал своим пациентам прием дорогостоящих и порой вредных лекарств, чаще советуя прогулки, упражнения на свежем воздухе, иногда переезд в другую местность или даже страну и прочие естественные методы избавления от недугов, пропагандировал также методы профилактической медицины, короче говоря, как и Гиппократ, верил в целительные силы природы.

В чем-то этот подход был близок сельскохозяйственному «экспериментированию» Самюэла Гартлиба, направленному на получение более высоких урожаев через применение

¹¹⁷ *Meynell G.* Locke, Boyle and Peter Stahl //Notes and Records of the Royal Society of London. 1995. Vol. 49. No. 2. P. 185; *Dewhurst K.* John Locke, Physician and Philosopher: A Medical Biography With an Edition of the Medical Notes in His Journals. – London: The Wellcome Historical Medical Library, 1963.

¹¹⁸ *Anstey P.R.* John Locke and Helmontian Medicine //The Body as Object and Instrument of Knowledge: Embodied Empiricism in Early Modern Science / Ed. by C.T.Wolfe and O.Gal. – Dordrecht; Heidelberg; London; N.Y.: Springer, 2010. P. 113.

самых простых методов – вроде высеивания известных культур на других почвах и в другом климате. В записных книжках Локка описан случай, когда страдавшего от почечной колики пациента удалось вылечить, посоветовав ему по утрам надевать чулки другим способом, не наклоняясь и не напрягая чрезмерно мышцы спины. Примерно таких же взглядов должен был придерживаться и ван Гельмонт, для которого человек был частью живого целого – универсума, – следовательно, и лечение не могло происходить без участия окружающей природы.

Поскольку в приготовлении лекарств в то время часто использовалась ртуть, нет сомнения, что совет Локка воздерживаться от приема дорогих лекарств спас немало жизней доверившихся ему людей.

Локк был полностью погружен в академическую жизнь и не мыслил себя вне университета, однако в середине 1660-х гг. ему пришлось решать, как жить дальше. Он совсем не хотел отказываться от своих научных интересов. Способов добиться этого было несколько, например последовав примеру Ричарда Лоуэра. Пионер процедуры переливания крови Лоуэр родился в 1632 г. в семье корнуоллского джентри, учился в Вестминстерской школе, стал студентом колледжа Крайст-Чёрч, получил степени бакалавра и магистра искусств. Постепенно увлекся медициной и получил в 1665 г. степени бакалавра и доктора медицины спустя несколько лет после того, как потерял место студента в колледже, отказавшись от посвящения в духовный сан. В 1666 г. Лоуэр женился – ключевой момент в его карьере – на состоятельной вдове из Корнуолла, а в 1667 г. переехал в Лондон, где стал членом Лондонского королевского общества и кандидатом в члены Королевской коллегии врачей. Полным членом последней он стал в 1675 г. Поддержка Лоуэром вигов стоила ему практики в начале 1680-х гг., однако после «славной революции» он восстановил свое положение, и лишь преждевременная смерть в январе 1691 г. оборвала его дальнейшую карьеру.

Получить степень доктора медицины можно было и за рубежом, а затем подтвердить ее в Оксфорде, однако для этого необходимо было, во-первых, иметь средства, во-вторых, покинуть стены Оксфорда. В то время самым популярным центром медицинского образования был Лейден, где в разные годы училось около 170 оксфордских выпускников, а 45 из них получили степени докторов медицины. Помимо Лейдена, популярностью пользовались Утрехт, Гронинген, а также французские университеты в Кане и Монпелье. Получение низшей степени бакалавра медицины и врачебной лицензии были в большинстве случаев лишь промежуточным этапом на пути к степени доктора медицины, однако некоторые врачи останавливались и на этом, в дальнейшем выстраивая карьеру на чисто практических успехах¹¹⁹. Именно так поступил Локк, получив в 1675 г. степень бакалавра.

Еще одним примером служит карьера Томаса Сиденхема, который, получив медицинское образование в Монпелье и степень бакалавра, в течение 30 лет практиковал в Лондоне. Возможно, поездка Локка в Монпелье по стопам Сиденхема в конце 1670-х гг. была попыткой получить степень доктора, однако точных свидетельств об этом не сохранилось. В любом случае он провел около полутора лет в одном из крупнейших медицинских центров Франции.

Перед глазами Локка были и многочисленные примеры тех врачей, которым не помешало принятие духовного сана. Тем не менее он не воспользовался предложением жениться, переехать в Дублин, получить приход и начать врачебную практику. Более заманчивой перспективой стало продолжение экспериментов в рамках либо Оксфорда, либо Лондонского королевского общества. И это тоже никак не препятствовало занятиям медициной, которая успешным врачам приносила весьма приличный доход. Например, в конце 1660-х гг. Томас

¹¹⁹ Frank R. G. *Medicine // The History of the University of Oxford*. Vol. IV / Ed. by N. Tyacke. – Oxford: Clarendon Press, 1997. P-510.

Уиллис, член Лондонского королевского общества с 1663 г., был широко известен в Европе и зарабатывал своей врачебной практикой около 300 фунтов в год, что было, разумеется, пределом мечтаний для начинающего врача – Локка. Томас Миллингтон, получив в 1659 г. медицинские степени бакалавра и доктора и оставаясь в университете, открыл практику в Лондоне, которая оказалась настолько успешной, что в 1680 г. он был удостоен личного дворянского звания, а позднее занял пост личного врача Вильгельма и Марии, затем и королевы Анны, а также президента Королевской коллегии врачей.

По всей вероятности, даже до получения степени бакалавра медицины и соответствующей лицензии, еще во время пребывания в Оксфорде Локк занимался врачебной практикой – либо в качестве ассистента и партнера своих имевших степени и лицензии коллег, либо самостоятельно, в тех случаях, когда речь шла о легких заболеваниях среди вверенных его попечению учеников.

Впрочем, несмотря на наличие многих подобных вариантов жизненного пути, судьба Локка решалась не только им самим, но и другими людьми.

Среди них был, во-первых, декан Фелл. Вопреки заведенному порядку и по истечении в конце 1665 г. крайнего срока Локк оставался в колледже Крайст-Чёрч еще почти два года, не проходя посвящения в духовный сан. Это означало, что он был на особом счету у Фелла, который, по-видимому, надеялся, что молодой преподаватель все же станет духовным лицом, а может быть, на всякий случай держал при себе талантливого медика, помня о страшной эпидемии чумы в Лондоне, каким-то чудом не перекинувшейся на Оксфорд¹²⁰.

В Локке был заинтересован не только Фелл. 3 ноября 1666 г. все еще занимавший пост лорда-канцлера и канцлера Оксфордского университета граф Кларендон направил своему подчиненному вице-канцлеру Феллу письмо с просьбой присудить Локку медицинскую степень. Эта рекомендация была проигнорирована – декан не собирался нарушать существующие правила. И тогда 14 ноября 1666 г. Фелл получил прямой приказ от короля, подписанный государственным секретарем, который предписывал «дозволить ему, означенному Джону Локку, оставаться студентом в колледже Крайст-Чёрч, сохраняя все соответствующие права, преимущества и вознаграждения, но не становясь духовным лицом».

Фелл отличался легендарным пристрастием к дисциплине и соблюдению университетских правил. Когда позднее, в ноябре 1670 г., лорд Ашли через канцлера Оксфордского университета герцога Ормонда представил Локка к степени почетного доктора медицины (в честь визита в университет Вильгельма, принца Оранского), Фелл и провост Итонского колледжа Ричард Аллестри выразили недовольство навязанной протекцией, после чего Локк сам отказался от выходившего за рамки устава присуждения, попросив Ашли отозвать номинацию. Однако королевский указ 1666 г. был для Фелла законом, который он не мог не исполнить.

Имеется несколько объяснений этого указа. Первое: в обмен на возможность остаться в университете Локку было предложено занять место рядом с набиравшим силу лордом казначейства Антони Ашли Купером. Это объясняет то странное положение, которое занимал Локк в дальнейшем: он имел одновременно два дома и две «семьи»: в Оксфорде, в комнатах, принадлежавших колледжу Крайст-Чёрч, и в Лондоне, в комнате, которую ему выделили в доме лорда Ашли. Несомненно, такой поворот событий был выгоден Феллу. Иметь своего человека при лорде Ашли было совсем неплохо.

Второе возможное объяснение связано с Александром Попемом. Роль его в жизни Локка почти не исследована, однако известно, что он был агентом Карла II, обеспечившим беспрепятственное прибытие последнего в Лондон в 1660 г. Одновременно Попем не мог

¹²⁰ *Milton J.R. Locke at Oxford // Locke's Philosophy: Content and Context / Ed. by G.A.J. Rogers. – Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 31.*

не знать Антони Ашли Купера, причем в течение долгого времени, поскольку был в свое время депутатом парламента от Уилтшира. Можно предположить, что Попем обратился к королю или что Попем обратился к Феллу, а может быть, оба они обратились к королю с просьбой о диспенсации (освобождении) Локка от посвящения в духовный сан, а к лорду Ашли – с просьбой о том, чтобы молодой и талантливый преподаватель и врач получил его покровительство.

Правдоподобно также и третье объяснение. Идея о королевском указе могла исходить от влиятельного в университете и правительстве лорда Роберта Бойля, в 1660–1664 гг. комиссионера Совета по иностранным плантациям.

Бойль был не только ученым, но и политиком и, как впоследствии и Локк, «светским теологом». Он входил в правление Ост-Индской компании, имел доли в Компании Гудзоновского залива, а также председательствовал в Компании Новой Англии – созданного в 1661 г. миссионерского общества, спонсировавшего перевод Библии на алгонкинский язык и реализовавшего решение парламента 1649 г. – Ордонанс для продвижения цивилизации и христианства среди индейцев (*Ordinance for the Advancement of Civilization and Christianity among the Indians*), согласно которому было создано Общество по распространению Евангелия в Новой Англии (*Society for the Propagation of the Gospel in New England*). Целью этих усилий Бойля было, разумеется, не только развитие науки, торговли и колонизация новых территорий, но и обращение язычников-индейцев, которое он, как и другие милленаристы, считал необходимым условием Второго пришествия Христа.

Вскоре после образования Лондонского королевского общества в 1660 г. в его рамках был создан комитет, который должен был заниматься вопросами, касающимися «самых отдаленных частей мира». В него входили Бойль, Уилкинс, Роберт Морей (инициатор и учредитель Лондонского королевского общества), Джон Эвелин и Ольденбург.

Заглянув на пять лет вперед, мы увидим, что в 1673 г. Локк стал преемником на посту секретаря Совета по торговле и зарубежным плантациям многоопытного Бенджамина Уорсли. В 1650 г. Уорсли был секретарем республиканского Совета по торговле, автором плана развития английской экономики через всемерное поощрение торговли, в частности, с колониями. По его убеждению, это позволило бы Англии стать самодостаточной и не зависеть в торговом отношении от Испании, Италии и Турции. Уорсли наверняка был знаком с Шефтсбери, однако их совместная работа началась в 1668 г., когда Уорсли занял, как и Шефтсбери, место члена Совета по торговле, а в 1670 г. стал официальным советником Совета по иностранным плантациям. Уорсли выступал также советником Бекингема и Арлингтона, что делает его связующим звеном между правительством и так называемой невидимой коллегией.

Когда-то Уорсли был наставником Бойля в области алхимии и проводником идей и практики «невидимой коллегии» (или «философской коллегии»¹²¹) – многочисленных научных собраний, предшествовавших образованию в 1660 г. Лондонского королевского общества. В Англии «невидимая коллегия» появилась благодаря усилиям Самюэла Гартлиба, человека огромного, хотя и во многом неофициального влияния в самых разных кругах Европы и Англии, но при этом культивировавшего собственную анонимность. И Гартлиб, и его партнеры по «невидимой коллегии» были вдохновлены идеей общепротестантского церковного единства, базирующегося на фундаментальных положениях (*fundamentals*) разумной веры (*reasonable faith*). Аналогичные организации существовали с начала XVII в. и на континенте.

¹²¹ См.: *Leng T. Benjamin Worsley (1618–1677): Trade, Interest and the Spirit in Revolutionary England.* – Woodbridge: A Royal Historical Society, 2008. P. 27; а также: *Leng T. Shaftesbury's Aristocratic Empire // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury, 1621–1683 /Ed. byj. Spurr.* – Farnham: Ashgate Publishing, 2011. P. 113.

«Невидимая коллегия» должна была заниматься не только распространением информации, но и привлечением к своей деятельности людей особого рода – прежде всего сыновей или родственников лиц благородного происхождения (*persons of quality*), а также людей простых, на роль «вольных» (*free-man*) друзей или членов Общества, но при этом отличающихся мастерством в каком-либо деле или хотя бы изобретательностью и доказавших свои добрые намерения. Среди требований к членам общества были верность профессии и «земледелию» (*husbandry* – в данном контексте одновременно и более широкий термин, под которым понимается приносящая пользу высокопрофессиональная деятельность). Вступавшие в него лица должны были обещать «за подписью и печатью» оставаться «верными соискателями Таинства и Общества» и при этом не вступать в брак¹²².

По словам Сары Ирвинг, целью Гартлиба было использование такой коллегии как «институционального средства верификации знания»¹²³. Добавим к этому, что «невидимая коллегия» служила еще одной цели – распространению не всякой, а только достоверной информации, исходящей от заслуживающего доверия источника и непременно полезной (способствующей, по выражению Локка, умножению жизненных удобств, *conveniences of life*)¹²⁴.

Благодаря деятельности круга Гартлиба, а затем Лондонского королевского общества правительство удалось убедить в том, что знание может быть полезным, ценным, общественно значимым. По сути дела, это была частичная реализация главной идеи Френсиса Бэкона, выраженной в его «Новой Атлантиде», о «Доме Соломона» на острове Бенсалем. Особенно важными представлялись результаты сбора информации о сельском хозяйстве, о различных методах получения высокого урожая в зависимости от климата, почвы, географического расположения. В качестве полигона для экспериментов Гартлиб предлагал использовать плантации в различных колониях, а успешные эксперименты воспроизводить в самой Англии.

При поддержке Бойля Уорсли продолжил дело Гартлиба. А Локк должен был стать преемником Уорсли.

Стоит упомянуть об одной детали, которая объясняет легкость появления королевского указа, освобождавшего Локка от необходимости посвящения в духовный сан и позволявшего ему остаться в Оксфордском университете. В начале 1665 г. в Лондоне и других английских городах начали проявляться первые признаки эпидемии бубонной чумы, а весной все, кто мог, уже покинули столицу, в том числе король вместе со своим двором. В сентябре Карл обосновался в Оксфорде, где чумы по какой-то причине, кстати, очень интересовавшей Бойля и Локка, не было. Если быть совсем точным, двор располагался в колледже Крайст-Чёрч.

Локк несомненно встретил в коридорах колледжа Уильяма Годольфина, секретаря лорда Арлингтона, а также другого своего знакомого по Вестминстерской школе и первым годам в Крайст-Чёрч – тоже секретаря Арлингтона Джозефа Уильямсона (члена Лондонского королевского общества с 1663 г., президента в 1677–1680 гг.; хорошего знакомого

¹²² *Hartlib S. An Essay for Advancement of Husbandry-Learning: or Propositions for the Erecting College of Husbandry.* – London, 1651. P. 9–11. Цит. no: *Irving S. Natural Science and the Origins of the British Empire.* – London: Pickering Sc Chatto, 2008. P. 63–64.

¹²³ *Irving S. Natural Science and the Origins of the British Empire.* – London: Pick ering Sc Chatto, 2008. P. 63.

¹²⁴ Добавило это самому Локку жизненных удобств или нет, но он так и не женился, хотя в середине 1660-х гг. был почти согласен сделаться духовным лицом, вступить в брак со своей возлюбленной Элинор Парри, перебраться в Ирландию, стать капелланом ирландского лорда-наместника и продолжать заниматься врачеванием после получения соответствующих степеней и лицензий. По какой причине Локк отказался от этой весьма приятной и выгодной перспективы, неизвестно. Скорее всего, не из-за членства в некоей тайной организации, а вследствие требования устава колледжа Крайст-Чёрч, согласно которому занятие должности даже «факультативного студента» предполагало безбрачие.

Шефтсбери¹²⁵). Имея столь влиятельных друзей, Локк мог получить и диспенсацию, подписанную госсекретарем Уильямом Морисом. Кроме того, существует версия, что Локк лично познакомился с самим королем, который, возможно, возложил на него некую миссию. Какую – остается только догадываться.

Последняя версия объясняет, почему Локк отправился осенью 1665 г. в Клеве. Ничто в его жизни не указывало на наличие каких-либо дипломатических способностей. Но, может быть, это была первая проверка кандидата на роль государственного служащего. Клеве, город на границе с Нидерландами, входил в курфюршество Бранденбург, и Локк отправился туда в качестве секретаря английского посланника сэра Уолтера Вейна¹²⁶. Цель этой дипломатической миссии заключалась в том, чтобы уговорить курфюрста сохранить нейтралитет на время второй англо-голландской войны, начавшейся весной 1665 г.

Миссия не удалась, поскольку стороны не смогли договориться о цене вопроса, но по возвращении из Клеве Локку было предложено отправиться с аналогичной миссией в Испанию. Миссия предполагала отсутствие в Англии в течение двух лет, и он отказался. В конце года Локку был предложен пост секретаря посла в Швеции, но он отклонил и это предложение.

В Клеве Локк познакомился с немецким ятрохимиком Иоганном Шардом (или Скардом – Schard) и даже работал в его лаборатории. По возвращении из Клеве Локк вместе со своим другом Дэвидом Томасом, на тот момент преподавателем оксфордского Нью-колледжа, с которым он познакомился на лекциях Шталя, и еще одним врачом организовал собственную ятрохимическую лабораторию, оборудование которой Томас в конце концов забрал с собой, перебравшись из Оксфорда в Солсбери, где до конца жизни занимался ятрохимическими и алхимическими опытами, следуя указаниям Бойля и Локка.

Возможно, после того как Локк отклонил предложения, связанные с дипломатической деятельностью, Бойль и сыграл свою роль в его судьбе. Поздней весной 1667 г. Локк переехал из Оксфорда, где провел пятнадцать лет, в Лондон, в дом Шефтсбери под названием «Эксетер-Хаус». Правда, оставил в своей комнате в Крайст-Чёрч большую часть книг.

Первый раз Локк и Шефтсбери встретились летом 1666 г., когда лорд Ашли приезжал в Оксфорд навестить своего четырнадцатилетнего сына, учившегося в Тринити-колледже. Легенда гласит, что Локк, подменяя врача (по «случайности» – своего ближайшего коллегу в ятрохимических опытах Дэвида Томаса), принес для страдавшего печенью лорда казначейства бутылки с минеральной водой из незадолго до этого обнаруженных Лоуэром и Уиллисом источников в Астропе. Локк сразу понравился лорду Ашли, который едва ли не тут же пригласил его в Лондон, чтобы он стал членом семьи и наставником потомства. По другой версии, Локк не смог принести минеральную воду, о чем и сообщил лорду Ашли, однако тот предложил молодому врачу сопроводить его в Астроп. С этой поездки якобы и начались их близкие отношения.

Хотя Локк несомненно был способен давать медицинские советы как самому лорду Ашли, так и многочисленному и разнородному окружению, членам «семьи», или «дома», а лучше сказать, «семьи-домохозяйства» (household), включавшей как родственников, так и слуг, общим числом в 40 человек, – все же он был приглашен не в качестве лечащего врача, а как наставник юного Ашли Купера. В качестве компенсации за эту услугу Локк получал 20 фунтов каждые три месяца вплоть до своего назначения (после того как лорд Ашли занял высокий пост в правительстве) регистратором по акцизам, на должность, которая должна была приносить ему 175 фунтов в год, так никогда и не выплаченных казной.

¹²⁵ The Correspondence of John Locke. Vol. I / Ed. by E.S. de Beer. – Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 438П.

¹²⁶ Э. де Бир отмечает, что этой поездкой Локк был обязан Уильяму Годольфину, а также что Вейн был подотчетен госсекретарю лорду Арлингтону. См.: The Correspondence of John Locke. Vol. I / Ed. by E.S. de Beer. – Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 225.

Что еще ожидалось от Локка, мы не знаем. Можно лишь предположить, что в дополнение к обязанностям наставника ему было предложено работать в химической лаборатории, которая располагалась в Эксетер-Хаусе¹²⁷. В Лондоне находилась еще одна лаборатория, которую мог посещать Локк (в то время в столице существовало множество такого рода лабораторий, поскольку заниматься алхимией было модно; и хотя это запрещалось законом, алхимическая лаборатория имела даже у короля). Это была лаборатория Бойля, располагавшаяся неподалеку от того места на Палл-Малл, где жил Томас Сиденхем, а именно в доме, который Бойль делил со своей сестрой, влиятельной леди Екатериной Джонс, виконтессой Ранелэ (Ranelagh, ирл. Ранеллах). Екатерина Ранелэ и Роберт Бойль были центром притяжения англо-ирландского протестантского круга, в который входили также братья Арнолд и Герард Боут, Бенджамин Уорсли и другие гартлибианцы. В последующие пятнадцать лет Локк, по природе своей человек малообщительный, приобрел массу совершенно невероятных знакомств в самых разных кругах – научных, церковных и политических.

Известно, что в доме Шефтсбери – как принято считать, под председательством Локка, но, возможно, под председательством Уорсли – собиралась дискуссионная группа, встречи которой проходили под эгидой Лондонского королевского общества: Шефтсбери, ко всему прочему, был, как и Бойль, членом Совета новообразованного научного института¹²⁸. Другими членами собиравшейся в Эксетер-Хаусе группы были, возможно, Дэвид Томас, Джон Мейплтофт и Томас Сиденхем – т. е. врачи, однако вполне вероятно, что группа состояла из других членов, обсуждавших вопросы торговли и колониальные дела, что тоже предполагало председательство Уорсли.

В доме лорда Ашли, а может быть, и в доме Бойля в Оксфорде Локк встретил своего пациента (которого он начал лечить, если судить по сохранившемуся письму, самое позднее с декабря 1666 г.)¹²⁹—одного из двенадцати основателей Лондонского королевского общества и знакомого Бенджамина Уорсли сэра Пола Нила, который и предложил Локку стать членом общества¹³⁰. Нил был сыном Ричарда Нила, архиепископа Йоркского и соратника Уильяма Лода. В ноябре 1668 г. Локка избрали в члены Общества и определили в комитет по обсуждению и проведению экспериментов, который возглавлял Роберт Гук, получивший титул «куратора экспериментов». С 1663 г. Гук был также «смотрителем репозитория» – собиравшейся членами Королевского общества и их многочисленными корреспондентами коллекции неизвестных ранее растений и других редкостей из Старого и Нового Света, а также из Азии. Репозиторий размещался в Грешам-колледже в Лондоне.

Главным вкладом Локка в деятельность Лондонского королевского общества стали два отчета о метеорологических наблюдениях, которые он начал проводить систематически, а не время от времени, лишь в 1690-е гг. Основной задачей при этом было выяснение корреляции между изменениями погоды и распространением эпидемий (как предполагалось, через осо-

¹²⁷ Anstey P.R. John Locke and Helmontian Medicine //The Body as Object and Instrument of Knowledge: Embodied Empiricism in Early Modern Science / Ed. by C.T.Wolfe and O.Gal. – Dordrecht; Heidelberg; London; N.Y.: Springer, 2010. P. 102.

¹²⁸ Это не означало, что Шефтсбери являлся хотя бы в каком-то самом условном смысле естествоиспытателем. Одним из принципов Лондонского королевского общества было привлечение к своей деятельности представителей власти и влиятельных и богатых людей. В обзоре книги Спрата, напечатанной в очередном выпуске «Философских транзакций», Генри Ольденбург отмечал, что в состав Общества входят «три величайших государя Европы», два архиепископа, четыре епископа, 29 герцогов, маркизов, графов, виконтов и баронов, 35 рыцарей, а также... 14 докторов и бакалавров. См.: Hunter M. Latitudinarians and the “Ideology” of the Early Royal Society: Thomas Sprat’s “History of the Royal Society” (1667) Reconsidered // Philosophy, Science, and Religion in England 1640–1700 /Ed. by R. Kroll, R. Ashcraft, P.Zagorin. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 202.

¹²⁹ The Correspondence of John Locke. Vol. I / Ed. by E.S. de Beer. – Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 300.

¹³⁰ В конце 1640-х – начале 1650-х гг. Уорсли стал постоянным покупателем продукции Иоганна Визеля – конструктора телескопов из Аугсбурга. В Англии телескопы Визеля вызвали интерес, в частности, со стороны ценителя науки Пола Нила и «кембриджского платоника» Генри Мора. См.: Leng T. Benjamin Worsley (1618–1677): Trade, Interest and the Spirit in Revolutionary England. – Woodbridge: A Royal Historical Society, 2008. P. 41.

бые болезнетворные частицы, переносимые по воздуху). Эту задачу Бойль поставил перед Локком летом 1666 г. Помимо Локка и самого Бойля этой задачей занимались Кристофер Рен и Роберт Гук, а в начале 1690-х гг. Чарлз Гудолл¹³¹.

Одним из близких знакомых и учителей Локка после его переезда в Лондон стал Томас Сиденхем. Локк лично познакомился с ним благодаря своему другу Джону Мейплтофту в 1668 г., но еще в 1666 г. прочитал труд Сиденхема «Метод лечения лихорадок, построенный на основе собственных наблюдений» – краткое практическое руководство, содержащее помимо процедур лечения заболеваний с высокой температурой (в частности, оспы) критику теории ферментов¹³². Второе издание этого руководства в 1668 г., включавшее новую главу о чуме и предлагавшее в качестве метода лечения флеботомию, было подготовлено уже при участии Локка. Третье издание, вышедшее в 1676 г. и в два раза превышавшее по объему второе, было переработано настолько серьезно, что получило новое название – «Медицинские наблюдения, касающиеся истории и лечения остро протекающих заболеваний» («*Observationes medicae circa morborum acutorum historiam et curationem*»).

Влияние Сиденхема, считавшего, что медик должен ориентироваться в своих методах не на теорию, а на практику лечения¹³³, привело к тому, что Локк, по сути, забросил свои занятия и ятрохимией, и физиологией дыхания¹³⁴. Однако это произошло не сразу, и еще в ноябре 1667 г. Локк писал Бойлю: обязанности в Эксетер-Хаусе «не позволяют мне проводить дальнейшие химические эксперименты, хотя в пальцах все еще ощущается рабочий зуд»¹³⁵.

Под руководством Сиденхема Локк написал два оставшихся неопубликованными трактата: «*Anatomia*» (1668) «*De Arte Medica*» (1669) (впрочем, иногда их автором называют не Локка, а Сиденхема, а иногда они считаются плодами их совместного труда¹³⁶). Локку, по-видимому, принадлежит предисловие к трактату Сиденхема «Медицинские наблюдения» («*Observationes medicae*», 1676)¹³⁷, не говоря уже о том, что он оказал Сиденхему помощь в подготовке этого труда и объединении в единое целое множества записанных ранее фрагментов.

В «*Anatomia*» Локк осудил применение «анатомических» исследований в медицине, заявив, что выводимые из них заключения являются всего лишь догадками и поводом для нескончаемых дискуссий. Влияние Сиденхема привело также к тому, что Локк полностью отказался от теории ван Гельмонта и гельмонтианской медицины. Ни в одном из набросков будущего «Опыта о человеческом понимании», сделанных в 1671 г., ни разу не упоминаются ферменты или «*archei*», нет их и в самом «Опыте», вышедшем в 1690 г. И лишь в поздней

¹³¹ См.: *Dewhurst K. John Locke, Physician and Philosopher: A Medical Biography.* – London: The Wellcome Historical Medical Library, 1963. P. 18–19; *Anstey P.R. Locke, Bacon and Natural History // Early Science and Medicine.* 2002. Vol. 7. No. 1. P. 77.

¹³² *Sydenham T. Methodus curandi febres, propriis observationibus superstructura.* – London, 1666. Издания 1666 и 1668 гг. посвящены Бойлю, однако обязаны высказанными в них идеями скорее Томасу Уиллису, вторая часть труда которого «*Diatribae duae*» разбирает вопрос о лихорадках. См.: *Anstey P. and Burrows J. John Locke, Thomas Sydenham, and the Authorship of Two Medical Essays // Electronic British Library Journal.* 2009. Article 3. P. 19.

¹³³ Сиденхему принадлежит часто цитируемое историками медицины высказывание: «Медицину следует изучать не в университете. <...> В Оксфорд с тем же успехом можно было бы послать для изучения сапожного дела». Или еще: «Анатомия, ботаника – чужь! Сэр, я знаю старуху в Ковент-Гарден, которая разбирается в ботанике лучше всех; что до анатомии, то мой мясник может рассечь сустав не хуже [хирурга]». Цит. по: *Meynell G. G. John Locke and the Preface to Thomas Sydenham's "Observationes medicae" // Medical History.* 2006. Vol. 50. No. 1. P. 94.

¹³⁴ *Walmsley J. John Locke on Respiration // Medical History.* 2007. Vol. 51. No. 4. p. 474.

¹³⁵ *The Correspondence of John Locke. Vol. I / Ed. by E.S. de Beer.* – Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 315.

¹³⁶ См.: *Anstey P. and Burrows J. John Locke, Thomas Sydenham, and the Authorship of Two Medical Essays // Electronic British Library Journal.* 2009. Article 3.

¹³⁷ *Sydenham Th. Observationes medicae circa morborum acutorum historiam et curationem.* – London, 1676. См.: *Meynell G. G. John Locke and the Preface to Thomas Sydenham's "Observationes medicae" // Medical History.* 2006. Vol. 50. No. 1.

работе «Начала натуральной философии» он написал, по форме следуя ван Гельмонту, что «все камни, металлы и минералы на самом деле – овощи, организмы, растущие, как и растения, из подходящих семян»¹³⁸. Впрочем, у Локка это, по мнению Дж. Милтона, скорее метафора, чем свидетельство некоего тайного гельмонтианства.

По мнению того же Дж. Милтона, «не похоже... что влияние Сиденхема укрепило Локка в механицизме: более вероятно, что это произошло во время его пребывания во Франции. <...> Механическая философия, хотя и не столь достоверная, как считали картезианцы, давала хоть какой-то разумный способ объяснения природных явлений. Во всяком случае, это была точка зрения, которую он был готов публично признать в „Опыте“; если он и сохранил какую-то остаточную склонность к гельмонтианской альтернативе, то держал ее при себе»¹³⁹. Правда, в последних работах Питера Анстея предлагается рассмотреть возможность более тесной связи гельмонтианства и «Опыта о человеческом понимании», органического корпускуляризма ван Гельмонта и критики механицизма Локком.

На взгляд Джонатана Уолмсли¹⁴⁰, влияние Сиденхема сыграло решающую роль в формировании взглядов Локка. Благодаря Сиденхему Локк смог избавиться и от гельмонтианства, и от механицизма как от надуманных спекуляций, не имеющих ничего общего с практическим опытом. Сиденхем сыграл важнейшую роль в становлении взгляда на опыт, отличающегося от представлений Бойля и всей группы химиков, физиков, фармацевтов и других людей, находившихся в то время в авангарде научных исследований.

Понятие «опыта» у Локка привязано не к «теориям» (фантазиям, гипотезам, законность которых он в дальнейшем принципиально отрицал) или «подтверждающим» экспериментам, а к практике. Опыт, по Локку, как бы встроен в совершенно другую картину мира, на первом месте в которой находится взаимодействие с окружающей человека реальностью, а не созерцательное и в то же время *спекулятивное* (в негативном смысле, который этот термин приобрел в английской философии XVII в.) восприятие натурфилософа. У Локка мир натуральной философии уступает место миру натуральной истории¹⁴¹.

В этом плане важная для понимания генезиса конструкции «первичные – вторичные идеи/качества» статья Джонатана Уолмсли, рассматривающая развитие «механизма/ механицизма» в трех последовательных вариантах «Опыта о человеческом понимании» (А, В и С; 1671, 1672 и 1685 гг.), остается в рамках подхода, не учитывающего закрепление Локка на позициях бэконинской программы. Правда, бэконинство Локка особого сорта: он противопоставляет натурфилософии не сбор и коллекционирование фактов с последующим выдвижением правдоподобных гипотез (программа Лондонского королевского общества), но практический опыт, соотносимый с вероятностными (или, иначе, *conceivable* – мыслимыми) гипотезами.

Согласно Локку, сказать, что теория является осмысленной, не значит сказать, что она является истинной: осмысленность, или мыслимость, теории (*conceivability*) есть скорее императив, «теоретически должное». Таким образом, история развития локковского «механицизма» заключалась не в переходе Локка (окончательно – в «наброске С» 1685 г.) на позиции механицизма и корпускуляризма, аналогичные бойлевским и декартовским, а в углублении первоначальной позиции – критического анализа познавательных основа-

¹³⁸ The Works of John Locke. Vol. II. – London, 1824. P– 430.

¹³⁹ Milton J.R. Locke, Medicine and the Mechanical Philosophy // British Journal for the History of Philosophy 2001. Vol. 9. No. 2. P. 243.

¹⁴⁰ См.: Walmsley J. Sydenham and the Development of Locke's Natural Philosophy // British Journal for the History of Philosophy. 2008. Vol. 16. No. 1.

¹⁴¹ См.: Walmsley J. The Development of Locke's Mechanism in the Drafts of the Essay // British Journal for the History of Philosophy. 2003. Vol. 11. No. 3. P. 417–449.

ний механистическо-корпускулярной экспериментальной натурфилософии с точки зрения медико-практического понимания опытного знания.

В рамках бэконской программы «Опыт о человеческом понимании» стал, в частности, критикой гипотетического метода натурфилософии с точки зрения медицинской клинической натуристории. Это не значит, что Локк является прямым последователем Бэкона, как, например, Я. А. Коменский, считавший индукцию общедоступным, хотя и трудоемким путем проникновения в тайны природы (при этом его пансофия ставила более общую задачу – проникновение в суть вообще всех вещей). Например, Питер Анстей доказывает, что бэконская программа реализовывалась в ряде произведений Бойля, применявшего метод натур-истории, тогда как «Опыт о человеческом понимании» не содержит ни одной отсылки к Бэкону. Впрочем, Локк вообще не любил ссылаться и часто не ссылался на чужие работы даже тогда, когда это было бы – с современной точки зрения – просто необходимо. В XVII в. было принято ссылаться на Библию и античных авторов.

В обзорной статье Дж. Милтона показывается, что Локк не использовал и даже не имел в виду в качестве референтной концепции бэконовский индуктивный метод¹⁴². Единственное место в «Опыте о человеческом понимании», где говорится об индукции, имеет явную критическую направленность: «Возможно, люди пытливые и наблюдательные и могут, с помощью силы *суждения*, проникнуть дальше, [основываясь] на вероятностях, взятых из осторожного наблюдения и намеков, основательно сопоставленных, и часто делают верные догадки о том, чего еще не открыл им опыт. Но это все же лишь гадание, равное мнению и не имеющее той *достоверности*, которая необходима для знания»¹⁴³. Заметим, что для Локка «суждение» противостоит «знанию» и является особой способностью ума – «предполагать, какими являются вещи» (*presuming things to be so*) на основании вероятностных, но недостаточных, неокончательных свидетельств.

«Получение и улучшение нашего знания о субстанциях исключительно с помощью опыта и истории есть все, чего могут достичь наши слабые способности в состоянии *посредственности*, в котором мы пребываем в этом мире», а «гипотезы натурфилософии» в лучшем случае представляют собой сомнительные догадки, «каковыми являются по большей части (я едва не сказал все) *гипотезы* в натурфилософии»¹⁴⁴. Например, «наблюдая, что простое трение двух тел друг о друга с приложением неистовой силы производит тепло, а очень часто даже огонь, мы имеем основание думать, что то, что мы называем „тепло“ и „огонь“, состоит в сильной ажитации невоспринимаемых мелких частей горящего вещества...»¹⁴⁵. Второй пример: «Наблюдая, говорю я, такие постепенные и плавные нисхождения в тех частях Творения, которые ниже человека, правило аналогии может сделать вероятным, что то же и в вещах выше нас и нашего наблюдения, и что есть несколько чинов интеллектуальных существ, превосходящих нас на несколько порядков совершенства»¹⁴⁶.

Можно даже сказать, что знаменитый принцип исследования «человеческого понимания» Локком, а именно «исторический, простой метод», есть наблюдающий, осторожный и делающий выводы исключительно *по аналогии* способ изучения ума, который рекомендует ставить диагноз и наблюдать за течением болезни, ориентируясь не на определение причин, а на симптомы, признаки, проявления, и делать это, находясь, говоря языком Сиденхема, «у постели больного» и имея в виду больного, а не общее устройство вселенной. Аналогия

¹⁴² См.: *Anstey P.R. Locke, Bacon and Natural History // Early Science and Medicine. 2002. Vol. 7. No. 1. P. 65–92; Milton J.R. Induction before Hume // The British Journal for the Philosophy of Science. 1987. Vol. 38. No. 1. P. 61.*

¹⁴³ *Locke J. An Essay Concerning Human Understanding / Ed. by P. H.Nidditch. – Oxford: Clarendon Press, 1979. P. 588.*

¹⁴⁴ *Ibid. P. 645, 648.*

¹⁴⁵ *Locke J. An Essay Concerning Human Understanding. P. 665–666.*

¹⁴⁶ *Ibid. P. 666.*

может приводить к гипотезе (в отрицательном, спекулятивном смысле), но она должна, по Локку, оставаться в пределах (compass) опыта, чтобы быть полезной для человека¹⁴⁷.

В этом случае чем больше врач (или ученый, или любой человек, занимающийся «пониманием» чего бы то ни было) накапливает описаний разного рода клинических случаев, в том числе и ранее им (или другими учеными) не встречавшихся, тем более «вероятной» становится диагностически верная аналогия. Таким образом, речь идет не об индукции, а о накоплении опыта, само количество которого делает его потенциально все более мощным орудием в аналогической логике вероятностных суждений. В отличие от Бэкона, считавшего накопление опыта «предварительным» этапом в развитии экспериментального метода естествознания, Локк полагал наблюдение, обращение к уже накопленному опыту наблюдений и аналогические выводы единственными и фундаментальными инструментами формулирования полезных для человеческой жизни (неспекулятивных) гипотез.

Это был важнейший поворот в интеллектуальной биографии Локка, определивший все его дальнейшее мышление. Главный его труд «Опыт о человеческом понимании» – не панегирик механицизму, а его *критическое* изложение. Вся вторая книга этого главного произведения Локка, посвященная «идеям», есть критика *спекулятивной* гипотезы о наличии в человеческом интеллекте врожденных идей, из которых дедуцируются все возможные истины. По логике Локка, если есть возможность показать генезис идей из опыта, то нет необходимости и, более того, не может быть логического оправдания для предположения о существовании врожденных идей¹⁴⁸. Но даже «идеи», по Локку, не вполне выражают опытный характер знания. Третья книга «Опыта» посвящена языку, этой параллельной, а может быть, и совпадающей с «идеями» реальности и предмету особой науки, которую Локк назвал семиотикой¹⁴⁹. Наконец, четвертая книга «Опыта о человеческом понимании» – рассуждение о знании и вере в контексте ключевого для Локка представления об ограниченности человеческого интеллекта и о необходимости своего рода интеллектуального смирения, самоконтроля, отказа от выхода за пределы, границы того, что дано человеку Богом или, точнее, чем ему следует довольствоваться после грехопадения.

«Опыт о человеческом понимании» – попытка обсуждения современных Локку идей о восстановлении совершенного знания и первоначального языка – языка Бога, на котором написана книга природы, в том смысле, что сама природа является языком, знаком, следами промысла Божьего; Адам до грехопадения правильно назвал вещи, соответственно их сути, а после грехопадения этот язык и понимание были утрачены. В конечном счете «Опыт» – это обсуждение возможности возвращения человека к состоянию до грехопадения, обретения счастливой жизни в новом Эдеме.

Все эти идеи обсуждались и в «круге Гартлиба», который рассматривал и «пансофию», и алхимию как программы возвращения самого Творения в его первоначальный статус «чистого листа», когда земля была «бесформенна и пуста». Этот лист был исписан Словом,

¹⁴⁷ См. также: *Yost R. M. Locke's Rejection of Hypotheses About Sub-Microscopic Events // Journal of the History of Ideas. 1951. Vol. 12. No. 1; Yolton J. Locke and the Compass of Human Understanding: A Selective Commentary on the "Essay". — Cambridge: Cambridge University Press, 1970; Romanell P. John Locke and Medicine: A New Key to Locke. — N.Y.: Prometheus Books, 1984; Anstey P. R. Locke on Method in Natural Philosophy // The Philosophy of John Locke. New Perspectives / Ed. by P. R. Anstey. — London – N.Y.: Routledge, 2003. Противоположная и доминирующая точка зрения, делающая из Локка выразителя научного мировоззрения своего времени, продолжателя дела Бойля и Ньютона, изложена в классической статье Лоренса Лаудана: *Laudan L. The Nature and Sources of Locke's Views on Hypotheses // Journal of the History of Ideas. 1967. Vol. 28. No. 2.**

¹⁴⁸ См.: *Locke J. An Essay concerning Human Understanding / Ed. by P. H. Niddich. — Oxford: Clarendon Press, 1979. P. 48.*

¹⁴⁹ Патрик Романелл замечает, что греческий термин «*semeiotike*», заменивший для Локка термин «логика», возможно, был взят из галеновской традиции, где «*semeiotic*» означала симптоматологию – науку о признаках или симптомах болезней, а локковская логика (учение о знаках) была аналогична диагностике – в данном случае диагностике болезней ума. См.: *Romanell P. John Locke and Medicine: A New Key to Locke. — N.Y.: Prometheus Books, 1984. P. 143. Об основаниях герменевтики Локка в «Опыте» см.: Moore J. T. Locke's Analysis of Language and the Assent to Scripture // Journal of the History of Ideas. 1976. Vol. 37. No. 4.*

«которое было в Начале, и которое было с Богом, и которое было Богом», но текст впоследствии оказался испорчен грехом. «Подобно тому как коменианское образование могло формировать неиспорченные умы детей в благочестии и подобно тому, как миссионеры могли строить новый Иерусалим на неоскверненной земле Нового Мира, алхимики переписывали Творение, чтобы оно лучше соответствовало первоначальному божественному намерению. <...> Они верили, что Бог предназначил их к тому, чтобы это делать»¹⁵⁰.

Но только – спрашивает Локк – способен ли человек (а алхимик и пансофист являются людьми), будучи существом ограниченным, в отличие, например, от ангела¹⁵¹, к таким делам? Или он должен, понимая свою ограниченность и слабость, довольствоваться полнотой предоставленного ему Богом удела, опираясь на выраженное в Священном Писании откровение? В «Опыте о человеческом понимании» эта тема звучит вполне ясно¹⁵², а ближе к концу жизни Локка получает развернутое изложение в «Парафразе и примечаниях к посланиям св. Павла» (1706).

Сиденхем ввел Локка в мир профессиональной медицинской практики. Период с 1667 по 1671 г. (особенно 1668 г.) наполнен врачебной деятельностью, по своей интенсивности, не сравнимой с другими этапами в жизни Локка. Тесные контакты Локка с Сиденхемом прекратились лишь в 1671 г., когда Локк начал испытывать дефицит времени из-за своих административных обязанностей на службе у Шефтсбери. Это не означало полного отказа от интеллектуальных занятий: в 1671 г. Локк начал работу над будущим «Опытом о человеческом понимании», которая продолжалась до осени 1672 г. Однако затем, вплоть до конца 1674 г. (т. е. почти два года), он отдавал практически все время административной работе, лишь косвенно связанной с деятельностью научного и медицинского сообщества.

Впрочем, в его новые обязанности входила переписка с британскими подданными, живущими за рубежом, от которых он получал массу новой информации. Локк просил своих корреспондентов не только сообщать обо всем новом, но и присылать образцы растений, лекарства, разного рода редкости, которые он отправлял далее своим друзьям в Лондоне и Оксфорде.

На протяжении всей жизни Локк жадно покупал и читал книги, в которых описывались путешествия в экзотические страны, интересовался жизнью, обычаями и верованиями диких племен всего мира, Индией, Китаем и Америкой. В его архиве – тщательно подобранный гербарий¹⁵³. Чтение таких книг и составление их рефератов являлись уставными обязанностями всех членов Лондонского королевского общества, а особенно имевшегося в его

¹⁵⁰ Young J. T. Faith, Medical Alchemy and Natural Philosophy: Johann Moriaen, Reformed Intelligencer, and the Hartlib Circle. – Farnham: Ashgate Publishing, 1998. P. 174.

¹⁵¹ Локк, разумеется, знал об идеях математика и придворного конца XVI в. Джона Ди, опубликованных в 1659 г. (*Dee J. A True Sc Faithful Relation of What Passed for Many Years Between Dr. John Dee... and Some Spirits*. Ed. Meric Casaubon. – London, 1659), а именно о том, что Бога можно и даже желательно просить о помощи, которая будет оказана через ангелов, Его служителей в природном мире и «духоводителей». В частности, Ди говорил о «*medicina dei*», которая, как обещали ему ангелы, когда он беседовал с ними с помощью «гадателей» и «через кристалл», излечит природный мир от болезней и несовершенств. О притягательности идей Ди можно судить по тому, что какое-то время ими увлекались многие естествоиспытатели того времени. Бойль, например, верил, что связь натурфилософа с высшими уровнями космоса может помочь в нахождении философского камня, и несколько раз пытался провести опыты, направленные на установление связи с ангелами и обретение «ангельского патрона». С другой стороны, Гук полагал, что Ди был всего лишь шпионом на службе у королевы Елизаветы, а его «разговоры с ангелами» являлись просто зашифрованными донесениями. См.: *Harkness D. E. Alchemy and Eschatology: Exploring the Connections Between John Dee and Isaac Newton // Newton and Religion. Context, Nature, and Influence* / Ed. by J. Force and R. Popkin. – Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 1999.

¹⁵² См.: *Locke J. An Essay concerning Human Understanding* / Ed. by P. H. Nidditch. – Oxford: Clarendon Press, 1975. P. 302–303.

¹⁵³ См.: *Gough J. John Locke's Herbarium // A Locke Miscellany: Locke Biography and Criticism for All* / Ed. by Jean S. Yolron. – Bristol: Thoemmes Antiquarian Books, 1990.

рамках специального комитета по переписке, который прямо обязывал своих членов изучать труды о путешествиях и обнаруженных новых растениях, животных, минералах и т. п.¹⁵⁴

В конце XVII – начале XVIII в. одним из крупнейших коллекционеров образцов флоры был ирландский врач, натуралист и впоследствии основатель Британского музея (открылся для публики в 1759 г.) и президент Лондонского королевского общества (после смерти Ньютона) сэръ Ганс Слоун (член Лондонского королевского общества с 1685 г.), коллекции которого на момент его смерти содержали 71 тысячу единиц. Гигантская коллекция была собрана отцом и сыном Традескантами. Джон Традескант был садовником у Карла I и собрал, не выезжая из Англии, огромное число образцов растений. Его сын Джон Традескант-младший продолжил дело отца, однако занимался коллекционированием растений, отправляясь в экспедиции в Новый Свет. Коллекции Традескантов легли в основу Ашмолеанского музея в Оксфорде, названного в честь построившего его члена Лондонского королевского общества с 1661 г. Элиаса Ашмола. Музей был открыт в 1683 г. герцогом Йоркским, членом Лондонского королевского общества с 1665 г.

В доме Шефтсбери Локк прожил восемь лет (с мая 1667 по ноябрь 1675 г.), и за это время известно лишь о двух случаях его пребывания в Оксфорде – в сентябре 1671 г. и в феврале 1675 г. Об этом периоде и о том, каковы были его обязанности, мы знаем мало, поскольку он начал вести дневник лишь в 1675 г., когда отправился во Францию, тем не менее известно, что летом 1669 г. ему было поручено вести предварительные переговоры о женитьбе сына лорда Ашли, будущего второго графа Шефтсбери, на леди Дороти Маннерс, дочери графа Ратленда, а в 1671 г. он принял роды у Дороти Ашли Купер, подарившей миру будущего третьего графа Шефтсбери. По мнению Дж. Милтона, в период с 1672 по 1675 г. его можно было бы назвать главным секретарем Шефтсбери, однако сам Локк отрицал, что когда-либо занимал такую должность в «домохозяйстве», заявляя, что был скорее одним из «домашних» (domestic) и выполнял множество поручений, иногда мелких, а иногда важных. Среди них, безусловно, покупка книг для библиотеки патрона, составление разного рода меморандумов.

Локк оказывал разного рода услуги не только своему патрону, но и дому Нортумберлендов: весной 1671 г. он сопровождал леди Нортумберленд в поездке во Францию. Он был также в курсе дел лорда Холлиса, графа Солсбери и герцога Бекингема. Впрочем, что касается Нортумберлендов, возможно, дело было в том, что в их доме работал в качестве наставника и врача его друг по Вестминстерской школе Джон Мейплтофт, переводчик Сиденхема на латинский язык и его ученик (член Лондонского королевского общества с 1676 г. и, по видимому, родственник Томаса Фирмина). Помимо Мейплтофта в этом доме жила дальняя родственница Локка г-жа Маргарет Бломер – жена графского капеллана Томаса Бломера и компаньонка леди Нортумберленд.

В 1675 г., после того как новый глава правительства граф Данби предложил свой билль о проверке, вызвавший жаркие дебаты в парламенте с последующим перерывом в его работе,

¹⁵⁴ С точки зрения натурфилософов (в частности, Бойля), растения занимали в этих поисках особое место по очевидной причине: «Ботаники уже давно обнаружили около бооо представителей растительного царства и теперь... открывают многочисленные другие ранее не описанные растения; о главном из которых, я надеюсь, мир скоро узнает» (*Boyle R. Some Considerations touching the usefulness of Experimental Natural Philosophy. The Second Tome, Containing the Later Section of the Second Part.* – London, 1671. Цит. no: *Irving S. Natural Science and the Origins of the British Empire.* – London: Pickering & Chatto, 2008. P. 74). Среди уже сделанных натурфилософами великих открытий Бойль выделял обнаружение магнетита и последующее создание компаса, а также изобретение пороха, значительно повлиявшее на развитие военного искусства. «Полезность» для гартлибианцев, а также для Лондонского королевского общества неизменно включала наряду с применением знаний в различных отраслях деятельности и военные «приложения», а в целом означала восстановление господства над всей природой и всеми земными существами как предназначенным для человека Божьим творением. Главным двигателем в этом провиденциальном универсальном процессе реформации, по Бойлю, были реформированные натурфилософы – «христианские виртуозы», опиравшиеся в своих знаниях на достоверные источники и «людей вдохновения». См.: *Ibid.* P. 75–78.

Шефтсбери удалился в родовое поместье в Дорсете, возможно взяв с собой и Локка. Вернувшись в октябре, Шефтсбери привез с собой «Письмо знатного лица», опубликованное в начале ноября 1675 г.

Спустя несколько дней после выхода в свет «Письма» Локк отбыл во Францию. Еще в феврале 1675 г. он получил желанную степень бакалавра медицины и лицензию на занятие медицинской практикой и был немедленно зачислен «студентом» медицины по «ирландской» квоте (не благодаря ли Бойлю?), что давало ему официальное право оставаться в Оксфордском университете даже в случае отзыва королевской диспенсации. Его отъезд не был связан с тем, что он опасался за свою жизнь, а стал осуществлением давнего плана.

В любом случае не сохранилось никаких следов, свидетельствующих о том, что Локк, находясь в Дорсете, занимался составлением «Письма знатного лица». Это всего лишь предположение в развитие старой гипотезы Де Мезо и Коллинза, повторенное теми историками, которые считали, что принадлежность к государственной службе и политическое влияние возвышают философа или ученого в глазах читающей публики и являются дополнительным доказательством значения его философских или научных взглядов. Вполне возможно, что в Дорсете он находился даже не в поместье Шефтсбери, а в доме Роберта Бойля. Косвенным подтверждением того, что поездка Локка во Францию не была бегством от неприятностей, служит то, что он отправился на корабле вместе с Джоном Беркли, одним из лордов – собственников Каролины, а теперь посланником короля в Париже.

Находясь во Франции, Локк переписывался со стюардом дома Шефтсбери Томасом Стрингером, и в его письмах не было ровным счетом никакой политики. Графиня Шефтсбери питала большой интерес к садам, и в течение всей своей долгой французской поездки Локк регулярно присылал в Лондон черенки и отводки, которые находили свое место в родовом поместье Шефтсбери, а также собирал информацию о различных плодах – винограде, персиках, оливках и фигах. Но не исключено, что этот интерес Шефтсбери и Локка был связан и с Каролиной.

Прибыв во Францию, Локк почти полтора года жил в Монпелье, на юге страны, в одном из центров европейской медицинской и научной мысли, а также месте расположения одного из шести крупнейших ботанических садов Европы (наряду с Падуей, Лейденом, Оксфордом, Парижем и Упсалой) – этих попыток воссоздать Эдем. Затем он оказался в Париже. Откликнувшись на просьбу богатого торговца из Ост-Индской компании и одновременно члена Лондонского королевского общества сэра Джона Бэнкса, Локк согласился сопроводить его восемнадцатилетнего сына Калеба в так называемом Grand Tour – необходимом для образования английского джентльмена долгом путешествии по европейским странам, целью которого было расширение кругозора. Локк воспользовался возможностью попутешествовать и в каждом из городов, которые они посещали (Орлеан, Ларошель, Тулуза, Бордо и многие другие), заводил знакомства с врачами и учеными. К сожалению, из-за тревоги, которую родители Калеба испытывали за своего единственного сына, «Grand Tour» сократился до «Little Tour».

В Монпелье и Париже Локк познакомился с медиками и учеными, такими как Шарль Барбейрак (учитель Сиденхема) и Пьер Маньоль, и множеством других интересных людей. Среди новых парижских знакомых были библиотекарь и «королевский секретарь» Анри Жюстель, устраивавший еженедельные салоны (член Лондонского королевского общества с 1681 г.), доктор медицины, голландский физик, астроном и естествоиспытатель Христиан Гюйгенс (член Лондонского королевского общества с 1663 г.), путешественник-ориенталист и гассендист Франсуа Бернье (автор имевшегося в библиотеке Локка «сокращенного» изложения идей Гассенди в восьми томах под названием «Abrege de la Philosophic de Gassendi», Lyons, 1678), известный врач Пьер Режис.

С одним из новых знакомых, посетителем салона Жюстеля Николасом Тойнардом Локк долгие годы поддерживал переписку, в которой они обсуждали вопросы астрономии, микроскопии, гигрометрии, фонетики и древней хронологии. Одним из «полезных» изобретений Тойнарда была пушка, заряжавшаяся с казенной части. Кроме того, через Тойнарда Локку поступала самая разнообразная информация от других медиков и ученых. В круг Тойнарда входил Джон Брисбейн из английского посольства, в 1680 г. ставший секретарем адмиралтейства. Среди новых знакомых были также математики и астрономы аббат Жан Пикар и Олаф Рёмер. В Париже Локк жил у аптекаря и автора фармакологических трудов и знатока ядов Моиза Шараса (Moise Charas) (вскоре ставшего аптекарем Карла II), а затем у гассендиста Жюль де Лонэ.

Локк познакомился с янсенистской литературой, в 1676 г. перевел три эссе Пьера Николя из его «*Essais de Morale*» (1671)¹⁵⁵, которые позднее презентовал графине Шефтсбери. Освоив французский язык, Локк прочитал трактат Николя Мальбранша «*De la Recherche de la Verite*» (1674–1676)¹⁵⁶. Об интересе Локка к Мальбраншу свидетельствует то, что в его библиотеке было не одно, а несколько изданий «*De la Recherche...*». Во Франции Локк продолжил прерванную работу над будущим «Опыт о человеческом понимании», взяв с собой в путешествие первые его наброски в отдельной папке под названием «*Essay de Intellectu*».

Однако большую часть времени Локк продолжал посвящать медицине, посещал лекции известных врачей, изучал новые рецепты и лекарственные препараты, наконец, занимался врачебной практикой. В Монпелье его пациентами стали коллекционер Уильям Чарлтон и сэр Джон Чичелей, а в Париже – Томас Герберт, позднее восьмой граф Пемброк, страдавший лихорадкой и крайне болезненным орхитом. В записных книжках Локка того времени – описания всего, что он увидел во Франции, от сельского хозяйства и промышленности до устройства французской армии, в деталях, касающихся обмундирования и жалования военнослужащих, а также административного устройства различных французских провинций¹⁵⁷.

Локк вернулся в Лондон в конце апреля 1679 г. вместе с Олафом Рёмером, которого сразу же представил Бойлю и королевскому астроному Джону Флемстиду (члену Лондонского королевского общества с 1677 г.). Его возвращение произошло вскоре после падения графа Данби и назначения Шефтсбери на пост лорда-председателя Тайного совета, однако не сохранилось никаких данных о том, что в то время он выполнял какие-либо политические поручения своего патрона, поскольку еще в 1676 г. Шефтсбери взял себе нового секретаря. Единственное упоминание о новых поручениях касается внука Шефтсбери, будущего третьего графа, задача воспитания которого, как в свое время и воспитание второго графа, была возложена на Локка.

Врачебный долг вынудил Локка отправиться в Кент к заболевшему малярией Калебу Бэнксу, а по возвращении в октябре в Лондон он начал лечение родственника Дэвида Томаса капитана Гринхилла. В Лондоне Локк время от времени встречался с Бойлем и Сиденхемом (который теперь выполнял обязанности личного врача Шефтсбери), продолжал, через Тойнарда, переписку с французскими медиками, обмениваясь последней информацией о мето-

¹⁵⁵ «О существовании Бога», «О слабости человека» и «О пути сохранения мира». По мнению Дж. Маршалла, взгляды Пьера Николя, сочетавшего представление о человеке как глубоко греховном существе с критикой предопределения и утверждением свободы воли и необходимостью объединения человеческих усилий с божественной благодатью, были близки арминианству. См.: *Marshall J. Locke and Latitudinarian-ism // Philosophy, Science, and Religion in England 1640–1700 / Ed. by R. Kroll, R. Ashcraft, P. Zagorin. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 271.*

¹⁵⁶ [*Malebranche N. De la Recherche de la Verite. Ou Ton traite de la Nature de l'esprit de l'homme, Sc de l'usage qu'il en doit faire pour eviter l'erreur dans les Sciences. – Paris, 1674–1678.*]

¹⁵⁷ См.: *Locke's Travels in France, 1675–1679: As related in his Journals, Correspondence Sc other papers / Ed. by J. Lough. – Cambridge: Cambridge University Press, 1953.* Это издание является примером записи «полезной» информации.

дах лечения различных болезней, особенно с помощью хинина, который также называли перуанской корой, индейской корой и иезуитской корой. В Оксфорде он передал семена около двадцати растений из Монпелье смотрителю Ботанического сада Якобу Боберту, получив взамен семена для Ботанического сада в Париже, которые отослал Тойнарду.

Дописав трактат об оливках и винограде, Локк до конца апреля 1680 г. занимался опытами в лаборатории Дэвида Томаса в Солсбери, затем вернулся в Оксфорд, после чего провёл пару недель в поместье Джеймса Тиррела, жену которого он лечил от лихорадки, детей – от кори, а ребенка одного из слуг пытался спасти от смерти после укуса бешеной собаки.

Иногда Локка привлекали для выполнения разного рода заданий, все же имевших отношение к политике: в 1681 г. он участвовал (как известно, крайне неохотно и будучи больным) в организации сессии Оксфордского парламента, обеспечив Шефтсбери и его окружению место для временного проживания в доме Уоллиса, а после ареста графа в какой-то момент побывал в Тауэре, куда его вызвали для медицинской консультации по поводу ухудшившегося состояния здоровья патрона, страдавшего в тюрьме лихорадкой.

Когда в сентябре 1683 г. Локк отправился в Нидерланды, его встретили там не как члена «семьи» Шефтсбери, а прежде всего как коллегу-врача, натурфилософа и преподавателя из Оксфорда, важного человека из окружения Роберта Бойля. Его обширные связи в мире политики имели значение лишь во вторую очередь, хотя поначалу свою роль играло и то, что Локк как бы представлял одновременно и верхушку англиканской церкви, будучи человеком Джона Фелла. Об истинном положении Локка стало известно лишь после того, как он был исключен из колледжа Крайст-Чёрч. Фелл попытался положить это распоряжение королевской канцелярии в долгий ящик, однако в конце концов должен был выполнить приказ короля. Таким образом, можно сделать вывод, что еще в 1684 г. Локк сохранял дружеские отношения с одним из главных идеологов так называемых тори-англикан. Можно даже предположить, что исключение Локка было предупреждением Феллу и его окружению, которые, вероятно, уже в то время начали игру против выходящего из англиканской орбиты католического дома Стюартов. Еще одним выводом может быть то, что появление Локка на континенте было вовсе не бегством, а служило некоей заранее спланированной миссии, возможно, как-то связанной с Бранденбургом. Но это всего лишь догадки. В начале 1685 г. умер Карл II, в 1686 г. скончался Фелл, до конца жизни сожалевавший об исключении своего «студента», к которому он испытывал чувство глубокого уважения.

Доктор Петер Генелон, с которым Локк познакомился еще в Париже, представил его другим амстердамским врачам. Все указывало на то, что зиму 1683/84 года Локк проведет в доме Генелона, изучая новейшие медицинские трактаты в тепле, у очага, который голландцы топили торфом, а не дымным углем, как англичане. В январе Генелон пригласил его попристутствовать на вскрытии львицы, замерзшей от холода в зоопарке. Во время этого события, собравшего множество местных врачей, Локк познакомился с ученым-любителем и профессором теологии Филиппом ван Лимборхом, о котором более подробно будет рассказано в следующей главе. В то время большую популярность в Амстердаме получили анатомические театры, которые в свою первую голландскую зиму Локк часто посещал вместе с друзьями-медиками из неофициальной медицинской «коллегии».

Весной Локк отправился в короткий тур по Голландии, посетив университет во Франекере, затем побывал в Леевардене, Гронингене, Девентере (где через Каспара Сибелиуса познакомился с работой эпидемиолога д-ра И. Вепфера), Арнхеме, Нимвегене, Утрехте. В октябре он вернулся в Амстердам и начал посещать собрания «коллегии» (*Collegium Privatum Medicum*), основанной в 1664 г. близким к общине амстердамских сефардов Герардом Блазиусом (Блезом) и собиравшейся регулярно в домах своих участников. Самым знаменитым участником этой «коллегии» был Ян Сваммердам, присоединившийся к его работе в 1665 г. (ум. в 1680). Среди восьми участников, которых застал Локк, были Вин, Генелон,

Лимборх (единственный теолог), Питер Бернажи, Абрагам Киприанус (которого Локку удалось переманить в 1695 г. в Англию, где он стал членом Лондонского королевского общества в 1700 г.), Абрагам Кина, Мэтью Слейд (псевдоним— Теодерус Алдес, или Англус, в конце концов тоже перебравшийся в Англию, где через Локка был представлен английскому медицинскому истеблишменту). В Голландии именно Слейд рекомендовал Локка «коллегии».

На этом обследование голландского медицинского сообщества не закончилось. Вскоре Локк отправился в Лейден, где находилась знаменитая медицинская школа, и познакомился там с эпидемиологом Лукасом Шахтом, ятрохимиком Кристианом Марграфом, специалистом по восточным и тропическим растениям Полом Херманном, а также с молодым ирландским студентом Томасом Молинё, впоследствии очень известным врачом (членом Лондонского королевского общества с 1686 г.).

Получив сообщение о своем исключении из колледжа Крайст-Чёрч «за виггизм»¹⁵⁸, без какого-либо разбирательства, предполагавшего его возвращение в Англию¹⁵⁹, Локк, конечно, расстроился. Беспokoила его и судьба собранной библиотеки. Когда возникла угроза его личной безопасности – его включили в список разыскиваемых английским правительством мятежников, опасных и требующих наказания, – он воспользовался помощью новых друзей, и прежде всего д-ра Вина, в доме которого более года скрывался под именем д-ра Ван дер Линдена, выходя на воздух лишь по ночам. Впрочем, причина смены имени остается неясной, поскольку голландские власти хорошо знали, кто такой Локк и где он скрывается. Но, возможно, это было сделано, чтобы не быть выслеженным английскими агентами.

О медицинской практике не могло быть и речи, поэтому Локк вернулся к своим записям и черновикам под названием «De Intellectu» и в течение года, запертый в четырех стенах, занимался вопросами, ранее остававшимися на периферии его внимания. Благодаря преследованиям английского правительства и был создан знаменитый труд «Опыт о человеческом понимании»¹⁶⁰. С Локком произошла точно такая же история, что и с Френсисом Бэконом. Последний никогда не смог бы войти в историю в качестве мыслителя, не пав жертвой интриг герцога Бекингема и не лишившись всех регалий и должностей, что дало ему возможность сосредоточиться на создании программы «великого восстановления». Годы изгнания стали самыми продуктивными в его жизни.

¹⁵⁸ Подробно эта история описана Ф. Милтоном: *Milton Ph. John Locke's Expulsion from Christ Church in 1684 // Eighteenth-Century Thought. Vol. IV / Ed. by J. G. Buickerood. —N.Y.: AMS Press, 2009.*

¹⁵⁹ Локк собирался вернуться, чтобы ответить на обвинения, пока не понял, что речь идет не о судебном, а о политическом преследовании. В следующем году, по сообщениям английских агентов, его даже видели на корабле графа Аргайла, возглавлявшего экспедицию мятежников, а сам он, оказывается, не только осуществлял финансовую поддержку, но и был казначеем заговорщиков— Аргайла и Монмута. Агенты короля явно отработывали заказ. См.: *Woolhouse R. Locke: A Biography. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 208–211, 218–219.*

¹⁶⁰ В работе, посвященной контекстам политической мысли Локка, было бы неуместно подробно обсуждать это самое известное его произведение. Для тех, кто когда-нибудь решится разобраться в контекстах и смысле «Опыта о человеческом понимании», можно порекомендовать, в дополнение к цитируемым, следующие статьи и книги: *Buickerood J. G. The Natural History of the Understanding: Locke and the Rise of Facultative Logic in the Eighteenth Century // History and Philosophy of Logic. 1985. Vol. 6. No. 1; Downing L. Locke's Newtonianism and Lockean Newtonianism // Perspectives on Science. 1997. Vol. 5. No. 3; Schuurman P. Locke's Logic of Ideas in Context: Content and Structure // British Journal for the History of Philosophy 2001. Vol. 9. No. 3; McCann E. Locke's Theory of Substance under Attack! // Philosophical Studies. 2001. Vol. 106. No. 1/2; Yolton J. W. The Two Intellectual Worlds of John Locke: Man, Person, and Spirits in the Essay. — Ithaca Sc London: Cornell University Press, 2004; Rogers G. A. J. Locke, Plato and Platonism // Platonism at the Origins of Modernity: Studies on Platonism and Early Modern Philosophy / Ed. by D. Hedley and S. Hutton. — Dordrecht: Springer, 2008; Scharp K. Locke's Theory of Reflection // British Journal for the History of Philosophy. 2008. Vol. 16. No. 1; Schuurman P. Vision in God and Thinking Matter: Locke's Epistemological Agnosticism Used Against Malebranche and Stillingfleet // Studies on Locke: Sources, Contemporaries, and Legacy: in honour of G.A.J. Rogers / Ed. by S. Hutton and P. Schuurman. — Dordrecht: Springer, 2008; Hill J. Primary Qualities, Secondary Qualities and Locke's Impulse Principle // British Journal for the History of Philosophy. 2009. Vol. 17. No. 1; Allen K. Locke and the Nature of Ideas // Archiv für Geschichte der Philosophie. 2010. Vol. 92. No. 3; Shapiro L. Instrumental or Immersed Experience: Pleasure, Pain and Object Perception in Locke // The Body as Object and Instrument of Knowledge: Embodied Empiricism in Early Modern Science / Ed. by C.T. Wolfe and O. Gal. — Dordrecht; Heidelberg; London; N.Y.: Springer, 2010.*

Из подполья Локк вышел лишь в мае 1686 г., после чего продолжил сбор информации о лечении различных заболеваний, познакомившись с врачом голландской Ост-Индской компании и известным ботаником и ориенталистом д-ром Тен Райном Батавским и продолжив переписку с Тойнардом. После того как, несмотря на изъятие его имени из списка разыскиваемых лиц, местные власти попросили Локка покинуть Утрехт, где он продолжил работу над «Опытом», он вновь поселился в доме Вина, где и закончил свою книгу.

В начале 1687 г. Локк переехал в Роттердам, в дом Бенджамина Ферли, английского коммерсанта и квакера из Колчестера, давно жившего в Голландии, занимался лечением сына Ферли и перепиской с друзьями, в частности с Уильямом Чарлтоном по поводу его головной боли и головокружений, просил передать некие семена смотрителю Оксфордского ботанического сада Якобу Боберту-младшему, отвечал Дэвиду Томасу на вопросы, касающиеся его алхимических опытов, а также участвовал в семинаре не вполне медицинского характера, «попивая эль и обсуждая политику, философию и медицину»¹⁶¹. Об этом семинаре, его целях и участниках более подробно будет рассказано во второй главе.

В конечном счете все преследования прекратились, Локка вычеркнули из черного списка, и он смог возобновить свои поездки по голландским городам – отправился в Гаагу, Лейден, Гарлем и Делфт. В Делфте встретился с Антони ван Левенгуком (членом Лондонского королевского общества с 1680 г.), который продемонстрировал ему результаты своих исследований и возможности новейших микроскопов.

В январе 1688 г., когда в «Bibliothèque Universelle» появилось сокращенное изложение «Опыта», Локк переслал копии Пемброку, Бойлю, Томасу, протеже Сиденхема д-ру Чарлзу Гудоллу, д-ру Хаттону (в будущем главному врачу Вильгельма III и члену Лондонского королевского общества с 1697 г.) и Сиденхему. В том же 1688 г. в Голландию приехал Дэвид Томас, с которым Локк посетил медицинские школы в Лейдене, Утрехте и Амстердаме. В ноябре 1688 г., когда сын Лимборха заболел оспой, Локк направил своему другу рекомендации по лечению этого заболевания методом Сиденхема, и, к счастью, смертельного исхода удалось избежать.

Во время «славной революции» Локк благоразумно дождался ее политического исхода и перебрался на родину после того, как было принято решение о возложении английской короны на Вильгельма и Марию. Гудолл предложил устроить его по приезду в помещениях Королевской коллегии врачей. Багаж Локка, вернувшегося на одном корабле с леди Мордонт, состоял из шестнадцати сундуков, в тринадцати из которых были книги, и переносной плавающей печи. Дьюхерст заключает свое повествование о пребывании Локка в Голландии лаконичной фразой: «За эти пять лет ссылки он значительно расширил свои медицинские познания»¹⁶².

* * *

Даже краткое изложение биографий Шефтсбери и Локка вплоть до 1683 г. показывает гигантскую дистанцию, которая существовала между ними. Это были люди из разных миров. Прислушаемся к оценке знаменитого канадского врача и основателя современного медицинского образования Уильяма Ослера (получившего титул «канадского Гиппократы»): «Ни один представитель нашей профессии, ни в одну эпоху и ни в одной стране не внес такого большого вклада в философию и практическую политику, как д-р Локк»¹⁶³. Пусть это

¹⁶¹ Demhurst K. John Locke, Physician and Philosopher: A Medical Biography with an Edition of the Medical Notes in His Journals. – London: The Wellcome Historical Medical Library, 1963. P. 230.

¹⁶² Ibid. P. 235.

¹⁶³ Osier W. An Address on John Locke as a Physician //The Lancet. 1900, October 20. См. также: A Locke Miscellany: Locke

отчасти шутка, и все же чуть более ста лет назад Локк воспринимался медицинским цехом прежде всего как коллега.

Судьба его сложилась так, что стремление остаться в университетской среде не принесло желаемых результатов: несмотря на получение искомой степени, Локк вынужден был отойти от научных занятий. Сколько при этом потеряли медицина и естествознание, никто не знает, но, по-видимому, немало, если судить по блестящему началу его академической карьеры. Конечно, и Шефтсбери был причастен, пусть и косвенно, к миру науки, будучи членом Совета Лондонского королевского общества и председателем Совета по торговле и плантациям – институции, активно использовавшейся научным и медицинским сообществом для своих собственных целей. Характер их связи определялся тем, что и Шефтсбери, и Локк были вовлечены в один и тот же проект «великого восстановления». Подобно тому как политик Шефтсбери был частью проекта реформы образования, науки, медицины, торговли, промышленности и других областей жизни, врач и ятрохимик Локк был невольной частью политического проекта Шефтсбери. Но это не означает, что Шефтсбери был ученым, а Локк политиком. Каждый из них выполнял свою собственную роль в «общем деле». Более того, как гартлибианец Локк должен был придерживаться особой политической линии – «невмешательства» и в этом смысле занимать аполитичную позицию. Именно об этом он и писал Пемброку в известном письме. Надо думать, Пемброк его прекрасно понял.

По своему призванию Локк был врачом и на протяжении всей жизни не прекращал занятия практической медициной, собирал рецепты, консультировал пациентов, не только приходя к постели больного, но и через обширную переписку. В последние 14 лет после возвращения в Англию в феврале 1689 г. его медицинская практика постепенно сошла на нет, хотя репутация продолжала расти. Все его друзья (а их было очень много) просили совета, и на все их просьбы он так или иначе отвечал в своих письмах, хотя и считал, что врач должен находиться в непосредственном контакте с больным, чтобы оценить соответствие (или несоответствие) его недуга аналогичным случаям и найти подходящее лечение. В его подходе многие видели проявление скептицизма и агностицизма, однако и то и другое – концепции созерцательные, а Локк был врачом и не считал правильным ни воздержание от суждения, ни воздержание от помощи больному. Его рекомендации сводились к тому, чтобы соблюдать осторожность при диагностировании и не экспериментировать с лекарствами, которые могли навредить пациенту или даже стать причиной его смерти.

Разумеется, он был врачом для всей многочисленной семьи Машемов, вместе с которыми жил после возвращения в Англию (в том числе для матери леди Машем), и даже для жителей располагавшейся рядом с поместьем деревни, а также детей и жен своих многочисленных знакомых, не говоря уже о покровителях – Мордонте, Пемброке, Сомерсе. В какой-то момент, в январе 1698 г., пациентом Локка стал даже Вильгельм III, который вызвал его для медицинской консультации (возможно, в ходе их встречи ему был предложен некий важный пост, скорее всего пост госсекретаря, от которого Локк, сославшись на плохое самочувствие, отказался). Локк продолжал интенсивную переписку со своими зарубежными друзьями, прежде всего Тойнардом во Франции и Вином и Генелоном в Голландии, обмениваясь новейшей медицинской информацией.

Несмотря на высокие оценки Локка как врача, кажется очевидным, что он мог достичь большего в этой области и оставить заметный след в истории медицины, сопоставимый, например, с вкладом Ричарда Лоуэра. С этой точки зрения граф Шефтсбери и его окружение невольно сыграли роковую роль в судьбе Локка. С другой стороны, потеряв врача, история приобрела политического мыслителя, и это не могло произойти помимо Шефтсбери, хотя бы потому, что вовлеченность в политику позволила Локку накопить «полезный» политический

опыт. После ноября 1684 г., исключенный из колледжа Крайст-Чёрч «за виггизм» тем же способом, каким он в свое время был там оставлен (т. е. высочайшим королевским указом, подписанным на этот раз госсекретарем Сандерлендом), Локк был вынужден приложить все силы, чтобы выжить, а затем и подтвердить ту высокую репутацию мыслителя, которую он заслужил в период совместной работы с Робертом Бойлем и Томасом Сиденхемом.

Дискуссия о датировке

Главным научным результатом Питера Ласлета, изложенным в обширном предисловии к его изданию «Двух трактатов о правлении», стала гипотеза, что это произведение написано, в его основном содержании, не в канун и не во время «славной революции» 1688–1689 гг., но в 1679–1680 гг., а дополнения сделаны в период, непосредственно предшествовавший возвращению Локка в Англию в феврале 1689 г. При этом второй трактат, считает Ласлет, был написан раньше, чем первый, поскольку «логически ему предшествует»: критика Роберта Филмера, развернутая в первом трактате, не могла появиться без предварительно выработанной Локком собственной позиции по многим обсуждаемым в первом трактате вопросам.

Аргументация Ласлета являет собой сплав из общей посылки о логическом первенстве второго трактата и разнообразных косвенных свидетельств, касающихся книг из библиотеки Локка, которые могли быть использованы при написании этого сочинения, а также ссылок в тексте этого произведения на те или иные исторические события, позволяющие сделать предположения о времени его написания. В целом Ласлет продолжает линию, намеченную в XVIII в. «Коллекцией» Де Мезо и Коллинза, на сближение Локка с Шефтсбери и придание «Двум трактатам о правлении» смысла, соотносимого с «кризисом исключения». По сути дела, для Ласлета и ряда других историков вопрос о датировке равносителен вопросу о точном контексте и смысле этого важнейшего произведения Локка.

Данная концепция в 1980-1990-х гг. была подвергнута частичной критике Ричардом Ашкрафтом, а затем Дэвидом Вуттоном¹⁶⁴. Эти историки выдвинули другие интерпретации, впрочем не затрагивающие самой сути выводов Ласлета. Джон Милтон присоединяет к числу этих критиков Джона Маршалла¹⁶⁵, позиция которого по этому вопросу мало чем отличается от концепции Ашкрафта: отодвигая время создания второго трактата на чуть более поздний срок, Маршалл остается в смысловых рамках, ставящих Локка в один ряд с представителями «радикального сопротивления» режиму Карла II. К числу умеренных критиков Ласлета можно отнести и Марка Голди, автора предисловия к изданию «Двух трактатов о правлении» 1993 г.¹⁶⁶ и многих других работ, концепция которого в дальнейшем изложении будет обсуждаться неоднократно.

В сжатом виде позиция Ашкрафта может быть изложена так: первый трактат был написан в 1680–1681 гг., а второй – в 1681–1682 гг. Аргументируя свой вывод, Ашкрафт выступает с критикой аргументов Ласлета. В свою очередь, отвечая на критику Ашкрафта, Ласлет замечает, что, подвергая критике частности, Ашкрафт не видит главного: во-первых, в любом случае датировка сдвигается примерно на десять лет, в чем оба исследователя сходятся; во-вторых, остается в силе аргумент о «логическом предшествовании» второго трактата, не затрагиваемый критикой «частностей»¹⁶⁷. Прежде чем перейти к более подробному анализу полемики о датировке и контекстах «Двух трактатов», посмотрим, что же было обнаружено Ласлетом при подготовке им критического издания, ставшего за прошедшие пятьдесят лет современной классикой и даже в каком-то смысле историографической догмой.

¹⁶⁴ Wootton D. Introduction // Locke, J. Political Writings / Ed. by D. Wootton. – Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2003.

¹⁶⁵ Marshall J. John Locke: Resistance, Religion and Responsibility. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

¹⁶⁶ Locke J. Two Treatises of Government / Ed. by M. Goldie. – London: J. M. Dent, 1993.

¹⁶⁷ Laslett P. Addendum to Introduction, 1987. The Dating of the Composition of Two Treatises and the Question of Whether the Second Was Composed Before the First // Locke J. Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 124.

Ласлет предлагает следующую интерпретацию. Согласно его гипотезе, когда «Два трактата о правлении» были опубликованы в 1689 г., главной особенностью первого издания, как и всех последующих, стало то, что напечатано было не все произведение, а лишь его «остаток». Как объясняет сам Локк в предисловии к «Двум трактатам», значительная часть книги, а именно средняя часть, между «началом» и «концом», была утеряна; и по объему она была «значительнее», чем то, что осталось. Известно, что печатание книги в 1689 г. было приостановлено после того, как обнаружились многочисленные ошибки набора, но, возможно, это произошло именно из-за того, что типография потеряла часть рукописи. В те времена это случалось. Из этого, кстати, следует, что копии «Двух трактатов» не существовало, а печать производилась с единственного экземпляра рукописи.

В 1694 г. тираж первого издания, составлявший тысячу экземпляров, был распродан, и встал вопрос о втором издании. Эдвард Кларк передал издателям – братьям Черчиллям экземпляр первого издания, содержащий исправления, внесенные рукой Локка, общим числом около 150. Однако качество набора второго издания оказалось хуже первого, некоторые исправления не были учтены, в тексте было много пропусков. Тем не менее тираж, напечатанный в 1694 г., был тоже в конечном счете распродан. Третье издание состоялось в 1698 г., однако Локк и на этот раз не был удовлетворен. В один из экземпляров этого третьего издания им было внесено множество мелких грамматических и орфографических, а также смысловых исправлений. В дальнейшем поправки были, по-видимому, скопированы в экземпляр, взятый, по мнению Ласлета, из тиража второго издания. Вся история прижизненных изданий сопровождалась постоянными исправлениями, которые вносил в них Локк.

В сохранившемся экземпляре на нескольких первых страницах исправления были сделаны, по мнению Ласлета, рукой Локка, остальные – рукой Пьера Коста, за исключением немногих поправок, сделанных Локком далее по тексту (хотя в данном случае почерк Локка достоверно не атрибутируется). «Имеются указания, – пишет Ласлет, – что Кост копировал исправления с другого контрольного экземпляра книги»¹⁶⁸. По неясной причине четвертое издание, появившееся в 1713 г., уже после смерти Локка, повторяло третье, но не содержало внесенных поправок.

Последовавшие новые издания и перепечатки привели к новым ошибкам и пропускам, пока в 1764 г. Томас Холлис не приобрел экземпляр Коста, по которому было осуществлено «новое» издание. Одна из книг напечатанного тогда тиража была передана кембриджскому Крайст-колледжу. Собственно говоря, именно этот экземпляр, названный Ласлетом «экземпляром Крайст-колледжа», и послужил основой для его ставшего классическим научно-критическо-го издания 1960 г.

В XIX в. издатели, осознавшие наличие нескольких разных изданий, но не разобравшись в их последовательности и истории исправлений (а понять это было совсем не просто, да и не входило в обязанности типографов), печатали тексты «Двух трактатов», в которых объединялись издания разных лет. Гипотетический контрольный экземпляр самого Локка до сих пор не найден, хотя, как подчеркивает Ласлет, именно он должен был бы стать основой для достоверного текста «Двух трактатов о правлении»¹⁶⁹. Увы, сегодня мы имеем дело с одной из промежуточных версий. Последняя и, как полагают историки, серьезно переработанная Локком версия этого произведения пока не найдена. А она несомненно существовала. Можно даже предположить, что именно эту версию Локк намеревался все же опубликовать под своим именем, а не анонимно, как предыдущие издания «Двух трактатов о правлении».

¹⁶⁸ Laslett P. Introduction // Locke J. Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 10.

¹⁶⁹ Ibid. P. 11.

Согласно гипотезе Ласлета, первоначально «Два трактата о правлении» представляли собой единое, цельное произведение, которое Локку на всем протяжении бурных 1680-х гг. пришлось прятать от властей и которое в его переписке с близкими друзьями получило условное наименование «De Morbo Gallico» («французская болезнь», «сифилис», т. е. абсолютизм, завезенный из Франции)¹⁷⁰. Это единое, цельное произведение имело, по словам Ласлета, не два названия для каждой из частей, а одно общее название – «Рассуждение о светском правлении». Что же касается деления на «два» трактата, то это произошло уже после того, как были отпечатаны гранки. Ради сохранения хотя бы внешней логики была вставлена страница с новым титульным листом для второго трактата. В результате пришлось пожертвовать как минимум одной (последней) страницей первого трактата, и текст этого последнего так и дошел до наших дней оборванным на середине абзаца¹⁷¹.

¹⁷⁰ Более внимательное (или менее пристрастное) прочтение выявило ошибку Ласлета: в рукописи, найденной при аресте Шефтсбери в июле 1681 г., говорится не о «Mors Gallicus», а о «Mars Gallicus», запрещенной во Франции книге, в которой подвергалась критике внешняя политика кардинала Ришелье. Этот труд был опубликован под псевдонимом в 1635 г. Корнелиусом Янсенем, епископом Ипра и основателем янсенизма (полное название – «Mars Gallicus, seu de justitia armorum et foederum regis Galliae, libri duo»). См.: *Milton J. The Unscholastic Statesman: Locke and the Earl of Shaftesbury // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury, 1621–1683 / Ed. by J. Spurr. – Farnham: Ashgate Publishing, 2011. P. 169–170.*

¹⁷¹ Полное название «Двух трактатов о правлении»: *Two Treatises of Government: In the former, The false Principles, and Foundation of Sir Robert Filmer, And his Followers, Are Detected and Overthrown. The latter is an Essay concerning the True Original, Extent, and End of Civil Government. – London, 1690.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.